

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РОСА

КЛАД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

Старый Оскол
2017

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5 Бел
К 47

Клад: Литературно-художественный альманах. Выпуск 17. –
К 47 Старый Оскол: Изд-во «РОСА». – 2017. – 176 с.

ISBN 978-5-905922-91-6

Свидетельство о регистрации П-1469 от 18.07.95,
выдано Северо-Западным Управлением Комитета РФ по печати.

Литературно-художественный альманах
Российского общества современных авторов (РОСА).
e-mail: 885533@mail.ru, <http://art-rosa.ru>

В альманахе представлено литературное творчество современных авторов в разделах «Поэтический марафон», «Осиянное слово», «Победители Стихомарафона в группе РОСА «ВКонтакте», «Московская городская организация Союза писателей России», «Мцыри», «Проза».

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5 Бел

ISBN 978-5-905922-91-6

© Авторы альманаха, тексты, 2017
© Издательство РОСА, составление,
оформление, 2017

Качество количества

Количество авторов различных текстов с претензией на художественную литературу или абсолютную истину достигло критического уровня, равно как и объединений, союзов, учреждений, клубов, форумов, академий, университетов, фестивалей, конкурсов, премий и прочих объединений людей творческих или, в крайнем случае, считающих себя таковыми либо ценителями творчества и умных мыслей. При этом всё сложнее становится найти компромисс, прийти к какому-то согласованному решению, в том числе и в оценке художественного произведения как по форме, так и по содержанию.

Более того, то, что получает положительную оценку на уровне государства и (или) больших денег, административного ресурса, широкой информационной поддержки, чаще всего, вызывает отторжение в народных массах. Впрочем, даже среди тех, кто имеет большие возможности, нет единого мнения о том, что нужно читателю. А что же сам читатель? Есть таковой? Может быть, уже все представляют себя авторами?

Такое ощущение особенно остро возникает после посещения литературно-музыкальных мероприятий, на которых авторы выступают друг перед другом. И, похоже, что отсутствие зрителей их совершенно не смущает. Таковую ситуацию они объясняют либо невежеством народа, либо отсутствием внимания со стороны СМИ и поддержки со стороны власть поддерживающих или обладателей больших капиталов.

Но, тем не менее, книги издаются, спектакли ставятся, фильмы снимаются, песни записываются, премии вручаются, звания присваиваются, бизнес «на культуре» процветает...

Основной довод крупных издательско-торговых предприятий, производителей развлекательного кино, антрепризных спектаклей и эстрадного шоу-бизнеса – раз покупают, значит это как раз то, что нужно, так как именно спрос оправдывает предложение.

Им как бы возражают обладатели административного ресурса через творческие союзы, грантов, премий, бюджетных

театров и прочих учреждений на гарантированном финансировании, выдавая «на гора» произведения своих авторов, которые как бы должны не спрос удовлетворять, а подтягивать интеллектуальное и эстетическое состояние потребителя до высокого уровня «профессиональных» художников.

Своим субъективным мнением на право быть доступным массовому читателю выступают издатели коллективных сборников, альманахов и книг за счёт авторов. Хотя, как правило, таковые издания распространяются опять же среди самих авторов, их друзей и знакомых. Хотя издатели, зарабатывающие на них деньги, всячески подчёркивают значимость таковых вложений через организацию презентаций, выдвижения на конкурсы, премии, публикацию рецензий на вышедшие книги в газетах, журналах, в интернете и даже выкладку книг в книжных магазинах и в интернет-магазинах. Но, фактически, это мало что давало для реального продвижения писателя к читателю, оставляя его на прежнем уровне.

Активно реализуют себя авторы и в интернет-пространстве. Кто-то как дополнение к печатному проекту, а кто-то, как единственный доступный способ из-за отсутствия денежных средств и взаимопонимания с издателями.

С другой стороны, некоторые авторы умышленно уходят в виртуальное пространство, полагая, что электронная книга имеет больше шансов если не окупить трудозатраты автора через продажи самой книги, с учётом распространения всевозможных гаджетов в повседневной жизни, то хотя бы найти наиболее краткий путь к реализации авторского замысла через экранизацию, сценическую интерпретацию, создание песни и прочее.

Особняком в плане продвижения литературы стоят библиотеки. Утратив монополию на книжное собрание в связи с развитием интернета, библиотеки пытаются активизировать проведение массовых мероприятий как с пишущими, так и с читающими, отвоёвывая аудиторию у клубов, ДК, театров и прочее. Находясь на бюджетном финансировании, они вынуждены лавировать между множественными мнениями, угадывая дуновение ветра в умонастроениях местных властей, вышестоящих ведомственных структурах, случайных спон-

соров, активных авторов и немногочисленных читателей. Но фактически, чаще всего, в библиотеках реализуют свои инициативы как раз авторы для авторов, клубы общения для пенсионеров и тематические мероприятия для школьников и студентов в рамках учебных и воспитательных программ. Тем не менее, нужно отдать должное библиотекам, так как, по сути, на сегодняшний день это последний бастион в битве за книгу и возможность независимого развития отечественной литературы. Самая большая опасность на этой территории – отдать предпочтение кому-то одному, встать на сторону чьего-то творческого видения, помочь ему нравуочать, обучать, поучать, запрещать, продвигать... Самое главное их достижение как раз в том, что они создали территорию свободного развития современного литературного процесса, приютив множество самых различных творческих объединений, осуществляя своими силами просветительскую деятельность, пытаясь сохранить историю отечественной литературы, расширяя возможности знакомства с современной литературой и различными формами её интерпретации.

К какой же из этих форм творческой реализации можно отнести РОСА (Российское общество современных авторов)? Я считаю большой удачей то, что нам удалось выдержать натиск ортодоксов в литературном процессе, стремящихся сделать из РОСА ещё один кружок, клуб, творческое объединение, оставшись свободным товариществом.

Да, в РОСА сохранён институт членства, есть кандидатский стаж, но основной упор сделан на развитие участия в мероприятиях, в сотрудничестве, в общении.

В этом году переизбран Координационный Совет РОСА. Численный состав Координационного совета был увеличен до семи человек и в него вошли Сергей Галиченко (редакционно-издательская деятельность), Марина Голосова (продвижение котента РОСА в интернете), Наталья Стрельникова (популяризация творчества авторов, клуб авторской песни «БАРРЭ», участие в экспертной комиссии), Людмила Дринова-Воронина (организация публичных мероприятий, редакционная деятельность), Надежда Лан (театр поэзии «Галактика РОС», работа с молодёжью), Валентина Ансимова (клуб

«Родник», популяризация литературных классиков), Нэлли Кладова (организационно-финансовая деятельность, редакция). Председателем Координационного совета переизбрана Людмила Дринова-Воронина.

Авторы выступали во многих учреждениях, организациях, в том числе в Старооскольском доме-интернате для престарелых и инвалидов, в Комплексном центре социального обслуживания населения Старого Оскола, в Старооскольском зоопарке на закладке фамильной аллеи, на площади перед кинотеатром «Быль» в Старом Осколе, в ДК села Огибное, в ДК села Дмитриевка, в сквере возле памятника А.С. Пушкину.

РОСА активно поддержало новый фестиваль для молодых авторов «Любимцы Музы», инициатором которого стала член Союза писателей России Ольга Филиппова.

Она же была приглашена для участия в редколлегии альманаха «Клад» и для проведения литературного семинара в литмастерской РОСА в помещении юношеской библиотеки в Старом Осколе.

РОСА так же были учреждены специальные призы для участников фестивалей «Оскольская лира» (Старый Оскол), «Осиянное слово» (Москва), «Мцыри» (Москва).

Гран-при фестиваля «Афганский ветер» завоевал дуэт из Старого Оскола – Сергей Шевченко и Наталья Стрельникова – педагоги по профессии, активные участники мероприятий РОСА. Сергей преподает в музыкальной школе класс гитары. Наталья работает в центре дополнительного образования и много лет руководит клубом бардовской песни «БАРРЭ», неоднократно избиралась председателем Старооскольской организации РОСА, много раз становилась победителем различных фестивалей поэзии и авторской песни, в издательстве РОСА выпущены её поэтические сборники и диски с песнями, методические материалы и очерки о творчестве.

Наши авторы приняли участие в работе жюри в третьем городском фестивале патриотической песни и поэзии «Юность Оскола», в 13 фестивале-конкурсе «Песни сердца» (Старый Оскол), «Осиянное слово» (Москва), «Слово» (Москва), «Мцыри» (Москва), «Ребята с нашего двора» (Старый Оскол), «Три аккорда» (Старый Оскол).

Группа старооскольских авторов побывала на Сретенских чтениях в краеведческом музее г. Бирюч, организованных известным писателем и общественным деятелем Владимиром Калущким.

К сожалению, в этом году из-за финансовых трудностей и кадрового дефицита РОСА не смогла активно развивать группы, созданные «ВКонтакте». Сегодня в них, всего лишь, дублируются материалы, опубликованные на нашем сайте. Но по итогам прошлого года в издательстве РОСА был выпущен в серии «Сигнальный экземпляр» авторский сборник победителя «Стихомарафона РОСА» ВКонтакте «Позови меня вслух» Алексея Темучина из Воронежа.

В литмастерской РОСА проводились презентации книг, семинары, выставки изобразительного искусства, творческие отчёты авторов.

Ежемесячно работала Творческая гостиная в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина в Старом Осколе.

Возобновлена работа литературной мастерской и Творческой гостиной РОСА в Москве на базе Центральной библиотеки героев (им. Н.В. Гоголя).

Проведён конкурс рукописей, на который поступило 286 работ. Места распределились следующим образом: художественная проза – Юрий Чекусов «Пережиток прошлого» (повесть); поэзия – Сергей Дровников «Вечер и море» (стихотворение); литературная критика – Татьяна Гергерт «Сон притихшего сада» Тамары Дроновой (очерк о поэтическом сборнике Т. Дроновой). Все три победителя получили денежные премии, сертификат на издательские услуги от издательства РОСА, диплом победителя конкурса рукописей – 2016.

Прошёл 12 фестиваль «Русская ярмарка талантов». В этом году для его проведения свои двери распахнула старооскольская школа № 30. По итогам вышел сборник «Фестивальное эхо». А вообще в прошлом году в издательстве РОСА вышло в свет 33 наименования книг – поэзия, проза, авторские и коллективные сборники, монографии, книги для детей. В том числе: Людмила Иванова (Москва) «Будем петь и рисовать» – книжка-раскраска с нотами и текстами песен для детей; Сергей Дровников (Старый Оскол) «Карусель судьбы» – стихи и

проза; Михаил Вэй (Санкт-Петербург) «По ком звонят трамвайные звонки» – стихи; Ли Гевара (Севастополь) «Памятка по выживанию в себе» – стихи; Владимир Калуцкий (Бирюч) «Вечера над Тихой Сосной. Легенды старого Бирюча»; Наталья Скубак (Шебекино) «Рождённая весной» – стихи; Сергей Бакланов, Светлана Дятлова «Старый Оскол – Навои» – стихи и рассказы; Бесс Велиаль (Белгород) «Люди любят входить без стука» – стихи.

На сайте РОСА <http://art-rosa.ru> в разделе «Поэзия» опубликовано 300 произведений, из которых наибольшее количество прочтений (820) у сборника стихов Галины Щербининой «Горечь греха». В разделе «Проза» – 90 публикаций, среди которых лидирует сборник рассказов и коротких повестей Юрия Чекусова «Север всё спишет» (2125). В «Драматургии» – Виктор Верин «Рыцарь» (1306). «Сказки» – Тамара Дронова «Бабушкины сказки» (1015). «Публицистика» – Владимир Калуцкий «Петушиное слово» (911). «Наука» – И.В. Цуканова, В.В. Тюхтина «Восточные мотивы в имидже Виктора Цоя» (965). «Рецензии» – Ольга Хорхордина «Творчество Владимира Михалёва» (764). «Интервью» – Юстина Восприняк «Форма слова Максима Бурдина» (1298). «Книжное обозрение» – Коллективная монография «Язык. Культура. Социум» (873). На канале РОСА на youtube всего опубликовано 82 видео. По количеству просмотров лидирует: «Марина Голосова читает свое стихотворение «Ты больше мне не нужен» (375).

Конечно, по сравнению с населением земного шара или хотя бы нашей страны, количество читателей, прямо скажем, маловато. Хотя, как посмотреть. Ведь существует же закон семи рукопожатий. И в нашем случае весьма вероятно, что седьмым читателем именно этого альманаха, а он, как правило передается из рук в руки, станет именно тот, кто сможет не только по достоинству оценить ваше творчество, но и помочь в его дальнейшей реализации.

Сергей Галиченко,
директор издательства РОСА,
главный редактор альманаха «Клад»

альманах «КЛАД»

**ПОЭТИЧЕСКИЙ
МАРАФОН**
РОСА

Афанасий Фет

1820 - 1892 гг.

Родился в усадьбе Новосёлки Мценского уезда, Орловской губернии.

Русский поэт, переводчик, мемуарист, член-корреспондент Петербургской академии наук

Поэтам

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова невольню,
Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Только у вас мимолётные грёзы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

Николай Гумилёв

1886 - 1921

Родился в Кронштадте. Русский поэт, создатель школы акмеизма, прозаик, переводчик и литературный критик.

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

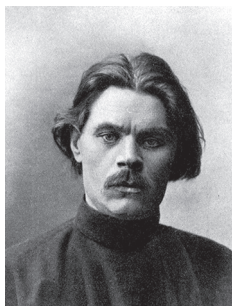
И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передаёт.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро, и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это - Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.

Максим Горький

1868 - 1936 гг.

Русский писатель, прозаик, драматург.

Настоящее имя – Алексей Максимович Пешков.

Псевдоним М. Горький впервые

появился 12.09.1892 г. в тифлисской газете

«Кавказ» в подписи к рассказу «Макар Чудра».

Не браните вы музу мою,
Я другой и не знал, и не знаю,
Не минувшему песнь я слагаю,
А грядущему гимны пою.

В незатейливой песне моей
Я пою о стремлении к свету,
Отнеситесь по-дружески к ней
И ко мне, самоучке-поэту.

Пусть порой моя песнь прозвучит
Тихой грустью, тоскою глубокой;
Может быть, вашу душу смягчит
Стон и ропот души одинокой.

Не встречайте же музу мою
Невнимательно и безучастно;
В этой жизни, больной и несчастной,
Я грядущему гимны пою.

Марина Голосова

г. Старый Оскол

Родилась 13.05.1986 г. в г. Старый Оскол. Студентка Белгородского государственного университета. Стихи писала с детства. Печаталась в различных периодических изданиях. Выпустила сборник стихотворений «Сиреневый закат». Член РОСА.

Медленно выдохни и досчитай до ста.
Вытолкни лёгкими весь углекислый газ.
Я впереди, ну а ты от меня отстал.
Гонки по кругу типичны теперь для нас.

Если почувствуешь в сердце тупую боль,
Выйдут планеты вдруг со своих орбит.
Знай, в моей жизни сыграна твоя роль,
Значит ты мною полностью позабыт.

Нам не впервой состязаться. В душе пожар.
Волею случая роли сменились вновь.
Помню, когда-то ты передо мной бежал,
Я задыхалась, ступни сбивая в кровь.

Так что терпи, на дистанции мы одни.
Голову выше и волю в кулак — дерзай!
Воздух ты полной грудью своей вдохни,
Высправи плечи снова и обгоняй!

Валентина Казанова

г. Старый Оскол

Студентка Воронежского
экономико-правового института

Град судьбы

Это дождь или град -
Никак не пойму!
Это слёз водопад -
А я их ловлю.

Это боль, пустота,
Моей будущей жизни...
Видно все неспроста,
Коль поганые мысли

Словно капля за каплей
Мечты разбивают,
И, как молнией-саблей,
Меня убивают.

Это дождь или град -
Никак не пойму!
Это слёз водопад -
И я их ловлю...

Зоя Буцаева

г. Старый Оскол

Родилась в 1952 г. Окончила Воронежский Инженерно-строительный институт. Работала инженером-теплотехником на разных предприятиях. Автор нескольких поэтических сборников.

*Живёшь в плену не у своей вины.
Е. Скрынникова*

Я столько лет жила
В плену чужой вины.
Судьба бывала зла,
И снились злые сны.

Как лодка без весла,
Что волею волны,
Обида занесла
В водоворот вины.

Всё мучила и жгла
Коварная вина,
Но не сожгла дотла –
Исчерпана сполна.

Вдруг спала пелена,
Ушли дурные сны –
Уж выпито до дна
Вино чужой вины.

Татьяна Марюха

г. Старый Оскол

Родилась 30.01.1955 г. Педагог по профессии. Является автором 3-х персональных поэтических сборников, 2-х компакт-дисков на свои стихи и стихи других авторов и одного песенника с нотами и аккордами, участник, дипломант и лауреат фестивалей авторской песни.

Плач по капле

Из белого тумана на тёплом зелёном листочке родилась капля росы. Она была чистой и прозрачной. В ней отражались небеса, цветы, зелень и чьи-то блестящие глаза. Капля была в восторге: «Боже, как красив мир!» Она не знала ещё, что когда солнце поднимется выше и осветит всё великолепие жизни, ей придётся исчезнуть! Но, пока это случится, она сумеет слиться с другой каплей, упасть на землю и напоить цветок, потом цветок расцветёт ещё краше, и на нём утром появятся новые жемчужные, восторженные капли. Легкокрылые бабочки яркой расцветки будут пить нектар из цветка и запивать росой.

Но вдруг началась гроза! Нет, не та, что случается от небесного электричества, а другая, враждебная и цветам, и бабочкам, и людям. Она моментально испарила каплю, испепелила цветок, опалила крылья бабочкам, замутила блестящие весёлые глаза, и из них градом полились другие – солёные капли. Капля росы, рождённая для счастья, так и не познала его, вместо этого она испытала горе и несправедливость жизни!

На следующее утро белый туман снова возродил росу на тёплой, обугленной ветке, но этой капле совсем не понравилось то, что она отразила, и она, превратившись в белый пар, исчезла.

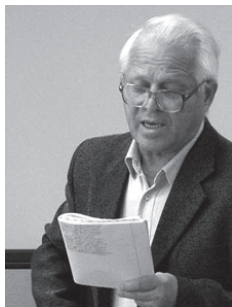
Белёсый туман что-то ищет в овраге,
Быть может, жемчужные капельки рос.
Чернильная ручка на белой бумаге
Найдёт ли ответ на извечный вопрос:

Откуда пришли, такие земные,
Не с неба ль свалились иные из нас,
Что рвутся в ракетах в миры ледяные,
Стартуя отважно в условленный час?

Найдут, потеряют ли в бездне отверзлой?
Земля будет также в тумане, в росе...
На ней человек, гениальнейший бездарь,
Не смогший дать ладу всей этой красе.

Не грешить и не каяться, просто жить на Земле:
Страшен не апокалипсис - равнодушия твердь.
А ещё беззакония и бесправия жуть,
Голосов какофония, и не передохнуть.
Всё идёт, как и водится, каждый сам за себя,
И война хороводится, миллионы губя.
За бедой неурядицы, как конвейер без конца,
Где слезой в бездну катится Жизнь с Земного лица.

Было лето, каприз и кураж.
И рояль был в кустах, а сейчас?
Он в сугробе и будто не наш,
И суров, будто иконостас.
Так судьба постучалась к нам в дверь,
Ворвалась к нам февральской пургой,
Наша жизнь вся в миноре теперь,
Я другая и ты стал другой.

Анатолий Овсянников

г. Старый Оскол.

Род. 27 ноября 1944 г. Окончил Старооскольский геологоразведочный техникум, Якутский гос. университет. Трудился в геологоразведочных партиях, избирался председателем комитета профсоюза, председателем исполкома поселкового Совета народных депутатов.

Ветер забвения

О, Русь! Тебя я не покину!
Толкая в тёмный, гиблый путь,
Забвенья ветер дует в спину.
В болоте клеветы не сгину.
В день горький, трудную годину,
В последний час со мною будь!

Путь-дорога

Растворился во тьме хуторок,
От него путь-дорога уводит.
Мыслей горьких уносит поток,
Тучки в небе шалят, хороводят.
Ливень в поле полощет с небес,
Не даёт мне идти по дороге.
И ни зги уж не видно окрест,
Пережду непогоду я в стоге.
В нём духмяность травы полевой
Кружит голову, сердце волнует.
Запах чувствую ржи золотой,
Ветерок тёплый, ласковый дует.
Шум дождя и душевный покой
Разливаются негой по телу.
Навалился, вдруг, сон сам собой,
И до песен дождя нет уж дела.

Сказ о Руси

Порождает лучик солнышка
День с румяною зарёю.
Весей труд благой на полюшке,
За далёкой синь-горою.
Песни русские державные
По- над полем счастья лётают.
Годы мира урожайные,
Русы с песнею работают.
Земля-Матушка довольная:
Рус всегда о ней заботится.
Весей жизнь издревле вольная,
Душ плененье не воротится.
Дети русичей ватагами
С туесками, да по ягоды.
Дрёмный лес и страх корягами
Гонят их до ночи загодя.
Лунный свет над Русью сеется,
Ковыли волной серебряной.
Души Русов Верой веются,
Лет так с тысячу потерянной.
Вновь придёт денёк, засветится,
Русь проснётся, Морок скроется.
Русский Род Богами метится,
Светом их с утра умоется.
И пойдёт Русь в дали- дальние,
Со душою, с чистой совестью.
Возродится быль опальная
И напишет Правды повести.

*Порождать - стать источником чего-нибудь,
вызвать появление кого-чего.*

Людмила Дринова-Воронина

г. Старый Оскол.

Театральный режиссёр и музыкант. Работала музыкальным руководителем в детских садах, директором Старооскольского районного дома культуры. Пишет песни, романсы, картины, стихи, занимается переводами стихов с других языков. Её стихи также переведены поэтами на болгарский, белорусский, украинский.

Сентябрь! Сентябрь!
 Куда дел Бабье лето?
 Что ты молчишь, руками разводя?
 Последние деньки тепла и света
 Не мог оставить людям, уходя?
 Вновь плачет туча горькими слезами,
 И тополя припоминают вдруг,
 Как летом небо синими глазами
 Глядело на дождём умытый луг!
 Как приносил цветов благоуханье
 Попутный, тёплый, нежный ветерок!
 ... Смотрю в окно сквозь шторы колыханье
 И понимаю, что всему - свой срок.
 Но, всё ж, сезон дождей начался рано,
 Не повернёшься - и...сезон снегов!
 Сентябрь, Сентябрь!
 Всё начал ты с обмана
 И тем нарушил заповедь богов!
 «Не укради!» - является заветом!
 ... И плачет туча, не жалея слёз! -
 Ведь ты тепло, завещанное летом,
 Зачем-то взял, да и с собой унёс!

Николай Будённый

г. Старый Оскол.

Я слышу осени звучанье

Мне льёт сентябрьское светило
Остатки летнего тепла.
Что сердцу дорого и мило,
Увяло, выгорев дотла.
Давно знакомые тропинки
Не манят свежестью утра,
А счастье лёгкой паутинкой
Уносят холодные ветра.

Затянуто небо
Тоскливою мглою.
В краю том я не был,
Пленён я тоскою.

Дождинки стекают,
Бьют капли по крыше,
А я улетаю
Всё выше и выше –

Туда, где печали
Уже не застанут.
Туда, где начало
И где не обманут.

Тамара Дронова

г. Старый Оскол

Родилась в с. Огибное Чернянского района Белгородской области. По образованию воспитатель дошкольных учреждений. Наряду с любовной лирикой и поэзией на православную тему пишет стихи для детей.

Букет для мамы

Я букет осенних листьев маме подарю
и рябины красной кисти в праздник к ноябрю.

Что ещё придумать можно – мне уже семь лет.
Очень жаль, что невозможно подарить букет

васильков, ромашек белых – отцвели давно.
Во дворе, то снег, то ветер, дождь стучит в окно.

Нарисую я цветочки, поле в летний зной.
Мама тихо скажет: «Дочка, я горжусь тобой».

Елена Зуева

г. Новый Оскол

Родилась 23 августа 1954 года в г. Ангарск Иркутской обл., автор поэтических сборников «Осенние костры» (2012) и «Женское счастье» (2015), автор-исполнитель песен и романсов.

Женщина и табак

Женщина курит в сквере,
Женщина курит в депо,
Она сейчас и политик,
И режиссёр кино.

В этом безумном мире
Всё поменялось так!

И наравне с мужчиной
Женщина курит табак!

В смелой руке сигарета,
Дыма колечки столбом.
Леди нарядно одета,
Но этот шарм ни при чём!

Мужчины проходят мимо,
Не заметив этот «пустяк».
Право же, не совместимы
Женщины и табак.

Но время карет миновало.
Нет нынче лент и жабо!
И очень модно стало
Имидж менять и лицо!

В этом суетном мире,
Брюки надев и пиджак,
И наравне с мужчиной
Женщина курит табак!

В чём же таится причина?
Они не похожи так!
Право же, не совместимы -
Мама и крепкий табак!

Евгений Кремнев

г. Нижний Новгород

Родился в 1976 году. Работает инженером-железнодорожником, женат, двое детей.

Сенокос

Ты, по полю мягкой поступью шагая,
Свои волосы упрятав под платком,
Мне несёшь краюшку каравая,
Глиняную крынку с молоком.

Солнце высоко. На поле жарко.
Градом пот с лица. Поёт коса.
И над нами небо синей аркой
Вдаль уходит в дымке за леса.

Щебет птиц, чирикание и шорох,
Лезвие косы в траве искрит,
Всё слилось. И над природным хором
Ястреб в небе высоко парит!

Галина Щербина

г. Старый Оскол

Член РОСА и Союза писателей России. Автор нескольких поэтических сборников. В издательстве РОСА вышли в свет её книги «Дождепад», «Печальный круг», «Горечь греха».

Авторам

Стопка книжная. Стопка судеб.

Лица разные сквозь страницы.

Было... Не было...

Было... Будет!

Не случилось бы отстраниться.

С них слова сквозь век,

как дождем.

Дни-года летят. —

Ох и птицы!

Мы придем, пройдем и уйдем.

Но останется лик страниц.

Что-то вспомнится.

Кто-то вспомнится.

Через толщу бездонных лет...

Ольга Филиппова

г. Старый Оскол

Член Союза писателей России. Воспитала троих сыновей, выпустила три книги стихов. Неоднократный дипломант, лауреат и член жюри различных литературных конкурсов и фестивалей.

Сложило лето свое оружие.
 А ты мое сердце не смог стреножить.
 Напрасно сумерки вяжут кружево,
 И вечер, на детскую сказку похожий.
 А я у собственных чувств в западне.
 Разлуки дни, как ступени лестницы.
 И каюсь я не в своей вине.
 Ну, что ж теперь? Пойти и повеситься?
 Но не дождетесь.
 Такая нелепица...
 Со временем заживет.
 Или стерпится...

Окрылённая

Взгляд как ожог, внезапен и настойчив...
 Еще ни слова вслух не прозвучало.
 Горела кожа, кровь в висках стучала
 И веяло дыханьем летней ночи...
 И васильково-синее мгновенье
 Легло узором на волшебных пальцах,
 И замирало время в исступленье.
 И сохли губы... И сплетались пальцы.
 Так в кровь мою входил июльский зной.
 И выросли крылья за спиной.
 Легко ль тебе со мною, окрыленной?
 Не с ангелом, а с женщиной влюбленной?

Вера Котенёва

г. Старый Оскол.

Родилась в с. Роговатое. Работала заведующей научно-технической библиотекой. Автор многих поэтических сборников и исторической документальной прозы.

Спит деревня, укрытая снегом –
Рано гаснут зимою огни.
В ярких звёздах вечернее небо,
Много их, но печальны они.

Спит деревня: ни шороха, звука,
Не поют, не играет гармонь...
А под крышами старые люди
Спят, уткнувшись печально в ладонь.

И повсюду печать одиночества:
На деревьях, сугробах, домах –
Оттого в небе звёзды далёкие
Все в хрустальных мигают слезах.

Звёздам скучно без взоров влюблённых,
Звёзды любят, как люди, общение.
Сквозь века они шлют свет землянам,
А в ответ звёзды ждут – восхищения.

Нелли Амунова

г. Старый Оскол

Родилась в с. Красные Четаи Чувашской АССР. Закончила Пермский сельхозинститут им. акад. Прянишникова и пединститут г. Кустанай, Казахской ССР. Работала инженером-нормировщиком Целиноградского НИИ, затем учителем химии и биологии в строительном техникуме и школах городов Джетыгар и Старый Оскол.

Моей юности

Среди неровных перекосов буден.
Среди свершений, радостей, побед
Как хорошо, что есть на свете люди,
В нас навсегда оставившие след!

Среди обид, измен и словоблудий
И темноты, пугающей в ночи,
Как хорошо, что мне встречались люди-
Как звёздочки, как огонёк свечи!

Бывают в жизни «чудные мгновенья»,
Которых никогда не предадим!
Ведь через все лишенья и прозренья
Мы с нежностью их в памяти храним

И – счастье! – в «одноклассниках» встречаясь,
Мы воскрешаем молодость свою...
К далёким дням незримо прикасаясь
В том городке, который я люблю!

Который нас одаривал мечтами,
Где неуместны зависть или лесть,
Товарищами, нежными друзьями.
Как хорошо, что ты на свете есть!

Ольга Слободкина- von Bromssen

г. Москва

Родилась в Москве 26 ноября 1958 г. Переводчик, преподаватель английского и немецкого языков, поэт, прозаик, эссеист, арт-журналист, фотохудожник.

Москва грустила без тебя –
Об этом улицы шептали.
И в шелестении дождя
Я слышала мотив печали.

Москва грустила без тебя –
Катились медленней трамваи.
И, мимо стройки проходя,
Я слышала – стонали сваи.

Но, может быть, подумал ты,
Что не Москва, а я грустила?
Нет, одиночества черты
Во мне исправит лишь могила.

Алексей Витаков

г. Москва

Родился в 1966 г. в Коми АССР. Поэт, прозаик, музыкант, исполнитель песен, композитор. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького. Председатель жюри и автор идеи Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово». Член Союза писателей России, участник Российского общества современных авторов. Автор многих аудиоальбомов и книг.

Речушка там коленками дрожит,
Подол приподнимая иван-чая.
Лобастый берег облака считает,
За голову ладони заложив.

Изба, окном повёрнутая к югу,
Чтоб дольше журавлям глядеть вослед.
Орёл витает в небе. По земле
Лениво ходит тень его по кругу.

Старухи-сосны отсидели корни.
Чернеет муравьиная строка.
Из неба, как из зеркала, рука
Выходит и в траве медвежьей тонет.

Висит дорога в воздухе, и ключья
Горячей пыли на немом столбе.
Душа листает воду в старой бочке
И смотрится – и нравится себе.

А помню, деревня была без названья,
Грибник семилетний по пояс в хвоще.
Из мудрого детского непониманья
Смотрел он: «Зачем им так много вещей?»

Старуха Агафья, а может быть Дарья...
Сказала, прищутив забельменный глаз:
«Он камешек Богом зовёт и в кармане
Таскает его. Вот такой он у нас!»

Ушло за увалы комяцкое лето.
Туман уже прятал звезду в бороде.
Я понял тогда, одиночество — это
Болезненный мальчик в осенней воде.

Старуха...не то Акулина...иль Марья
Добавила: «Жалостлив. Как подрастёт –
Деньгу не сшибёт, бабу вряд ли ударит.
Я чую таких завсегда наперёд».

Мы в ночь уходили. Прибрежные камни
Опутывал мрак. Растворялась во мгле
Деревня, как жест из времен стародавних.
Лишь камешек долго горел нам вослед.

Глухая ночь. Смешливая река.
Луна — в воде. Косматый берег чахнет
Над ней, и остро хариусом пахнет
Зелёная котомка рыбака.

Зажги костёр. Присядь удобней. Пусть
Твой слух твоя рука опережает.
Смотри в огонь. Пиши, как на пожаре,
Выучивай шум ветра наизусть.

На двадцать строк — пятнадцать крепостей,
Которые без штурма не сдадутся.
Лишь пять всего откуда-то прольются.
Вернутся, словно дети из гостей.

Дай уху слышать, а руке бежать.
А, если не бежит — стоять на месте,
Как звёзды слышат жаберные песни,
Качаясь на волнах и чуть дрожа.

Дослушайся. Побудь на берегу,
Пока багрянец утренний не брызнет.
Что за душой твоей? - случайность жизни.
Да хариус — ответишь — на уху.

Был ливень впрямь. Был ливень вкось. Был ливень сквозь.
Холодный август чешуёй скользил меж сосен.
Латала бабушка и вешала на гвоздь
Мои рубашки: «Ничего, потом износит».

А быт тяжёл. А быт — как бык. А быт — как лось.
Глушь леспромхозная. Таёжный век без края.
Но золотился от свечи весёлый гвоздь.
Спешил опавший лист на запах каравая.

Так хорошо лежать и, корочкой хрустя,
Смотреть, как всадник тенью вырос от заплаты.
И слышать: «Господи, пребудь в нём, как дитя,
От гроз сегодняшних до зорь его закатных!»

Был ливень в сон. Был ливень в ночь. Был ливень в день.
А быт — да был он. С той поры прошло немало,
Но всякий раз в канун Успенья вижу тень.
Промчится всадник — жизнь завертится сначала.

Осиянное слово

литературный форум им. Н. С. Гумилёва

Алексей Авадин

г. Москва

Член жюри поэтического конкурса «Poetryfresh» от Высшей Школы Экономики 2013, 2014, 2015. Член жюри всероссийского конкурса поэтов «Музыка слов» от Лабиринт.ру в номинации «Инстастих» в 2015г. Член жюри Чемпионата России по чтению вслух «Библиоринг» в 2016г. Член жюри турнира «Стихо Творец» в 2016г. Дипломант 13 литературного форума «Осянное слово» - 2016.

Работа, дом, работа и тоска
Бескрайняя, как небо над Россией.
Меня везёт автобус «двадцать два»,
Привычную дорогой некрасивой.

Дорогой, что устал уже идти.
Дорогой, что мазутом въелась в глотку.
Меня попросят снова оплатить,
И я отдам последнее на откуп.

И первую любовь, и крайний стих,
Всех книг давно прочитанных - обрезки.
На что, дай бог, кондуктор прохрипит:
«Билет храните до конца поездки».

Но это, если очень повезёт,
А так, пожалуй, выкинут в пейзажи
Знакомые, ботинками вперёд –
И на прощанье ничего не скажут.

Сергей Аксёнов

г. Москва

Кибернетик по образованию (МИФИ), по профессии занимается тестированием ПО. Играет на ударных в рок-группах и сам по себе. Женат на Анне Закревской. Воспитывает кошку Мяту. Дипломант 13 литературного форума «Осиянное слово» - 2016.

Космический

Вечер. Солнечная искра
Красным западом отсияла.
Небо тихо сползло за край,
Как воздушное одеяло.
Ночью царствуешь здесь не ты,
Всё – твоих полномочий нету.
Космос спустится с высоты
И потрогает бок планеты.
Сине-бело-зелёный бок
Сонно вздрагивает и дышит.
Космос – он не жестокий бог,
Что по образу взят с людишек.
Осторожно к Земле прильнув
И напасть отгоняя злую,
Он включит ей ночник Луну
И отечески поцелует.

Юлия Хрисанфова

г. Санкт-Петербург

Родилась в 1979 году в Ленинграде. Закончила СПб ГИК (Институт культуры). Работает библиографом. Автор книги стихов «Тайна пламени» (2014). Занималась организацией уличных поэтических фестивалей, литературно-музыкальных вечеров. С 2015 года ведёт молодёжные поэтические встречи на базе клуба «Приневь» в Доме писателя.

Венок

Ни раны время не отыщет,
Ни в чём уже не уличит -
На безымянном пепелище
Обычно нечего лечить.
Здесь будут мох, роса и нега,
И первозданная тоска
Совсем другого человека —
Ребёнка, мужа, старика.
Земля пропахнет мирным дымом,
Заплачет птица, как щенок,
Огонь бродяги пилигрима
Возложит пепельный венок
На русый мох, на росы эти,
На память, брошенную вспять,
А всё, что время не заметит,
То и не надо исцелять.

«МЦЫРИ»

*Всероссийский открытый
фестиваль молодых поэтов*

Алина Серёгина

Московская область

Гран-при XII Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (2016).
Ей также достались призы от портала «Осиянная Русь», издательства РОСА и Московского областного государственного театра юного зрителя.

Я была бы крестьянской девкой

Вот жизнь научит – и станешь дерзкой.
Не избалуют – и не проси!
А я была бы крестьянской девкой,
Когда бы в старой жила Руси.

Не знала б химий да прочих физик,
Без них понятно: весна к теплу.
А если б барин меня и высек –
Дак то ж за дело, а не по злу.

Не избежала б любовной драмки,
(Таких-то видных сыщи в селе!)
И принесла бы однажды мамке
Большой подарок да в подоле.

И пусть бы бабьи жужжали жала,
А мне не жалко, а мне чего?
Борщи б варила, сынка рожала,
Да причащалась не в Рождество,

А так, как надо - ежевоскресно,
Безмерно веря, что Бог спасёт.
И мне бы было неинтересно,
На что родилась, жила б – и всё!

Молву гнала бы за створки ставень
Да ухажёров – парней-кутил.
Меня бы барин да не оставил,
Меня Господь бы за всё простил.

Когда там думать о произволе?
Вон печь, вон пряжа, вон решето...
А нынче – воля, сплошная воля,
Да только бабе она на что?

И борщ неясно кому наварен,
И на работе сплошной завал...
Чего глядишь-то? Голодный, барин?
Айда-ка ночью на сеновал!

Светлана Попова

г. Елабуга

Родилась в 1988г в г. Елабуга. Окончила Набережночелнинский филиал Казанского Федерального Университета, факультет прикладной математики и информационных технологий по специальности экономист-математик. Является лауреатом Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри» в 2016 г.

Яблоко (Адам и Ева)

Ты знаешь, сегодня такой душный день
И хочется фруктов...
Я в полдень бродила по саду, где тень,
В беспамятстве будто.

Ходила меж яблонь, не видя дорог,
Не думая, где я.
Присела на землю и прямо у ног
Заметила змея.

Он что-то шептал мне про свет и про тьму...
Что точно – забыла,
Пока мимо сада к тебе одному,
Мой милый, спешила.

Смотри, это яблоко отдал мне змей,
Сползая в ложбину,
Сказал, что на свете нет фрукта вкусней.
Бери половину.

Так хочется сделать хотя бы надкус,
Попробовать сока...
Давай же узнаем у яблока вкус –
Кусай с того бока!..

ПОБЕДИТЕЛИ
«Стихомарафона - 2016»
в группе РОСА «ВКонтакте»
<https://vk.com/club12380283>
по итогам читательского
ГОЛОСОВАНИЯ

Лидия Рыбакова

г. Москва

Поэт, прозаик, член Союза писателей России, Союза журналистов России, Союза писателей-переводчиков, Международного общества им. А.П. Чехова, Международной гильдии писателей, член правления Московского отделения Интернационального Союза Писателей. Автор книг поэзии и прозы, участник альманахов и коллективных сборников, также публикуется в бумажных и электронных СМИ. Стихи переведены на болгарский, немецкий, китайский и венгерский языки. Лауреат литературных премий имени А.П. Чехова и имени А.С. Грибоедова, обладатель Гран-При Международного поэтического конкурса им. С. Есенина, лауреат конкурса МГО СП России «Лучшая книга года» в двух номинациях (2011), дважды лауреат международного многоуровневого конкурса им. Дюка де Ришелье (в номинациях «Авторская книга»).

Где живёт счастье?

Где живёт счастье – вы не знаете?
Я его не обижу
и даже не стану стыдить.
Я всего лишь хочу посмотреть на него.
И спросить, где оно гуляло
все эти годы,
пока его повсюду
так ждали.

Что между нами?

Что между нами? Нежность и печаль.
Обида, покаяние, прощенье.
Хрустящее миндальное печенье.
Ежевечерний молчаливый чай.

Что между нами? Тёплый старый плед.
Морозные оконные узоры.
Негромкие ночные разговоры.
И на семь бед – всегда один ответ.

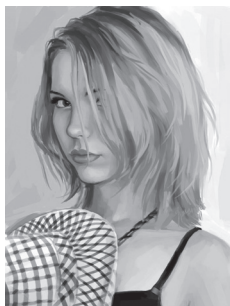
Что между нами? Солнечные дни.
Гнездо касаток под застрехой крыши.
И шёпот, что никто чужой не слышит.
И светляков зелёные огни.

Что между нами... Мысли, что без слов
читаются легко, без напряженья –
и наших душ совместное движение,
и общий опыт – жизненный улов.

Что между нами! Дикой страсти жар,
что в венах бьётся огненной плазмой,
и грохот пульса молотообразный,
дробящий мир, как новогодний шар.

И миг любой – росток иных времён,
так Древо жизни прирастает новью.
Что между нами?!

Мы зовём любовью.
Ведь лучше не придумано имён...

Мария Урманова

Германия, г.Гамбург

Январский март

Озёра держит в пальцах
Для вышивки узором белым,
Морозцем обжигает пальцы.
Пароль весна пропела.
Не слышит март.

Склонили головы
Подснежные невесты.
А я склонилась над тобою,
Как пчёлка над цветком не местным,
Застыла перед красотой,
Как заколдована.

Пою не вслух
Под вечера приливы:
Спугнуть боюсь румянец юный,
Как снегиря с цветущей ивы.
Но как бы ни ложились руны...
Кто к правде глух?

Несётся год,
И увядание – попутчик.
И март, зимой живя, ярёмен,
Себя осмелился помучить –
Притормозить обманом время.
Влюбился кот.

Влюбилась кошка.
Им вьюга не помеха,
И вьюгой не обманешь стрелки.
Все улочки залиты смехом.
Старушка накормила мелких –
И вновь к окошку.

Наталья Дарованная

г. Шебекино

Белгородской области

Питер

Приюти меня, Питер, на несколько дней,
Протяни свои руки разводными мостами.
Дай побыть хоть немного частичкой твоей
И с рекою Невой поменяться местами.

Дай почувствовать воздух холодный, морской,
Пробирающий дрожью, ползущий под свитер.
Мне совсем не знаком, но войдя в мою кровь -
На ладонях своих приюти меня, Питер.

**Московская
городская организация
Союза писателей России**

Ирина Маркова

г. Москва

Член Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР), старший преподаватель кафедры английского языка МГТУ им. Н.Э. Баумана. Автор одиннадцати поэтических сборников, соавтор многих литературных журналов и альманахов, лауреат ряда литературных конкурсов

ПАРОДИИ

Стихи и топоры

*... Живу от утра до утра,
Живу от выдоха до вдоха,
Пока стекает с топора
Приговорённая эпоха.
Павел Косяков*

В России не было сто лет
Поэта резвого такого –
Тут появляется атлет –
В нём все узнали Косякова.

Поэт почти не утихал –
Обидно было за державу –
Когда он топором махал
В сердцах налево и направо.

Труба зовёт: «Пора, пора!»
В поэте умиротворенье,
Пока стекают с топора
Топорные стихотворенья.

Плоды воспитания

Уже давно, который год подряд
Семейству своему я строю дачу,
Поставив дом и посадив здесь сад...

.....
Расти в достатке будут наши дети,
И будет слышен их весёлый мат...
...Ну что ж, и так бывает на планете!
Владимир Зайцев

Поэт Владимир Зайцев без затей
Решил исполнить в жизни сверхзадачу –
Построить дом и вырастить детей,
Ну, коль не дом, тогда хотя бы дачу.

Деревьев насажает целый сад,
Вставая утром рано, с петухами,
И всех своих детишек – всех подряд
Научит жить и говорить стихами.

Он языкам их будет обучать,
Растить детей послушных и культурных,
Но важно обучение начать
Со слов простых и нелитературных.

Науку грызть все ночи напролёт
Возьмётся сын особенно упорный,
А преуспев, он и отца пошлёт
Весёлым матом в форме стихотворной.

Друг друга нам нельзя терять.
За листопадом будет вьюга,
Берёзы пожелтеет прядь,
А нам нельзя терять друг друга.

Нахлынет дождик проливной,
Ведь лето катится к закату.
Минуты – вечностью длиной –
А мы ни в чём не виноваты.

Туман окутал пол-земли,
Ещё свежи под утро росы,
А мы старались, как могли,
Решать проблемы и вопросы.

Не всё смогли преодолеть –
Ведь летних дней нещадно мало.
Деревьев золото и медь
Отметят осени начало.

А пожелтевшая тетрадь
Раскрашена осенней кистью.
Друг друга нам нельзя терять,
Как дерево теряет листья.

В который раз придёт опять
Осенних дней седая милость.
... Друг друга нам нельзя терять,
Чтоб божье лето повторилось.

Шум сквозняка

Небо оделось в печаль,
Месяц ушёл в облака,
В них – то ль свинец, то ли сталь,
В форточке шум сквозняка.

Листья устали кружить,
Кружево в ветках плести.
Скоро зиме ворожить,
В снег одевая пути.

Звёзды уйдут на ночлег,
Их одолеет пурга.
Нам – пробираться сквозь снег,
Одолевая снега.

Прежде, чем первый листок
Зеленью капнет с небес,
Сладкий берёзовый сок
Брызнет из вечности в лес.

Осень нельзя отложить,
Надо дожждаться, пока
Сможем зимой пережить
В форточке шум сквозняка.

Евгений Белозёров

г. Москва

Родился 2 марта 1960 г. в Калининграде, в семье военнослужащего. После окончания техникума служил на Тихоокеанском флоте. Учился в МИСИ и РАТИ (ГИТИС). Член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей РФ.

Предаццо

Рассказ

Как мы и договорились, автобус нас ждал на стоянке. Франческо уже был за рулём.

— Доброе утро! — приветствовал он.

Русских туристов с каждым годом становилось всё больше, и итальянцы были вынуждены изучать наш язык.

Впрочем... если люди хотят понять друг друга, им, зачашую, и язык не нужен: в ход идут глаза, мимика, жесты. И наоборот. Сколько примеров, когда люди, говорящие на одном языке, нисколько не понимают друг друга. Не хотят.

— Buongiorno! — любезно ответили мы, и тотчас автобус тронулся с места.

Вчера, после поездки в Венецию, я посетовал, что не могу приобрести кое-какие вещи, которые считал истинно итальянскими, которых и здесь, в высокогорной Канацеи, я ни разу не увидел, и Франческо, с которым мы были два года знакомы и уже запросто общались, найдя общность, прежде всего, в весёлом обращении друг к другу (иногда я называл его «каналья!»), посоветовавшись по телефону с женой, предложил мне поездку в неизвестный городок Предаццо.

— А меня возьмёте? — спросила Ольга. — Уменя занятия с инструктором только в час дня.

Я прикинул: с девяти до часу — четыре часа. Наверное, успеем.

– Поедемте, если хотите. Завтра, сразу после завтрака.

– Хорошо.

Утро было ясным, но солнце ещё не вышло из-за гор, поэтому воздух и снег на склонах казались синеватыми.

Пустой автобус легко катил по единственной в долине дороге. По радио зазвучала знакомая мелодия, которая окунула меня в годы моей молодости.

– Челентано, – сказал я.

Франческо, видимо тоже заворожённый мелодией, молча кивнул.

Справа и слева были голубые горы, покрытые ещё мрачными в этот час высоченными елями.

Безоблачное небо обещало хороший погожий день и всё: мелодия, покой, чистота альпийского утра, умиротворённые плавной ездой лица моих попутчиков, свобода, в которую я будто окунулся, оставив там, в Канацеи, своих товарищей – настраивали меня на самые приятные мысли и ожидание от этого дня чего-то невероятного.

Только когда проезжали Маену, нам пришлось немного поволноваться. Впереди велись дорожные работы, и движение было затруднено. Впрочем, с помощью спорых действий местных полицейских и эта проблема решилась неожиданно быстро.

Я спросил Франческо, кому принадлежит автобус и не стесняем ли мы его своей прихотью. Он же ответил, что автобус его собственность, а нас он прихватил по пути, так как ему надо было забрать группу туристов где-то возле Тенто.

Я успокоился и продолжил любоваться местным пейзажем.

Ольга дремала. Солнце уже вышло из-за гор и сквозь огромное окно освещало её смуглое лицо.

– Predazzo! – воскликнул Франческо, приглашая взглянуть на улицы города.

Городок (или деревня) был небольшой с единственной, как и везде в долине, главной улицей.

Серые двухэтажные дома теснились друг против друга.

– Franco Moda!

Я увидел слева от дороги витрину небольшого магазина с каменными ступенями.

— Jeans! — сказал Франческо, показав направо, где в цокольном этаже красиво оштукатуренного дома разместился другой магазинчик.

Потом Франческо показал нам автобусную станцию, откуда мы должны были самостоятельно вернуться назад.

— Ciao! — сказал он, на прощанье грустно улыбаясь, улыбаясь, как человек, который желал нам всего доброго, и которому ужасно не хотелось с нами расставаться и ехать куда-то за незнакомыми ему людьми.

Городок, как я уже сказал, был небольшим и в этот ранний час пустынным.

После нашего курортного городка с обилием машин, ярких гостиниц, магазинов с ярко освещёнными витринами, лыжников в разноцветных костюмах, он казался бесплодным.

— Как называется этот город? — спросил я Ольгу.

— Не помню, — улыбнулась она.

Как раз нам навстречу шла пожилая женщина, какую только и можно было встретить на улицах этого тихого города. Это была скорее старушка, которую и старушкой назвать нельзя было.

Отчаянно жестикулируя, я объяснил ей, что мы приехали из другого города, да и вообще — из России, что нам здесь очень нравится и что мы напрочь забыли название этого чудесного городка.

— Predazzo! — сказала женщина.

— Предаццо! — повторил я, зная, что скоро вновь, ослеплённый его тихой прелестью, забуду его имя, — Предаццо! Белиссимо! — не скрывал я своего восторга.

Женщина живо откликнулась на мои восклицания, и я взял её руку в белой вязаной перчатке: ладонь была маленькой, хрупкой, я почувствовал её тонкие пальцы, которые будто что-то вспомнили, слегка ответив мне.

— Чао! — сказал я, — Предаццо, бениссимо! — повторял я и видел, как огоньки загорались в её вдруг помолодевших глазах.

Мы уже далеко отошли друг от друга, а я всё ещё помнил её ладонь в своих руках.

— Как здорово! Ольга, не обращайтесь внимания, мне прав-

да очень хорошо. Какой покой во всём, и только здесь, среди этих гор можно было встретить такую старушку, которую и старушкой назвать было бы неверно.

Ольга согласно улыбалась.

— Ну что, на станцию? Уже одиннадцать. Надо возвращаться.

— Да-да, конечно. Знаете, я совсем забылся. Как здесь хорошо. Я понимаю, что мы всего лишь туристы и видим всё, так сказать, с лицевой стороны, не зная истинной жизни простых людей, и всё же. Какая красота, какой покой. А женщина? Вы её помните? — и я снова ощутил её тонкие взволнованные пальцы в своей ладони.

Дошли до станции. На площади, перед дверьми, какая-то мулатка предложила нам свои изделия. Мы даже не взглянули на них. Как-то не хотелось сейчас думать ни о чём другом.

Купили билеты, и предупредительный кассир, видя, что мы иностранцы, любезно показал нам расписание. До оправления нашего автобуса был ещё целый час. Мы отправились в кафе.

Пока я мыл руки, Ольга заказала мне чай и штрудель. Сама она пила кофе из маленькой чашечки, больше похожей на напёрсток.

Мы расположились у окна, за которым на фоне залитого солнцем неба вставали снежные горы. Небо было нежно-голубым с белой полоской пролетающего далеко над горами самолёта.

За соседним столиком сидели несколько молодых людей. Было тихо и уютно.

Я осторожно разглядывал Ольгу. Смуглое азиатское лицо, раскосые глаза, умный спокойный взгляд (лёд и рассудительность), хорошо стриженные каштановые волосы, длинная шея, тонкая кожа... Всё это как-то не вязалось с тем, что она подруга Володи. Очень они были разные. Хотя... Может, это обстоятельство и сблизало их?

— Я выросла в Узбекистане, — вдруг сказала она, — Мой отец — кореец. А вообще, чего только во мне нет! Моя бабушка была немкой, — добавила он спокойно, но не без чувства гордости. Или мне это только показалось?

«Гремучая смесь», — подумал я.

Она изящно брала свою чашечку и делала маленький глоток. В прозрачной пепельнице тлела тонкая, такая же изящная, как и она сама, сигарета.

Теперь, разговаривая с ней, я без стеснения разглядывал её гладкие, ухоженные руки, отличный маникюр, благородно сиявший лаком тёмно-бордового цвета.

Этот городок за окном, казалось специально спрятавшийся между гор от любопытных глаз, пустынные улочки, безлюдные магазины, это кафе и неспешный, по-своему интимный разговор, всё это располагало к доверительной беседе.

— Знаете, Ольга (она предлагала перейти на «ты», но я так и не смог), у меня была женщина. Вы чем-то на неё похожи.

Ольга будто ждала этих слов. Затянувшись сигаретой, она внимательно посмотрела на меня. Она не один раз уже спрашивала себя: отчего этот парень всегда в одиночестве? Может, у него другие пристрастия? Да нет. Володя говорил, что вроде нормальный мужик. Она даже пыталась познакомить меня с кем-то, но у неё из этого ничего не получилось. Я дал понять, что мне это ни к чему.

— И эта женщина приучила меня к чему-то хорошему, — продолжал я, — красивым вещам, запаху дорогого парфюма, любви, какой она может быть помимо плотских утех. А потом её не стало.

— И тебе теперь этого не хватает, — угадала мои мысли Ольга.

— Да. И теперь мне этого ужасно не хватает.

— Понимаю.

На обратном пути ехали молча. Лишь однажды Оля предложила мне яблоко. Я благодарно обнял её ладонь, ладонь дрогнула, будто вспомнив что-то.

Андрей Чувилин

г. Москва

Член Союза писателей России.
Chuvilin55@mail.ru.

СКАЗКА

В этой сказке для ребяткишек рассказывается о том, как в стародавние времена трудолюбивая, добрая, смышлёная да духом твёрдая девочка Машенька честным и добрым людям помогла, бесовестных наказала, да и сама разбогатела...

Жила-была девочка Машенька...

Наверное, вы, мои юные друзья, уже знакомы с ней. Может быть вам вспомнится книжка, которая называлась “Как Машенька чудеса искала”, где рассказывалось о том, как маленькая девочка гостила летом у бабушки в деревне.

Так вот, подросла девочка, и наступила ей пора в школу идти – в первый класс.

Очень хотелось Машеньке стать ученицей. За месяц до Первого сентября купила ей мама ранец – удобный, лёгкий, по-русски добротнo сделанный. И застёжки-молнии – вжик-вжик – словно музыку издавали, когда надо было что-нибудь достать из ранца или положить в него.

А лежало там уже немало: и пенал, да не какой-нибудь пластмассовый, а из дерева, с отделениями и для ручек, и для карандашей, и для резинки стирательной, которую часто ластиком называют... Лежали в ранце и тетрадки – и в линейку, и в клеточку.

Одним словом, основательно подготовилась Машенька к школе – и папа, и мама, и дедушка с бабушкой – все ей помогли, и чувствовала себя девочка счастливой.

И вот наступило Первое сентября. Отвёл папа Машеньку в школу. Несла она ранец за плечами – сама, от папиной помощи отказалась, а в руке большой букет цветов, чтобы поздравить учительницу с началом учебного года.

И началась у Машеньки школьная жизнь. День прошёл, нравится девочке в школе, другой – тоже ничего, а на третий день расхотелось ей в школу идти – закапризничала, заупрямилась.

– Что же ты, доченька, в школу идти не хочешь? – спрашивала её мама. – Ведь так знаний не получишь.

– Да ну её, эту школу, – отвечала девочка. – Читать, писать печатными буквами и считать я и так умею. Скучно мне в школе и неинтересно.

Не стала мама объяснять дочке, что учёба – это труд, и не всегда интересный; да и ругать тоже не стала.

А разговор этот вечером происходил, на кухне.

Убрала мама чашки со стола, помыла их и поставила в шкаф. Погладила дочку по головке и сказала:

– А хочешь, Машенька, я расскажу тебе сказку. Ещё когда я была маленькой, мне её рассказывала моя бабушка.

– Но мы же с тобой хотели бельё стирать...

– Потом постираем, – ответила мама.

– Конечно хочу, мамочка...

– Ну тогда слушай. А называется эта сказка так:

Машенька и брильянты

Жила-была девочка. И звали её, как и тебя, Машенька. Было это очень-очень давно. Тогда ещё в речках с чистой и прозрачной водой водилось много рыбы, дремучие леса кишели зверьём и птицей, а уж о грибах, ягодах да орехах и говорить нечего – только не ленись нагибаться да по орешнику ходить.

И воздух был чистый и лёгкий.

Жила девочка в деревне, стоящей на берегу широкой и глубокой реки.

Папа Машеньки – дядя Дмитрий – хлеб растил, скот пас, охотился да рыбу ловил. Мама – тётя Матрёна – по хозяйству хлопотала: еду готовила, шкуры звериные выдeldывала да одежду из них шила.

Как и все дети в деревне, и Машенька, как могла, помогала родителям.

А кроме того, ещё она присматривала за младшими сестричками и братиками: чтобы в лес дремучий не ушли и не заблудились бы, чтобы в речку не упали и не утонули бы. А было у неё три сестрички и три братика; и ещё дедушка с бабушкой, которых она тоже очень любила.

Вот так они и жили – дружно и счастливо. И – весело, так как и праздников было немало, когда веселились от души. Особенно по весне, когда снег сходил, солнце начинало землю ласкать да греть, и по осени, когда урожаем собирали да природе-матушку благодарили. Словом, достойно и счастливо жили древляне – так люди в деревне себя называли.

А иногда добирались до древлян торговцы. И в обмен на шкуры зверей, рыбу, мясо впрок заготовленные, орехи да мёд душистый предлагали они монеты серебряные да золотые, да жемчуга, да украшения разные из серебра да золота, да из камней драгоценных.

Самыми же красивыми изo всех этих ценностей по праву считались брильянты. Их делали мастера-умельцы из прозрачных, очень твёрдых драгоценных камней – алмазов. И когда на брильянты попадали солнечные лучи, они так блестели и сияли всеми цветами, что невозможно было глаз отвести.

Всё, что предлагали древлянам, торговцы брали у людей, живших очень далеко: за морями-океанами, за горами... Сами же торговцы не умели и не любили ни хлеб растить, ни скот пасти, ни охотой и рыболовством заниматься, ни камни драгоценные добывать и обрабатывать. Лишь назойливости им было не занимать. Липли к людям, как банный лист к телу чистому. Да и не очень-то честны были. Как-то раз драгоценные камни с изъязном втридорога продать пытались.

Из-за этого и не любили древляне торговцев, а только терпели их, поскольку сами торговлей не занимались...

Как и у многих женщин в деревне, камни драгоценные были и у Машенькиной мамы, и у бабушки. И вот однажды бабушка подозвала внучку и говорит

- Дарю тебе, Машенька, три брильянта. Я уже старая, а тебе они ещё пригодятся. Живи только так, как совесть велит.

Смотрит девочка на брильянты: один большой, другой поменьше, а третий совсем маленький. Налюбоваться ими не может - все цвета радуги в них переливаются...

Так и текла жизнь в деревне своим чередом - хорошо и спокойно.

Но вдруг, неожиданно-негаданно, нагрянула беда. За всё лето ни одного дождя не выпало. Засуха наступила. Речка пересохла, вся рыба вниз по течению уплыла, звери из леса убежали, птицы улетели. На полях ничего не уродилось. Одна радость, что вода из родника была не переставая - вкусная, холодная. Попьёшь - аж зубы ломит, но и сил прибавляет.

Хорошо ещё, что у древлян были запасы. Поэтому они не голодали. Из закромов доставали зерно, мололи его и пекли хлеб - духовитый и вкусный. Ягоды-грибы сушёные, мясо, рыбу вяленые, то есть на солнце высушенные, ели. Так и скоротали зиму, дожили до весенних дней, а там и до лета.

С огромной надеждой его ждали. Но, казалось, природа за что-то прогневалась на людей: пошли проливные дожди.

Опять не было урожая. Опять доставали зерно, вернее - его остатки. Плохо рыба ловилась, звери и птицы охотникам не давались, ведь ружей тогда не было - с луком со стрелами да с копьями охотились...

А тут ещё торговцы появились и стали выманивать у древлян остатки еды, взамен предлагая украшения да безделушки разные.

Но не до того было людям. И сказали они торговцам:

- Идите вы своей дорогой да не мешайте нам с бедой-напастью справиться.

А жизнь в деревне становилась всё хуже и хуже. Но всё же кое-как перезимовали. А там и вновь весна пришла. Но... опять зарядили сплошные дожди.

А дети есть дети. Как ни тяжела была жизнь, всё равно для игр у них и время, и силы находились. И вот как-то, играя в прятки, оказалась Машенька на берегу реки. И вдруг видит - приподнялся из воды старичок - седовласый, с длинной белой бородой, да и говорит:

- Давно я тебя жду, Машенька. Знаю, что подарила тебе бабушка камни драгоценные - брильянты. Брось ты один из них в воду - самый маленький - и будет в деревне урожай хороший. И приходи сюда ровно через сто тридцать три дня. И каждый день и бабушке с дедушкой, и маме с папой помогай. Только никому не говори, что меня встретила.

Сказал так старичок и пропал.

Подивилась Машенька такому чуду. Поняла, что не простой то был старичок, а кудесник.

Вернулась домой. Хотела было папе с мамой рассказать, но передумала, так рассудила: "Брильянты ведь мои, что захочу, то и могу с ними делать. Зачем же родных волновать понапрасну".

И вот на следующий день взяла Машенька самый маленький брильянтик, пришла к тому же месту и бросила его в речку. Засверкала вода, вспенилась, фонтан разноцветный забил, а потом, как-то сразу, успокоилась речка.

А в деревне в это время люди из последних сил, под проливным дождём, почти по колено в воде распахивали землю. И всё ждали, ждали, ждали, когда ливни закончатся...

И вдруг - о чудо! - Выглянуло солнышко, разогнало тучи. Земля подсохла, природа ожила, люди повеселели.

Работал народ, не покладая рук. Вместе со взрослыми трудились и дети. Помогала и Машенька маме с бабушкой зерно для посева перебирать, еду готовить - ведь дичь и рыба в доме появляться стали - отец с дедушкой с охоты приносили.

И ещё папе помогала одежду да обувь из шкур звериных шить да специальные корзины для рыбной ловли из гибких ивовых прутьев плести. Упорно трудилась девочка.

И ещё за младшими братиками и сестричками ухаживать успевала.

Так прошло сто тридцать три дня. Помнила Машенька, что кудесник ей говорил, и в назначенный срок пришла на берег

реки. Только подошла – видит: приподнялся из воды кудесник и говорит:

– Знаю, Машенька, что трудилась ты упорно. Все сто тридцать три дня. Сдержу я своё обещание – хороший урожай у вас, древлян, будет. А у меня беда стряслась: старуха моя захворала. И вылечить её можешь только ты, если ещё один брильянт в речку бросишь – средний.

Сказал так седовласый дед и пропал.

Задумалась Машенька. Вернулась домой, двумя оставшимися брильянтами любитесь. Жалко ей расставаться ещё с одним, но вспомнила она бабушкин завет – по совести жить – поборолась свою жадность, взяла брильянт и побежала к реке, бросила его в воду.

Снова вспенилась река, разноцветный фонтан забил, а когда успокоилась вода, услышала девочка знакомый голос кудесника:

– Спасибо тебе, Машенька, за доброту твою. Приходи сюда через тридцать три дня.

Постояла Машенька ещё немного у реки и пошла домой.

А к осени древляне богатый урожай собрали, положили его в закрома – весь, до единого зёрнышка. Еды разной впрок заготовили. А там и праздники наступили. Ещё богаче и веселее жить стали.

Прошло тридцать три дня. Пришла Машенька на берег реки, как тут же седовласый длиннородый старичок из воды показался и сказал:

– Спасибо тебе, добрая душа, старуха моя поправилась. Но – хочешь обижайся на меня, хочешь нет – никакой награды за то, что брильянт в воду бросила, не пожадничала, не будет.

– Да и не надо мне никакой награды, – ответила Машенька.

– Ну что ж, – сказал кудесник, – раз ты такая добрая да благородная, то приходи сюда через три недели. Совет я тебе хороший дам. А чтобы вызвать меня, последний свой брильянт в речку брось.

И тут же в воде скрылся.

А древляне зажили совсем хорошо: сытно, богато, весело. И захотелось мужчинам своих жён да дочерей порадовать, украшений да безделушек разных им подарить.

Только подумали мужчины, что для этого им камни драгоценные надобны и что торговцы что-то давненько не появлялись, как те уж тут как тут - легки на помине.

Появившись в деревне, главный из торговцев сказал Предводителю древлян:

- Вот вам драгоценные каменья. Дайте нам за них звериные шкуры красивые, да ещё и еды побольше: зерна из закромов, грибов-ягод сушёных, мяса, рыб вяленых да мёда пчелиного.

Почесал затылок Предводитель, призадумался... И так ответил:

- Утро вечера мудренее. Давайте завтра поговорим.

А между тем на следующее утро как раз истекали три недели, о которых Машеньке кудесник говорил; и девочка помнила это.

Наступило утро. Побежала Машенька на речку. Последний, самый большой брильянт в неё бросила.

А река словно ждала девочку: сразу же вода забурлила, фонтан разноцветный забил. Тут же и сам седовласый да длиннобородый кудесник появился:

- Славная ты девочка, Машенька: трудолюбивая, добрая. Хорошо быть доброй, да надобно быть и твёрдой. Надо уметь хороших людей от плохих отличать, а настоящие брильянты от поддельных. А как отличить - сама догадайся. Уверен: знаний для этого у тебя хватит.

Сказал так кудесник и пропал.

И только услышала девочка как бы откуда-то издалека его голос:

- А у тебя, Машенька, брильянтов в семь раз больше будет, нежели ты в речку побросала, не пожалела.

Пришла девочка в деревню, а торг уже к концу идёт. Подбежала Машенька к Предводителю, взяла его за рукав и говорит:

- Дядя Предводитель, погодите сделку заключать.

Посмотрел тот удивлённо на девочку. А торговцы, почуяв неладное, рожи страшные исподтишка Машеньке строят: запугать хотят.

Но не побоялась их Машенька:

– Скажите, что надобно проверить, настоящие ли брильянты нам предлагают, не поддельные ли.

Снова удивился Предводитель, задумался. А древляне, надобно сказать, уже давно знали Машеньку не только как трудолюбивую и добрую девочку, но и очень умную.

– А как же нам проверить это?

Теперь Машенька задумалась. Но внезапно её осенило:

– А давайте в кузницу их отнесём. Ведь мы знаем, что алмазы – драгоценные камни, из которых брильянты делают – очень твёрдые. Значит, если положить брильянты на наковальню и ударить по ним молотом, то будь они настоящие, с ними ничего не случится. А если поддельные – разлетятся вдребезги.

Согласился Предводитель. И такое слово торговцам молвил:

– А ну-ка, давайте проверим, настоящие ли у вас брильянты.

Переглянулись те, побледнели от страха, так как почувствовали, что накажут их за подлость (брильянты-то у них поддельные были, фальшивые); как мухи на стекле заёрзали, засуетились.

Однако делать нечего. Пришлось торговцам отнести несколько брильянтов в кузницу, положить их на наковальню и увидеть, как под ударом молота кузнеца они разом превратились в труху.

– Ах вы, подлые людишки, – сказал Предводитель, – убирайтесь теперь отсюда, да подальше – туда, где обитаете – в своё гнилое местечко на мутной речке.

И упал тут Главный торговец на колени и заголосил:

– Пощадите нас, ведь у нас не хватит еды, чтоб до своего местечка на гнилой речке живыми добраться.

Посоветовались тогда древляне и так ответили:

– Надо бы из вас, торгашей бесчестных, выпустить кровь вашу чёрную, да совестно землю свою вашей жидкостью поганой осквернять. Она, земля-то наша, и так уж натерпелась. Но мы честные люди. Поэтому предлагаем вам сделать свободный выбор: или убирайтесь в своё местечко на мутной речке безо всякой еды, или каждый из вас, торгашей поганых, получит по тридцать три удара веником из крапивы по голой

попе и еды ровно столько, чтобы на обратный путь хватило.

Поняли мерзавцы-торгаши, что неминуемо понесут наказание за свою подлость. Стали они штаны спускать и попы свои голые под веники из крапивы подставлять.

Получили наказание, еды немного и убрались поскорее во-свояси.

А народ в деревне, поучив уму-разуму подлецов, стал Предводителя к ответу призывать. Повинился тот перед народом:

– Виноват, – сказал. – Обманули бы меня торгоши пога-ные, если бы не Машенька. Но теперь учёны мы, знаем, что немало гнилых людей по земле ползает, с которыми нельзя по-доброму, с открытым сердцем разговаривать и дела честно вести.

Простили древляне Предводителя: ведь первый раз он чуть было на обман не поддался; так подумали: впредь умнее бу-дет.

И ещё решили сами заняться торговлей. Снарядить деловых людей, дать им красивые шкуры звериные, мясо да рыбу вяленые, да бочонки с мёдом и отправить людей этих на ко-рабле в края дальние, и наказ им дать, чтоб торговали они по-честному, чтоб камни драгоценные без обмана выменивали.

А Машеньке в награду двадцать один брильянт подарили, ровно в семь раз больше, чем было у неё - пусть девочка кра-сотой их любит.

На всё хватило Машеньке этих брильянтов: и бабушке, и маме, и сестричкам подарила, да и себе на красивые бусы осталось...

XXX

Закончила мама сказку сказывать и говорит дочке:

– Вот как подлость сама себя перехитрила, а трудолюбие, доброта да твёрдость духа Машеньки помогли древлянам, и люди её ещё больше уважать стали.

– Какая, мамочка, интересная сказка, – ответила Машень-ка. – И какая девочка славная: трудолюбивая, добрая да духом твёрдая.

Обняла мама девочку, поцеловала её в макушечку и го-ворит:

– Согласна, дочка, я с тобой. Только ещё и знания Машенька имела - догадалась ведь, как брильянты проверить. И сила духа сама к человеку не приходит, да и характер твёрдый в себе воспитать надо.

– А как же это сделать, мамочка?

– Надо, Машенька, каким-нибудь полезным, нужным делом заниматься. Если упорно трудиться, например, учиться, то не только знания, но и сильная воля, и характер твёрдый появятся.

И пошла Машенька на другой день в школу.

Рано утром шла девочка, и капельки росы на колокольчиках, растущих вдоль дороги, блестели, словно маленькие брильянтики.

КОНЕЦ

Владимир Чертков

г. Москва.

Родился в Великих Луках Псковской области. Работал помощником машиниста электровоза и одновременно учился на заочном отделении филологического факультета МГУ. Затем – газеты: «Московский железнодорожник», «Гудок», «Труд», свыше двух десятилетий работал в «Правде» специальным корреспондентом. Автор множества книг и публикаций в различных сборниках, журналах. Почётный полярник СССР, награждён орденами и медалями.

Северное сияние

Рассказ

Восточно-Сибирское море...

Гидролог Сергей Боков читал книжку Элизабет Гилберт «Есть, молиться, любить», поведавшей о своих странствиях в поисках ВСЕГО, когда его выбросило из кресла. Пулей долетел до противоположной стены каюты, едва не угодив в неё головой. Плечо, которое успел подставить, ныло. Всё вокруг, что не было закреплено, очутилось на полу. Судно угрожающе накренилось, сквозь открытый иллюминатор доносились крики:

- Бочки сорвало!
- Воду из бассейна выплеснуло!

В мгновение ока в голове промелькнуло самое плохое: «Напоролись на айсберг... Высадка на лёд... Судно раздавлено...»

С этим набором предположений Боков бежал по скособо-ченным коридорам с растопыренными руками, чтобы удерживать равновесие.

«Неужто так худо? – закрутились мысли, когда увидел людей в спасательных жилетах. – Хотя зачем она в торосах, эта оранжевая хренотень... Разве только медведей привлекать своей броскостью. В ледяной купели – сразу крышка, никакие жилеты не спасут, ну, кто покрепче, лишь чуток и побарахтается... Впрочем, в беду и за соломинку уцепишься». – И домыслил вслух, о чём-то, видимо, личном: «Бог даст, и она, бывает, спасает...»

Боков выскочил на палубу. Боже мой... Льды торчат не вниз, а где-то сверху – что за чертовщина, будто угодили в огромную пещеру со свисающими сталактитами, отдающими внутренним свечением, переливающимися всеми цветами радуги.

И опять лишнее в сознании предположение: «Судно раздавлено», – а тут ещё крик:

– Крен двадцать градусов!

Сколько в таком состоянии находился атомоход, трудно сказать, но вот он потихоньку соскальзывает вниз, вновь принимая горизонтальное положение.

Кто-то жалеет свои цветы, столь трудно пестуемые в Арктике: «Каша от горшков осталась».

Кто-то на ходу сообщает: «В столовой вся посуда – вдребезги».

То там, то здесь слышится:

– Вода из бассейна затопила спортзал.

– В клубе еле успели телевизор подхватить...

И во всём виноват канадский пак. Вот он, оказывается, какой, расшибающий не только лбы, но и большие суда, точно хрупкое стекло. Формируясь у берегов Канадского арктического архипелага, этот лёд приходит дрейфовать в Восточный район Арктики и под влиянием течений и антициклона – то поднимается к полюсу, то опускается к нашим берегам. Зимой он нарастает снизу, летом сверху подтаивает и становится всё более пресным, изменяя свою структуру, которая делается мелкозернистой и монолитной, приобретая голубой цвет. В

такой «чёрствый» многослойный пирог двадцатилетней выпечки и впоролся атомоход.

Позже, когда тревожные минуты остались позади, Боков вспомнил писателя Бориса Горбатова, который, пожив несколько месяцев на гостеприимной и тёплой зимовке среди полярников острова Диксон, написал в 1940 году книгу, назвав её «Обыкновенная Арктика». «Ничего себе «обыкновенная», – усмехнулся Боков. – Да она будет всегда чем-то поражать! Это ж надо, экую махину завалила набок, и того мало, точно пнула царственной ногой какую-то ненужность в своём фееричном дворе».

Сойдя через несколько месяцев с трапа ледокола на мурманский причал, Боков сказал встречающим его друзьям:

– Наскочили на стамуху – громадную льдину, намертво закорютившуюся на мели. Сколько в Арктике, впервые увидел такое. Ничего себе – «обыкновенная» – да в ней ещё столько «белых пятен»!

Боков огляделся и крутанулся на месте по-балетному:

– Не вижу своей жены.

– Не придёт она. Устала тебя ждать. Говорит, что ей мужик живой нужен...

– И подальше от Снежной королевы?

– Во-во. Ей Кай*, как ножом отрезала, без надобности... Плакалась, что и детей ваших ты влюбил в Арктику.

– Старая пластинка...

– Но пока она ещё не заела навовсе патефон... Тебе что, воскресить разговор о Лукьянове? Твоём двойнике.

Боков вмиг вспомнил судовую радиорубку с тревожными голосами:

– Вадим, скажи Лукьянову: Люська не придёт его встречать, пусть не ждёт.

– Да что случилось-то, объясни толком?!

* Персонаж из сказки Ханса Кристиана Андерсена «Снежная королева»

- Придёшь домой - узнаешь. Ждём тебя, дорогой.

- Но как же Лукьянов?

Боков только открыл рот, чтобы спросить, кто такой Лукьянов, как его опередил спешащий - торопит время радиоразговора - голос женщины: «Вадим, скажи Лукьянову: Люська не придёт его встречать».

И ощущение крика в тихо произнесённых словах: «Но как же Лукьянов?» - и за этим вопросом чудится другой: «Что ему, SOS давать?»

Ведь было же однажды в морской практике, когда в минуты молчания прозвучали слова: «Я люблю тебя».

И на всех судах к ним отнеслись как к сигналу SOS, ибо для человека это была, наверное, последняя надежда, что его услышат, единственная возможность спасти любовь, счастье, а может, и честь.

А радиоцентр в это время уже вызывал на переговоры другое судно, находящееся за тысячи миль от того, с которого полетел в эфир отчаянный вопрос: «Но как же Лукьянов?»

И Бокову, вот только дойдёт до него очередь, вот только соединят с Москвой, хотелось узнать у оператора, словно это от него зависело: «Но как же Лукьянов?»

Докричатся бы, - мол, крепись, браток, - из Карского моря до того, южного, которое остановит волной моряцкое счастье, надежду Лукьянова на него.

Ждать. Не каждый, кроме матери, это может - ждать сердцем, упорно, несмотря на все ухищрения, соблазны жизни. И человек, не устояв однажды, обманув веру друга, становится просто рядом идущим, неизвестно зачем и для чего, и нет в нём никакой надобности - случайный попутчик, да и только. И когда обманутый моряк после долгой разлуки с берегом подходит к знакомому, родному причалу каким-то неприкажанным, он, хоть и помотало его в море, не спешит к борту, и чем ближе место стоянки, тем муторнее на душе. А рядом чужое счастье - машут платками, шапками, не стесняются радостных слёз, тянут навстречу руки, а через миг-другой жёны,

матери, невесты обнимают сошедших с трапа. Больно вдвойне, когда сам виноват, что не встречают тебя.

Боков был тёртым калачом, однако не всё, что случилось с ним, он спокойно проглатывал и как-то холодно, отрешённо резюмировал: «Ну, вот и всё». Иногда на него накатывало предчувствие чего-то неотвратимого, пожалуй, самого плохого, что может произойти с ним, и он поддавался этому состоянию, будто нарочно ожидая какой-то напасти. И не скрывал своего настроения, полагаясь на поддержку друзей, с которыми даже в разлуке иногда разговаривал вслух, не считая это чудачеством.

– Вот саднит тут и всё, – Боков ткнул тяжёлым кулаком себе в грудь. – А не лететь нельзя. – Со стороны могло показаться, что его захлестывает злость, и сейчас кружка с горячим кофе, которую он переставлял с ладони на ладонь, полетит в угол каюты.

Присущее Бокову чутьё, проявляющееся в каких-то особых условиях, опять подсказывало: быть несчастьем. Ему предстояло вылететь на ледовую разведку, а он видел: командир вертолёта уже несколько дней ходит совсем скисший. Подниматься в воздух с таким настроением – не в привычке Бокова. Но караван судов ждать не мог. И пролив Вилькицкого, загромождённый торосами, вот он, под самым носом головного ледокола, где «квартировал» гидролог.

Как моряк, он тут же собрался, пересилив своё настроение. Потом вытащил из-за книг, размещённых на настенных полках, самодельный нож, резко засунул его за голенище тёплого сапога. Тихо, мысленно обращаясь к какому-то близкому ему человеку, сказал ещё раз:

– Поверь, впервые лечу без охоты, хотя и с самим Кузьмичом.

На корме ледокола стрекотал МИ-2. Боков ввалил своё тяжёлое тело в вертолёт, что-то буркнул Кузьмичу, и машину, точно стрекозу, сдуло в сторону. Все провожавшие ушли в тепло ледокола ждать данных разведки. Где-то впереди ги-

дролог увидит то ли пролаз во льдах, то ли непреодолимые торосы и, чёрт его знает, куда уведёт ледовая обстановка – на юг, север? И опять мотать на винт непрямые мили Северного Ледовитого океана.

Чёрная полоска по курсу – отражение тёмной морской воды на небесной синеве у самого горизонта – исчезла неожиданно, и всем стало ясно: открытая вода кончается, и для мягкого, доброго человека, каким знали Бокова, начинается работа почти сутками напролёт. На капитанском мостике стояла гнетущая тишина. Все искали глазами острооую стрекозу, но в поле видимости её не было и даже стрёкота не было слышно. Как не было с ней и связи. Гидролог оборвал её резко, и каждый слышавший его голос понял: на борту вертолёта – беда.

А случилось вот что. Едва набрали высоту, как Кузьмич завалился головой вперёд. Его тело осело, обмякло.

– В чём дело? – ещё не поняв, что случилось, крикнул Боков.

Пилот не отвечал. Гидролог привалил его к спинке кресла, глянул в лицо, разлившееся пугающей белизной. Глаза закатывались, по губам пролегла синь. Задрав Кузьмичу свитер, Боков приложил ухо к обнажённой груди и не услышал сердца. Зато тяжёлые удары своего будто откладывали на телеграфную ленту: «Ты один, ты один, ты один...» Погиб, погиб – разве одно только это слово будет биться на губах жены, когда радисты отстучат ей скорбную весть?

И тут снова вспомнился разговор о Лукьянове. И у него похолодело всё нутро от мысли, что не Лукьяновская, а его Люська вот также отринет его.

Боков понял, что незащищен перед судьбой. Лишь его собственная выдержка, хладнокровие, разум противостояли обстоятельствам. Он вдруг осознал, что всё это вместе взятое и называется че-ло-ве-ком. И если есть у него эти качества, то он не отдаст себя во власть случая. Твоя собственная жизнь – уже много, чтобы вертолёт не превратился в летающий гроб. Не будучи пилотом, Сергей шестнадцать лет отдал полярной авиации: ходил как гидролог в воздушные ледовые разведки.

И всякий раз, едва представлялась возможность, учился у лётчиков вождению вертолёта. Учился, точно готовил себя вот к этому дню. К этим секундам, в которые укладывалась вся его жизнь. Бог располагает... Он отвёл Бокову ничтожно малое время, чтобы тот сам распорядился своей судьбой. Господь наблюдал за ним, зная, что наставлял его всё предыдущее время умению искушать судьбу.

Однажды Боков сдавал судовую почту на полуостров Таймыр. Полетели назад к ледоколу, а тут – туман. Жались к земле, шли тихо, вокруг – словно молоко разлито. Приземлились на ночёвку у залива Толля.

Сажал вертолёт Сергей. Правда, на его руках лежали руки пилота. Утром туман наконец-то отлепился от моря, и они увидели невдалеке от берега ледокол. Решили идти к судну на последней «горючке». Ждать, пока подвезут топливо, не было сил – ещё до рассвета истребили НЗ, да и продрогли, зуб на зуб не попадал.

Когда, а это только подсказывала интуиция, до ледокола оставались считанные метры, Боков крикнул пилоту, поскольку антенны судна запеленал туман:

– Высота мачты пятьдесят метров, – и тут же пожалел, что вылез со своими знаниями.

Пилот рванул вверх. И они сразу ушли из зоны видимости. Снова точно окунулись в молоко.

– Где вы, куда подевались, ещё секунду назад видели вас, – недоумевали на судне.

Вынырнули из тумана у крутого берега. Немного бы и... Обошлось. И вот память напомнила об этом. Чтобы его успокоить? Но сейчас-то ни о какой земле не могло быть и речи. Предстояло сесть на маленький пятачок – корму ледокола. Он знал, что в это время там гуляют свободные от вахты, так уж принято в Арктике: покружить по корме, дабы размяться. Боков мысленно видел знакомые лица. Взглянул на Кузьмича, по-прежнему не подающего признаков жизни. «Не придёт он в себя, – и я смету надстройки корабля», – подумал Сергей.

– Кузьмич, открой глаза, ну! Ты меня слышишь, Кузьмич?! – Кричал всю Боков, тормоза ватного пилота. – Слышишь?!

И тут Боков сам онемел от начавшегося действия. С ним это было не впервой. Арктика внезапно внесла в свои ледовые чертоги великое по силе своего воздействия на психику плотно, и гидролог замер от неожиданности, как когда-то оказавшись возле масштабной картины Иванова «Явление Христа народу».

Небо стелилось по горизонту зелёным с переливами цветом. Какой-то неземной свет источали сине-малахитовые, с сахарными надломами, айсберги, хрустальный снег, даже глубокие, чистые просторы зашлись каким-то сказочным озарением...

Очевидно, это игра света, причудливое его смешение и перекрасили небо. И в этом могучем сиянии красок растерявшийся, с расхоронившимся пульсом человек... Но столько было очарования в душе!

Не ко времени была эта картина. Скорее всего, наверное, сейчас бы подошла другая, написанная Теодором Жерико*. Полуразбитый плот, свесились в воду тела умерших. Лишь несколько обитателей плота с мольбой протягивают руки к виднеющемуся на горизонту судну. В глазах – отчаяние, безысходность...

Боков с Кузьмичом тоже были между жизнью и смертью. Только вот гидролог, пытающийся привести в чувство пилота, не видел своего судна. Но он не впал в отчаяние, подобно персонажам Жерико.

А с ледокола все запрашивали: «Где вы, где вы, мы подошли к кромке льда, дайте предполагаемый курс, стоим уже полтора часа».

Что он мог ответить, если Кузьмич до сих пор лежал в кресле. Загорелся предупредительный огонёк, хотя стрелка давно

* Французский художник

уже свалилась вниз – горючее израсходовано. Они находились в воздухе уже два часа.

И перед глазами факелом рвануло вертолёт. Где это случилось? Ах да, в Енисейском заливе. Вот там ничего нельзя было поделывать, чтобы предотвратить несчастье. Садились у речного знака Каменка. «Чего, зачем вспоминать?» Неприятная, лишкая испарина выступила на спине. Тогда они всё-таки посадили горящую машину и шли до ближайшего зимовья, кишевшего голодными тараканами, около сорока километров.

Боков притянул Кузьмича к себе, тот откинулся, как-то странно мотнув не сопротивляющейся головой. И гидролог вдруг тяжело, по-особенному понял, что всё зависит только от него самого. Тем не менее, он шлёпал, нет, хлестал пилота по щекам и кричал:

– Кузьмич, милый, очнись, там же люди, люди!

Под ними была чёрная вода.

– Что же ты так, Кузьмич,.. Мы же с тобой всегда вместе, вдвоём. Да скажи же что-нибудь! Я тебе помогу с управлением. Ну посмотри на меня! Услышь,.. – Сыпал скороговоркой Боков, глядя на приборную доску.

А в голову зачем-то лезли старые истории.

Однажды Сергей прыгал у острова Визе с вертолёта. Он должен был выпрыгнуть, чтобы спасти затерявшихся во льдах людей. Вертолёту не давали сесть торосы и огромные сугробы. Двадцать минут выбирался из снега: прыгнул ведь с высоты пятнадцать метров. Это чуть ли не с крыши пятиэтажного дома.

– Кузьмич, это всего-то северное сияние, вот сейчас оно исчезнет – и ты очнёшься, обязательно оклемаешься. Мы с тобой ещё летаем, – Боков умолял пилота хоть что-то сказать, заметив, как у него задрожали веки.

В отчаянии Боков засадил такую пощечину Кузьмичу! Тот неожиданно дёрнулся в кресле, чуть выпрямился, что-то невнятно пробормотал. И Сергей заорал:

– Кузьмич, захожу на посадку.

Пилот вроде как встряхнулся, словно впервые в жизни обживал привычное для него место. Кузьмич явно что-то шептал. Сергей подставил ухо к его губам.

– Серёга, рычаг шага надо... Нажимай на мои ноги... педали.

Машина стремительно уходила вниз, послушная воле мужественного человека. Может быть, беда уже стояла за этой секундой, которую пилот непонятно как определил и, найдя в себе силы, вспорхнул, будто подбитая птица.

Арктика их проверила за эти два часа как никогда. И если не произошло несчастья, то только благодаря тому, что существует та самая необыкновенная Арктика, которая воспитывает вот таких людей, идущих через мьгтарства ВСЕГО.

Два часа надежды. Боков жил этой надеждой. И они, точно целясь на мировой рекорд, сели в самый центр пяточка – маленькой округлости на корме ледокола, где крепился вертолёт. Именно отсюда Боков видел летящую за судном голубую в белый горошек косынку, подхваченную ветром, едва её выпустили из рук. Птицы поотстали, а она вот летит. Кого провозжала та молодая женщина? Кого ждёт она на берегу, как ждала когда-то Бокова Люська – его последняя соломинка во всех бедах. Может, и на этот раз она спасла его?

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Евгений Батурин

г. Воронеж

Чубчик

Скамейка у подъезда существовала с незапамятных времён. Массивная, на двух львиных лапах из чугуна, она стояла здесь ровно столько, сколько помнили себя Валюшка и Любашка.

Сидя на этих скамейках, мамы их более полувека назад раскачивали коляски будущих неразлучных подруг. Мимо этой скамейки девчушек водили в детский сад. Потом мимо неё они бегали в школу.

Именно на этой скамейке подружки впервые целовались с одноклассниками, потом обсуждали секреты семейной жизни, раскачивая своих первенцев, а полжизни позднее и внуков.

А сколько битв они выдержали с местными булдыганами, пытавшимися тиснуть скамейку и сдать в металлолом. Новые времена – новые правила. Теперь, с наступлением капитализма, скамейка исполняла роль летнего офиса.

Жизнь бежит быстро. Гораздо быстрее, чем мы ожидаем от нее, делая первые шаги. Закадычные подружки Валюшка с Любашкой, сидя на раритетной скамеечке, переплёвываются ничего не значащими для посторонних фразами, попеременно с шелухой от семечек:

– Марковна, слышь, ты чего себе задницу такую наела? Сидишь на лафке, словно карикатура из журнала «Крокодил».

– Вот сто лет тебя знаю, и все сто лет ты ко мне с какими-то подковырками лезешь. Да не наела – об лавку натоптала.

Сколь уж лет на лавке этой время проводим? На свое пузо посмотри, задницей ты меня утёрла. Да у тебя более моей.

- Ну чё ты обижаешься. Я ж без зла. Так, по-дружески.

- Валюшка, ты шелуху то стряхивай а то сидишь, как овца бородатая, смешнее не бывает.

- Насчёт «смешнее не бывает», есть тут такие персонажи, есть. Вон мужчина в возрасте мимо прогуливается регулярно с чубчиком. Тельняшечка флотская в вороте рубашечки мелькает, не иначе боцманюга какой бывший, грудь в ракушках - океанских кровей.

- Ага, чубчик-то! Старорежимный! Словно пятиклашка времён Никиты Хрущёва, кукурузы - «королевы полей» и первого полёта человека в космос.

Девчонки они всю жизнь девчонками остаются - хоть в пятнадцать, хоть в пятьдесят пять. Просто снаружи морщинками покрываются, а внутри всё те же смешливые, вздорные, крикливые, милые девчонки.

Внутри любой, даже самой древней столетней старухи, до самой смерти сидит смешливая девчонка с бантиками в косичках, помнящая мальчика, с которым впервые поцеловалась. Просто в одних старушках девчонки глубоко сидят, а в иных и вовсе не прячутся - так снаружи старушек и пребывают.

- Мужчина! Ау! Подъте к нам на минутку.

Проходивший мимо лавки мужчина обернулся удивлённо на окрик, огляделся вокруг себя, засомневавшись, его ли окликнули. Понял, что в данный момент на всю округу только он и может претендовать на звание мужчины, направился к скамейке.

- Что, девчонки, скучно вам и одиноко? Поразвlech вас? Аль за делом каким кличете? Так я зараз.

Валюшка, сплюнув с губы семечную шелуху, разгладила на коленях подол ситцевого платья и, слегка зардевшись, словно девка на выданье, произнесла:

- Мы тут вот с подругой всё смотрим на вас, как вы туда-сюда мотаетесь, и вопрос у нас возник про чубчик ваш. Не ко времени вроде причёсочка такая. Лет уж сорок, как не в моде. Да и вы вроде мужчина солидный, а стрижек у вас того, как

у школьника малого. Вы уж не обижайтесь на нас, дурёх, но любопытство прямо распирает. Может жена ваша от чубчика такого даже возбуждается?

Хихикнула в тон Валюшке и Любашка:

- И носить его вам всю жисть. Пока, значит, по мужской части вовсе не зачахнете, когда уже и чубчик не в подмогу будет. В смысле, когда «карасин кончится»! Грудь-то у вас эвон какая, от самого подбородка до самого... через пояс виснет, хе-хе!

Мужчина широко заулыбался в ответ.

- Э, девоньки! У моряка всё, что ниже подбородка и выше колена – всё одна морская грудь. Ну, висит чуток через пояс, так то не беда, не зря говорят – грудь колесом! Вот она и колесом. У мужчины грудь ниже пояса, это по-мужски, а вот у женщины грудь ниже пояса – это полный конфуз! Уж вы меня звиняйте, за метафору, так сказать! Ну, у вас, я вижу, грудь на месте, да и филейные части тоже ничего так, симпатичные! Хе-хе!

- Да уж понятное дело, зря что ли Петр Алексеевич, царь-батюшка, который Первый, со всей России наикраших девок собирал и в Воронеж отправлял? В колыбель российского флота. Морячков утешать в трудах флотских. Мы тут, вроде как, тоже все морячки, флот-то Российский в Воронеже рождён, всем известно. Так что – всё пропьём, но флот не опозорим.

- По акценту, я бачу, вы никак с Украины родом будете?

- Та ни! Вже не будем! Местные мы. Мама вместо детского сада к соседке-хохлушке с кастрюлей каши таскала. Вот я у них сызмальства и наострилась гуторить непонятно на каком языке. Я-то ладно, а то вместе со мною девочку татарочку к бабуне водили, Надиюшку, так та через две недели похляцки чесала, как хохлушка урождённая, я грит, мамане своей мусульманской, нэнька, сало хОчу с цибулей. Ну ладно, что же у вас за чубчик, скажите, будьте ласка.

Мужчина устроился на скамейке поудобнее:

- Служил я, девчонки, в конце семидесятых на подводной лодке. Командир у нас носил такую вот стрижечку – маленький чубчик на бритой голове. Не командир лодки, понятное

дело, этот рангом пожиже – старлей, командир БЧ. Старший лейтенант, стало быть, чтобы вам понятно было.

Зануда великий, но для нас, первогодков - царь и бог. В жизни я таких более не встречал. Драл он нас по службе, как котов помойных. До всего ему было дело, джеже ему хотелось в адмиралы выбиться, в каждую дырку затычка.

Мы его меж собой, иначе, как клоуном и не называли. Маленький, вертлявый, с пузиком, да ещё чубчик этот. Белым платочком чистоту проверял. Не приведи Господь, если какую пылинку в отсеке на механизмах найдёт, а то другой какой непорядок. Виновнику сразу швах – просто иди и вешайся. Поедом съест.

Так нас выдрессировал, что отсек блестел. Я уже через месяц старлея жутко ненавидел всеми фибрами своей души. Да и не я один, всех он нас задрал по полной программе.

Мужчина вынул из кармана помятую пачку «Беломорканала» и, дунув в бумажный мундштук, смял его пальцами накрест, затем чиркнул спичкой

– «Беломорину» постоянно жевал. Курить на лодке нельзя. Изжуёт мундштук, достает другую папиросу и ну её мусолить. Поверите? Смотреть тошно. И я вот с тех пор «Беломорканал» курю. Привык.

Затянулся глубоко дымом и пустил на выдохе в воздух ровное колечко дыма:

– А чубчик... Жена, конечно, по-любому возбуждается. Вот только не знаю, от чубчика ли? Так вот этот чубчик и ношу с той поры. Договорились мы с парнями, кто срочную служил на лодке, зарок дали на всю жизнь – носить такую стрижечку. Вполне дурацкая, скажу я вам стрижечка - полубокс называется.

Любашка закатила глаза к небу:

– Вот, люди! И за что ж вы ему такие благодарные? За то, щё он вас по службе как котов помойных драл?

Мужчина затянулся дымом из папиросы, так что огонёчек в три затяжки заискрился у самого бумажного мундштука:

– И за это тоже. Пригодилось по жизни. Сразу-то нам, матросикам сопливым, и не понять было, кто есть ху. Я потом в

училище подплава поступил в Ленинграде, ну, подводного плавания – по стопам командира. Всю жизнь на подводном флоте – до капитана второго ранга.

Помните, девчонки, фильм в детстве такой был, «Счастливого плавания» назывался, и песенка в нём – «Марш юных нахимовцев?»

Мужчина левой рукой взъерошил чубчик и, раскинув вширь руки, громко запел густым приятным баритоном:

Солнышко светит ясное,
Здравствуй, страна прекрасная!
Юные нахимовцы тебе шлют привет!
В мире нет другой, Родины такой!
Путь нам озаряет, точно утренний свет,
Знамя твоих побед!
Простор голубой,
Земля за кормой,
Гордо реет на мачте
Флаг Отчизны родной!

Резко прервавшись, уронил руки вниз на колени, улыбнулся и произнёс негромко:

– Да. Чудесное было время. Нет уже той страны прекрасной. И никогда уже не будет. Ушло всё куда-то. Скамейка вот одна и осталась. А жаль.

Морячок, влажно блеснув глазами, вздохнул и сунул было в рот догоревшую папиросу, но глянув на неё, бросил под ноги.

– Чубчик это в память о командире. В подробностях описать не могу – военная тайна. Да и ни к чему вам это. Погиб наш командир. Погиб зануда и клоун. Нас пацанов сопливых спасал. Кабы не он, всех нас уже давненько на свете бы не было. Так что чубчики все носим, как договорились – и помирать с чубчиками будем.

Папиросный чинарик противно хрупнул, растираемый каблуком.

– Вот такая, девчонки, грустная история, с моим клоунским чубчиком. Ну ладно, пойду, а то невестка чих-пых устроит. Внука пора из неволи вызволять. Грустно будет, зовите. Повеселю.

Мужчина поднялся и, помахивая пакетом, направился в сторону видневшегося за сквером детского садика.

Валюшка задумалась, глядя вслед раскачивающейся спине бывшего моряка, потом вздохнула тяжело, словно мешок с плеч свалила:

– Да уж, повеселил! Дуры мы набитые с тобой, Любашка? Слышь, люди-то как живут?! Подвиги совершают! Такие подвиги, что другие в память по ним чубчики клоунские всю жизнь носят. А мы тут с тобой задницы об лавку растаптываем. Эх, житуха! А? Полетела б я куда да натворила бы...

Любашка, забыв о шелухе на губах, глядя куда-то вглубь себя, ногтем большого пальца смахнула нечаянную слезинку с ресниц и тоже вздохнула:

– Канешна, дуры. Да, ничё! Наше дело бабье. Кабы все бабы на свете умные были, на ком бы мужики женились? Кто бы им детей рожал? Бизьнисвумин? Мы, эвон, с тобой детишек нарожали да вырастили. Вот они и полетят, да дел наворочают. И за нас с тобой. Да! Не напрасно всё! Может, и по нашим кто чубчик носить будет... Ой! Да, что же я за дура такая? Не приведи Господь! Тьфу-тьфу-тьфу!!!

А пожилой морячок, дымя свежей папироской, под шум зелёной листвы вразвалочку докатил уже до детского сада. Навстречу ему из калитки выскочил пухлый, коренастый бутуз лет пяти и, заливаясь радостным смехом, с разбега прыгнул в объятия отставного аса подводных атак.

Летний ветерок лёгкими порывами весело ерошил на стриженных головах деда и внука вполне дурацкие чубчики...

Владимир Калущкий

г. Бирюч

Член Союза писателей России

Когда я был богом

Рукопись, найденная в Интернете

«Я пишу эти строки на крошечном острове святого Фомы, затерянном почти посередине Великого Океана. Живут здесь двенадцать потомков европейцев, чьи предки ещё в XIX веке привезены сюда в кандалах по определению королевского суда Великобритании. Богу было угодно сделать их аборигенами этого клочка суши и, как поведал мне здешний староста, дальше тридцати человек население колонии Святого Фомы никогда не простиралось.

Теперь тут плантации редкой картофельной пальмы, ветровая электростанция, маленькая пристань и местный флот из четырёх мелких, но быстроходных катеров. Над островом вяло шевелится на высоченной мачте странный зелёный флаг в кровавую крапинку, разделённый крестом ровно на четыре части.

Здесь настоящий земной рай. Тёплый океан, мягкая нежаркая погода и никаких хищников. Живу я здесь не знаю сколько дней, но за это время никто не надоедал мне вопросами, не набивался в друзья и не отторгал мои просьбы. День ото дня я чувствую себя как бы в выдуманном мире, где на меня ничто дурно не влияет и не действует, но где всё исполняется по моему желанию.

Я ещё не нашёл себе занятия, но, однако ж, всякий раз, когда желудок даёт о себе знать, нахожу в меру накрытый стол

в своём отдельно стоящем домике. После бурных событий прежней жизни я долго приходил в себя, а когда почувствовал здоровье укрепившимся, то пожалел об отсутствии Интернета. И уже на другой день нашёл на письменном столе не новый, но вполне работоспособный компьютер.

Я принялся за работу и первым делом захотел узнать побольше об уединённом месте моего нынешнего пребывания.

И тут меня ждало открытие! Моего острова не существует в природе! И даже явственная космическая картинка акватории выдаёт лишь морскую рябь.

Это оказалось необъяснимым, и поэтому я решил не искать разгадок новому явлению, а сделать запись о предшествующих событиях, пока они ещё свежи в памяти.

Я поднимаю вверх составную нижнюю часть оконной рамы и вижу, как на восточной грани неба и океана комковатой цепочкой лежат белые облака. Ветра нет совсем, и флаг острова на мачте висит безвольно и сонно. Пятнадцатилетняя девочка Элиза, дочка местного адмирала карманного флота, покачивается, сидя в гамаке между молодыми пальмами, болтает ногами. Она готовится к поступлению в университет на материке, на коленях у неё ноутбук.

Тишина и умиротворение царят на острове, и я какой-то боковой мыслью успеваю подумать: «А забыть всё - и наслаждаться жизнью!»

Крупный морской краб подбегает под окно, оставляя на песчаной дорожке бороздки кривоватых следов. Культиватор!

Я отхожу от окна и набираю на клавиатуре первую фразу:

«Казённое письмо в почтовом ящике поначалу не привлекло моего внимания. Нынче всякая контора норовит прислать квитанцию, напоминание, пытается запугать. Но когда я поднялся в свою однокомнатную квартиру на последнем этаже хрущёвской пятиэтажки и пристальнее глянул на конверт, то почувствовал недоумение. Оранжевой краской по верхнему срезу почтового прямоугольника красовалось название фирмы, пожелавшей что-то сообщить мне: «Бюро особых гарантий».

Краб неожиданно оказывается в комнате. Стуча клешнями, пробегает по полу и прячется под кровать. Выуживать его придётся видимо, шваброй.

Как он, чёрт его возьми, преодолел подоконник?

И где, чёрт возьми, я обронил мобильник?

Писать расхотелось. Я глянул вдаль, на океан, и неожиданно увидел, что цепочка облаков на горизонте разбухла и потемнела. И флаг на шесте неожиданно шевельнул крылом и опять затих.

А зачем, собственно, писать воспоминания? Кто мне поверит? Да мне самому всё случившееся вполне показалось бы полной чушью, если бы шутники из того самого Бюро после эксперимента вернули меня в мою квартиру, а не забросили на этот нелепый остров!

Я падаю спиной на матрац кровати и замыкаю руки на затылке.

Да, всё поначалу складывалось красиво. В письме, поверх которого шапкой красовались всё те же слова «Бюро особых гарантий», было написано:

«Уважаемый господин Тебенихин! Сообщаем, что Ваши изыскания в области евгеники привлекли внимание учёного совета Академии прикладной Метафизики и заслужили Премию Гальтона. Вручение премии состоится 13 февраля сего года в здании Академии...»

И далее следовал известный на всю страну адрес московского научного центра.

Я повертел письмо в руках, поглядел на просвет. Обычный лист, компьютерный текст. Подпись, печать, дата.

Но я никогда никаким боком даже не приближался к евгенике! Я – профессиональный безработный журналист. Без семьи, без денег, без протекции. Ну, слышал, что есть такая наука. Вернее, как учили меня где-то когда-то – лже-наука. Что-то о выведении в пробирке сверхчеловека. Или о сращивании полов. Почему-то всплыло совсем уж не к месту слово «конвергенция» – и я прямо от стола по крутой дуге отправил письмо в мусорное ведро.

Утром – чего давно не случалось – разбудила меня мелодия мобильного телефона. У меня там такой набор нот – из «К Элизе». Голос редактора Бабина возник раньше, чем умолк мембранный Бетховен:

– Проснитесь, граф, рассвет уже полощется!... По-прежнему нищенствуешь, литературное ничтожество? Хочешь заработать?

– Ну? – вопрошаю спросонок.

– Через неделю у нас в Белгороде Академия Наук проводит выездное заседание. Срочно нужно впарить читателям какой-нибудь наукообразный материал. Ну – ты же можешь соврать, как никто в нашем журналистском кубле. Соглашайся, граф!

– Сколько?

– Десять тысяч до и столько же позже.

– Поездку в Москву оплатишь?

– Лёгко. Когда отбываешь?

– Тотчас! – сказал я, отключил телефончик и полез в мусорное ведро. Спасибо, письмо старой чайной заваркой залито было ещё не настолько, чтобы не прочесть адреса.

И колесо судьбы завертелось, сверкая шестерёнками и спицами.

Оно прихватило меня за полу пиджака уже следующим утром, стряхнуло с себя прямо перед громадной дубовой дверью Академии прикладной Метафизики.

...Качнулись шторы, и в мою комнату через окно дохнуло прохладным ветерком. Я поднялся, подошёл к подоконнику.

Картина за окном заметно изменилась. На мачте теперь недовольно шевелился изумрудный флаг, и крапинки суетились по нему, словно стараясь спрыгнуть. Три катера у причала танцевали в ряд, словно клавиши пианино, то втыкая мачты в небо, то выдергивая их оттуда. Четвёртый катер, видимо, как всегда по понедельникам, ушёл на океанскую трассу за полсотни миль для встречи с большим почтовым транспортом.

Небо по восточному краю являло собой одну большую мешковатую тучу. Девочка в гамаке пересела, полуповернувшись к ветру.

На прибрежной полосе искрилась галька. Присмотревшись, я понял, что там живой шубой шевелятся мириады выбравшихся из моря крабов.

Мой рай начал пугать меня.

Не видно ни одного аборигена, лопасти ветряка электростанции слились в белый диск. За тяжким дыханием моря не слышно птиц.

Я вернулся к компьютеру. Я опишу всё, что случилось со мной, и запущу в Интернет. Если я исчезну вместе с этим островом, то останется хотя бы мой рассказ. Вдруг он поможет хотя бы одному наивному человеку избежать общения с «Бюро особых гарантий»!

«...Я развернул дубовые створки дверей Академии и оказался в громадном вестибюле. Пол с бесконечным лохматым ковром, девица в срамно коротком для такого заведения платье и её вопрос:

– Вы семьсот второй?

Растерянно развожу руками: не знаю, какой я. Протягиваю, а она брезгливо берёт у меня заляпанный заваркой конверт:

– Ну, вот же! – указывает длиннющим пальцем с кровавой капелькой ногтя на какой-то значок на конверте. – Вам в третью дверь справа.

Ступаю на ковёр, как на луг. Первая, вторая...

Третья дверь открывается сама собой. Я вошёл в пространство, оказавшимся не комнатой, а местностью размером с небольшой сельскохозяйственный район. В паре метров справа от двери, за небольшим пультом, сидел плюгавый молодой человек в замызганном белом халате и старательно орудовал картриджем, от усердия высунув кончик языка. Результатом его манипуляций было появление симметричных геометрических фигур на спелом пшеничном поле, раскинувшемся километрах в двух, несколько ниже от нас. Раскрыв рот от изумления, я видел, как, словно под колесом невидимого катка, целые прогоны соломы ровно выкладывались в кольца и треугольники. Точно так, как показывают нам по телевидению в разделах необъяснимых природных явлений. Видел я картин-

ки с таких полей - то из Англии, то из Ставропольского края...

Неожиданно, с сипением паровозного котла, над головой возникло брюхо непонятного летательного аппарата, и я вновь ахнул - НЛЮ!.. Повисев и подрожав, видение попросту растаяло всё с тем же сипением.

А когда я вернул глаза в горизонтальное положение, то не увидел уже ни местности, ни плюгавого фокусника.

Я стоял почти посередине огромной аудитории, где, цирком, расходясь в несколько ярусов вокруг меня, белели халаты многочисленных дядь и тётъ, почти сплошь в золотых очках. Кто из них - и из них ли? - при этом говорил, я не знаю, но голос из под потолка был мужским, сферическим - облегал меня плотно, как кокон:

- Путём строгого отбора мы, Совет Академии прикладной Метафизики, выбрали Вас в качестве селекционного материала для наделения качествами бессмертья. Ступив за этот порог, Вы приобщились к избранной когорте людей, которые не умрут никогда. Собственно, сегодня наша Академия в состоянии, таким образом, осчастливить всё человечество, но мы не находим основания для вовлечения в процесс людей недостойного проведения, худых мыслей, хронически больных, словом - всех тех, кого евгеника пока не признаёт гармоническими личностями.

- Но это же чистый фашизм! - выпалил я, всё ещё находясь под впечатлением шипящего НЛЮ. - И потом - я не давал согласия становиться бессмертным. Прикажете тысячу лет сидеть безработным в убогой хрущёбе?!

Что-то вроде общего смеха прошелестело по трибунам, и тот же голос заговорил. Теперь по-отечески душевно, с грудными нотками:

- Вы стали богом. Для Вас отныне нет ничего невозможного, ибо мы наделяем Вас способностью к владению зеротехнологиями.

- И... что это?

И опять - общее оживление. По-видимому, эти люди уже знают, что такое зеротехнологии, и они им нравятся».

...Дробный стук по полу оторвал меня от клавиатуры. Я увидел, как наглый краб выбрался из-под кровати и впился в скатёрку стола. Ловко снуя клешнями, он угловато взобрался к компьютеру, побежал по рукаву. Брезгливо пытаясь стряхнуть краба, я глянул на его клешню и осатанел: она была железной, с искусственно заточенными заусеницами, на заклёпках!

Я схватил монстра за панцирь и с размаха выбросил в окно.

Океан ревел. Дрожа от нахлынувшего страха, я глядел, как, борясь с боковой волной, к причалу пытается приткнуться катер адмирала. Обречённо успел подумать, что мне-то уж точно, почты не будет.

Мешковина неба заняла всё пространство над островом, брюхом зацепилась за мачту, полузакрыв флаг, и верхняя часть круга вентилятора электростанции вертелась, словно дисковая пила, вспарывая тучу. Прозрачными искрами из-под пилы разлетались крупные водяные брызги.

Начинался шторм.

И тут я услышал знакомые ноты этюда «К Элизе». Над подоконником возникла мокрая пакля головы девочки из гамака. Она протягивала мне мой пропавший мобильник и норвила всем телом перевалиться в комнату. Я взял телефончик и было хотел помочь девочке, но когда она мельком встретилась со мной глазами, я окаменел.

На меня ахроматическими зрочками глядели две мёртвые веб-камеры.

Жутко закричав, я толкнул девочку обратно и резко опустил раму, закрыв окно. Потом затянул шторы.

Я не желаю шторма и потрясений!

И мне показалось, что на улице установилась тишина.

Я сел на кровать, забился в угол и стал ждать смерти.

Видимо, задремал. Во всяком случае, сознание вернулось ко мне на середине телефонного вызова. Я резко нажал кнопку и услышал вальяжный и спокойный голос Бабина:

– Надо иметь совесть, граф. Я тебе плачу настоящие деньги, а ты мне туфту гонишь. Будь добр, скинь к утру на мой ящик готовый материал по науке. Ты ж меня без ножа режешь.

Я пытался ответить, но лишь хватал сухим ртом воздух. Редактор что-то заподозрил, мягко переспросил:

– Ты там не упился, болезный?

– Мне страшно... – прохрипел я. – Тут механические крабы волной идут от берега...

– Ну! – обрадовался редактор. – То, что надо. Всех блох!

И отключился.

Спасибо хотя бы за то, что разбудил.

А где эта механическая девочка?!

А где краб?

А почтовик где...

Я подошёл к окну и отодвинул штору.

Во всём поднебесном мире царили покой и свет.

Девочка сидела в гамаке и бубнила непонятный текст. Почтовый катер мирно уткнулся в причал рядом с утлыми собратьями.

Ветряк станции едва шевелил лопастями. Адмирал потянул в гору, к местной мэрии, мешок с почтой, приветливо помахал мне рукой.

Рай...

Так вот почему я не нашёл в Интернете и тени упоминания об острове Святого Фомы под этой широтой! Нет рая на земле, и остров этот – суть производная зеротехнологий шутников из Академии прикладной Метафизики.

Но если так – надо срочно закончить записки! Это же вековая сенсация! Возвращаюсь к компьютеру и к тому месту в тексте, где оставил себя посередине неведомой аудитории:

«Мы открываем Вам самые запретные истины, содержащие в себе смысл всех наук, – вещал зычный голос, и я впитывал его слова, как соты впитывают пчелиный мёд. – Веками считалось, что на Земле прежде существовали сверхцивилизации Атлантов и Гипербореев, обладавшие божественными способностями. Якобы они дали нынешнему человечеству начала знаний и оставили после себя циклопические каменные мегалиты.

Это правда, но не вся. Атланты и гиперборейи существуют рядом с нами и поныне, и они во все века внимательно следят

за развитием нашей цивилизации. Они отводили от людей глобальные беды и ограничивали развитие опасных для мира земных наук. И во все времена они одаривали способностью бессмертия выдающихся учёных и гуманистов человечества. Нынче решено значительно расширить сообщество избранных с тем, чтобы именно ему оставить в наследство всю Землю. Вы – один из избранных.

– А как быть с остальными? – осмелел я.

– Они обречены. Как только сверхцивилизация откажет всему остальному миру в покровительстве – он остановится в развитии. Остановка равнозначна смерти.

– Но это жестоко!

– Нисколько, – вещал голос. – Жестоко было бы всем избранным не воспользоваться шансом, ведь только на пути физического бессмертия у человечества есть будущее.

– Всё это только слова! – осмелел я.

– Отнюдь нет! – окреп голос. – Только люди с безграничным ресурсом жизни способны овладеть технологиями атлантов. Вы как учёный и сами понимаете, что мы на Земле упёрлись в потолок познания. Самое большее, на что мы способны – это расщепить атом. Ну, ещё создать некоторые материалы на основе нанотехнологий.

– Но ведь мы только выходим на уровень этих самых нанопознаний! – попытался я вставить слово.

– А для Атлантов это – давно пережитое детство. Ведь что такое нанотехнологии? Грубо говоря, – это попытка конструировать материю на уровне наночастиц, то есть – величин, корень которых измеряется значениями с девятью нолями. Нано по латыни – девятая степень. А Атланты в этом деле ещё тысячи лет назад ушли на запредельные величины с любым количеством нолей! В конце концов они пришли к так называемым нулевым, или зеротехнологиям, когда работают с отсутствующим материалом!

– Но это невозможно!

И опять аудитория ответила сдержанным покровительственным смехом. Голос слегка откашлялся и продолжил:

- Эти люди, если их так можно назвать, способны из ничего создавать нечто. Они производно лепят любой атом и конструируют из него недоступные природе молекулы. Они перемещаются на кораблях, сквозь которые пролетают наши самолёты и возводят здания, которые мы проходим насквозь, не замечая. Мы, обычные люди, живём и не видим вокруг себя грандиозных строений, космических эстакад... Мы и самих атлантов не видим только потому, что и биологическую клетку они создают из зероматериалов! А люди иногда видят НЛО и иные миражи только потому, что у Атлантов случаются технологические сбои!..

- И... я сейчас нахожусь в зеропомещении?

Голос прозвучал лёгким смешком:

- Вы же только что видели круги на полях. Это Вам первый лёгкий урок жизни в зеропространстве, где Вы и останетесь после лёгкой медицинской операции перевода Вашего организма в новое бытие.

- И я тоже стану невидимым?

- Отнюдь нет! - голос как бы уменьшился в объёме, и внезапно передо мной выткнулся из ничего тот самый замызганный оператор пшеничного повала. Он шутливо откланялся и спросил:

- Если я назовусь Коровьевым - Вы не обидитесь?

- Тогда уж и Воланда явите свету, - теперь уже пошутить попытался я. Но мой гид по бессмертной жизни взял меня под локоть и пригласил к лёгкой прогулке по аудитории:

- Вы будете существовать в той ипостаси, которую посчитаете нужной. Хотите жить в своей хрущёвке - ради Бога. Задумаете оборудовать себе лабораторию где-нибудь на планете Гия в системе Сириуса - да на здоровье! Вы же Бог, у вас в руках пластилин бытия! Главное условие - Вы не должны прекращать своих исследований по евгенике.

Я аккуратно высвободил локоть и попытался слегка отстраниться:

- Вы ошиблись, Коровьев, - в евгенике я не смыслю ни уха, ни рыла...

Пол под ногами дрогнул и закачался. Резко потемнело. Я протянул вперёд руку и нашарил вертикальную опору. Поднял глаза – мачта. Сверху дрожал фонарь, и масляный свет его перечёркивали полосы косого дождя. Голос тяжёлый, грудной досадливо отчитывал кого-то словно с неба:

– Вечно вы торопитесь невпопад. И что теперь делать с неликвидом?

Этот, в грязном халате, рядом, неровно качаясь заодно с палубой, прокричал в небо:

– Так на остров святого Фомы его, мессир! И кулаком по темечку, чтоб память отшибло!

– Ну, ну! – согласно ответило небо, и по нему с обратной стороны ударили огромным кулаком. Небо охнуло и до горизонтов разбежалось трещинами молний.

Утром на берегу на меня натолкнулись староста острова и адмирал».

Я допечатываю эти строки и отправляю на почтовый ящик редакции. Компьютер капризничает, потому что от полного штителя остановился ветряк электростанции.

Я пытаюсь позвонить, но моя земная Элиза умолкла от разрядки аккумулятора. Островная Элиза сидит в гамаке и болтает ногами.

Я не знаю, вернусь ли когда-нибудь в свою хрущёвку.

Я не знаю, дойдёт ли это письмо Бабину.

Но если дойдёт, то пусть он помнит, что должен Богу десятку...»

Юрий Чекусов

г. Старый Оскол

Родился на Южном Урале. Закончил Свердловский горный институт. Работал в Сибири и на Урале. Автор нескольких книг прозы. Лауреат конкурса рукописей РОСА.

Каникулы бедного студента

Бояться необходимо когда надо, а не когда вздумается. Да и по молодости сам чёрт не страшен. Часто говорят, что вот, мол, пользуясь случаем. Так неужто жизнью правит случай? Другие говорят, что случайностей не бывает. Вот и пойми тут... Надо было философией плотнее заниматься, а не играть в бирюльки на лекциях. А на улице хорошо, насколько может быть хорошо на Среднем Урале в июне. Сессия позади, а впереди долгожданная интересная вторая производственная практика. Так что как тут не порадоваться наступающим чудесам? Но на простой вопрос, близко или далеко ехать – ответить сложно. Да что тут долго рассуждать, езжайте куда надо и кто на что способен: вот один едет по вызову на Чукотку (за деньгами), другой на полусотню километров рядом (из местных), третьи недалеко (женатые), а четвёртые подальше – мир повидать за казённый кошт и себя показать. Кто есть кто в последней категории – догадываетесь: это романтики, холостяки, малоимущие, любители приключений, бродяги по призванию, подальше от тоски и родных. Виктору надо было всё и сразу.

У студентов есть одна удивительная черта: называть своих однокашников своеобразно их образу, окрестить так, что тот годами нёс потом своё новое имя, будто печать на лбу. Могли называть просто по отчеству, по сокращённой фамилии, по отличительной черте. В группе были Петрович, Зубрилка, Спортсмен, Дуболом, Ромашка, Софа, Коля большой и Коля

маленький, Анатолий Николаевич, несть им числа, а Виктора обозвали Победа, иногда сокращая как Беда. Он оправдывал оба прозвища.

Уезжать должны были поодиночке и малыми группами в зависимости от заявок. На ознакомительной практике и первой производственной Виктор уже побывал рабочим у взрывников и помощником машиниста бурового станка и считал себя уже опытным горняком. На железорудном карьере был, медную руду добывал, любимая девушка вышла замуж за другого, с родителями скучновато, с деньгами плоховато, близко и без романтики неохота – так что, не махнуть ли ему теперь вон туда, в Сорск. По коридору неприкаянно бродили десятки готовых к отъезду ходоков, слонялись поодиночке, парами и кучками, тихо переговаривались между собой, торчали у списка на стене с предлагаемыми местами практики. Договаривались с предыдущими соискателями насчёт своего будущего места, успокаивали последующих, что не будут претендовать на их географию. Гранит и песок, руда это или уголь – роли здесь почему-то не играло. Урал, Зауралье, Сибирь, Поволжье, Средняя Азия, Казахстан, Украина – разброс далеко не полный. Виктор нашёл в толпе глазами своих ближайших соседей по списку, подошёл к ним. Студенты в учёбе и быту всегда стараются держаться парочками, редко малой группой, ищут себе напарника по интересам, по принципу землячества, по возрасту и прочим только им знакомым моментам, и часто такие парочки становились друзьями. Вот и сейчас Виктор нашёл себе в надежду и утешение одних таких.

– Здорово, Алик и Барин.

– Да вроде уже виделись, Победа. Куда собрался? – откликнулись Алик, которого из-за сложного имени так называли, и Барин, крепкий коротыш.

– Поехали в Сорск. Вы уже определились?

– Это куда? – спросил Барин. Алик коротко уточнил у друга: «Это где?»

– Вы не знаете где Сорск с его молибденовой рудой?

– А ты знаешь и расскажешь страждущим?

Виктор любил рыться в атласах, но под рукой к настоящему моменту такой шпаргалки не оказалось. Только и знал, что

Сорск в Сибири и там добывают молибденит; только не путайте с вольфрамом, что идёт на нити накаливания в электролампочках, проходили же всякие разные химии. Народ вроде удовольствовался такой исчерпывающей информацией и стал благожелателен. Порешили положительно, ударили по рукам. Договорённость достигнута, успех налицо – победа!

Получив стандартную стипендию и деньги на проезд в жёстком вагоне, святая троица решила всё ж ехать поездом на Абакан в купейном вагоне. А что, где наша не пропадала, рассудили они – ехать долго, жёстко спать плохо и вредит подорванному здоровью студента, что чах и грыз год гранит науки, да и в купе будем почти полновластными хозяевами. Пили в дороге чай, вино не пробовали, перебивались без обязательного хлеба печеньем и сигаретами. Дважды в их купе оказывались случайные попутчики, пока наконец к ним не попал третий, стремящийся почти в тот же пункт назначения.

– Как, – удивился он, – вы не знаете про Черногорский камвольно-суконный комбинат? Я туда еду. Про мануфактуру-то что знаете? Где Черногорск спрашиваете – под Абаканом. Так как, за знакомство?

Нда, вчетвером оказывается сподручнее, да ещё под винцо, играть в карты. Так что суконщика оценили. Мужик оказался словоохотливым и грамотно-изворотливым фокусником, однако Алик перехитрил его в игре со спичками, Победа разгадал и повторил его картёжные выкрутасы, а Барин окончательно покорила крепким рукопожатием, и по доброте душевной и от широты такой их четвёртый сосед субсидировал компанию на новую бутылочку.

– Сорск знаю. Перед Абаканом. Станция у него в стороне. Копают что-то, – вещал попутчик тройке путешественников. – А что ещё особенного здесь? Сибирь. Зимой холодно, Минусинск-то рядом, – информация была доступна и весьма полезна.

– Да, вот ещё что. Весной этого года авария там произошла на хвостохранилище, вода прорвала дамбу и пошла вместе со льдом и илом на горняцкий посёлок, школу, дома. Сам город не пострадал, он стоит выше, в сопках. Это вам интересно?

– Мы не обогатители. Что с карьером?

– А что ему делается, он в горе расположен. Туда, чтобы добраться до их конторы горного цеха, надо десятки деревянных лестниц вверх преодолеть. А сам город красивый, в тайге, деревянный в основном, я там как-то проездом был.

...Медная руда, железная руда, свинцовая руда – так называют на чистом литературном языке исходное сырьё для получения меди, железа, свинца. Однако геологи и горняки могут выразиться и проще, своим языком – руда на медь, руда на свинец; все мы знаем выражение «выдать на-гора», используемое не только шахтёрами, но и горняками, что означает руда добыта (с ударением обязательно на первом слоге) и уже готова к процессу переработки. В таблице Менделеева железо и медь почти соседи, молибден имеет порядковый номер 42, а вольфрам располагается под номером 74. Основными рудами металлов являются для меди халькопирит, для железа магнетит, для свинца галенит, для цинка сфалерит, для вольфрама шеелит и вольфрамит, для молибдена – молибденит. К примеру, вольфрам имеет плотность 19 г/см³ против единицы воды, с немецкого переводится как волчья пена, является первым металлом по тугоплавкости + 3410⁰С, закипает лишь при температуре Солнца плюс 6000 градусов по Цельсию. Интересующий же металл из Сорска – под названием молибденит – означает на греческом свинец, свинчак. Молибденит и в самом деле тускло-серого цвета, невзрачного вида, чешуйчатой структуры и мягкий, встречается в прожилках, разломах и контактах горных пород, которая у горняков идёт как вскрыша, пустая порода; добыча молибденита в горных забоях ведётся селективной выемкой, то есть постоянной выборкой руды отдельно от породы, о чём геологами постоянно упоминается в журналах выдачи нарядов и даже рисуется схема и паспорт забоя. Вот что такое молибденит на одном из его редких месторождений. Вам туда дорога?..

Сорск им понравился. Сора, так любовно с ухмылкой называли свой город горняки – от слова «сор» что ли? Чем руководствовалось грозное горное начальство при их распределении, трудно и сказать, с первой попытки не угадаешь, но уж явно не их блестящими неведомыми заслугами.

– Студенты-практиканты? Горняки. Как всегда вовремя, уважили, значит, нашу заявку. Ну и куда вас направить, о чём мечтаете? Не волнуйтесь, места рабочие есть, лето сезон отпусковой, мы вами бреши закроем. Готовы, значит, к трудовым подвигам.

Алика, как самого представительного и любопытного, определили помощником машиниста забойного экскаватора в карьер. Барина направили в ремонтную экскаваторную бригаду слесарем.

– А тебя, – начальник горного цеха пытливо всматривался в третьего студента, – а тебя... В смену горного мастера Николая Ивановича. Он всё и расскажет.

Фамилия неведомого горного мастера Николая Ивановича подозрительно совпадала с фамилией начальника горного цеха. «Быть беде, – подумалось Виктору. – Неспроста такое. Засунет этот мастер-фикс меня в такую дыру, что и...»

Тут в кабинет ворвался высокий тощий человек лет под тридцать и энергично пошёл на начальника.

– Остепенись, Николай, – с усмешкой осадил его командирский голос. – Знакомься. Вот тебе новый кадр, из студентов, подмога и опора на нынешнем «безрыбье». Ну чем не орёл? Так что забирай его и вперёд, решай свои дела. А вы, ребята, тоже свободны, сегодня заканчивайте своё благоустройство и завтра вперёд на работу. Ждём. Николай Иванович, не приставай ко мне по мелочам, забот и без тебя хватает. Всё, пошли, всем до свидания. Николай, не забудь своего Виктора.

Вот так определилось будущее трёх практикантов на ближайшие два летних месяца. Так тому и быть. Поселили их в неплохой общаге, в одной комнате на четверых с подселением. Рядом столовая, в горном буфете тоже можно перекусить и получить бесплатно причитающееся за вредность молоко. Графики у всех разные, встречались они больше по вечерам или по утру; пять дней в неделю в три смены при дополнительной «непонятке» – так они начинали работать. Когда отработывали свои смены – спали, ели, ходили в кино, иногда мечталось, чаще маялись уставшими и ворчащими. Неунывающий Алик рассказывал про экскаваторы, он и на прошлой практике работал помощником машиниста, так что ему легче;

спокойный Барин поведал о ключах и ремонтах. Зарплатой стажёров не обижали, она против их унылой стипендии – ого-го!

И Виктору было о чём рассказать, поделиться с соратниками. Его «командир» распорядился им на все «сто», забывая им производственные бреши и хитро-хищно при этом посматривал на своего кадра. Видно, что был доволен Николай Иванович доставшимся ему студентом. А Виктору-то нелегко было от такой перетасовочной жизни, так всё и лезло в голову – «то ли ещё будет». Ох, и досталось же ему мытарств по воле горного мастера, который за смену может «набегать» от десяти до тридцати километров. Горняки его уважали за справедливость и обязательность, за порядок в смене и на участках работы. И в таковой амбиции мастера Николая грамотный студент Виктор становился разменным материалом, но далеко не заднего плана.

– Не бойсь, студент, – сказал Николай Иванович и для начала определил Победу помощником на вскрышной экскаватор, что находился в карьере у чёрта на куличках на верхних горизонтах, и место это было далеко не хлебным. – Подмена там временная требуется.

Только Виктор там пообвыкся, попритёрся к машинисту и графику, даже попробовал дёргать рычаги и жать педали экскаватора, – нате вам, новая беда.

– Значит так, Виктор, – продолжил мастер. – Где наша не пропадала. В связи с непорядком в кадрах на водоотливе пойдёшь временно туда. Работа не пыльная, с деньгами не очень, но любого первого встречного там не поставишь – нужен грамотный и ответственный специалист. Науки такие проходили?

На самом дне карьера, чуть в стороне от рычащей суеты горных работ, около глубокого зумпфа располагалась насосная для откачки подземных вод из карьера. Два рабочих огромных насоса, третий ремонтно-резервный, уходящая наверх трубная магистраль, в зумпфе мерная контрольная рейка, в небольшой будке пульт пусковой аппаратуры, рабочие журналы, телефон для связи, жёсткий топчан – не спать! Немного времени ознакомления с хозяйством, стажировочная смена – и отвечай, чтобы вода не топила нижний горизонт, наблюдай за исправностью насосов и системы, не допуская и

сообщай о сбоях в работе и неожиданностях. На первых сменах Виктор ещё привыкал и переживал, но вскоре привык и по ночам даже занимался отчётом по производственной практике, готовя его пока в черновике, собирая материалы днём. Но опять же – недолго музыка играла, короче становилась ночь, на водоотлив пришли профессиональные люди.

– Короче, водяной, – Николай Иванович довольно потёр руки. – Прорвёмся. Вот и твоё время пришло. Хотел ведь помощником на добычной экскаватор? Чую, рвёшься в бой, да и зазвенит у тебя в кармане, а!?

Вот тогда Виктор набрал и насобирал по забоям приличную коллекцию из образцов молибденита. Можно было гордиться! И засунул её в свою дорожную сумку до лучших времён и своего отъезда из Соры по окончанию практики.

– Живы будем – не помрём, – возвестил мастер. – Да-да, просил тебя зайти ко мне. Пойдёшь на водоотлив? Там катастрофа – один из двух рабочих насосов сгорел, а резервный, как на грех, в ремонте. Надо сутки-двое продержаться на одном насосе. Сможешь? Мы за ценой не постоим, по нарядам проведу как пом-маш. Ставлю туда опытного слесаря, другие задействованы в аварийном ремонте, и тебя на водоотлив. Подмогни, ты выдюжишь, опыт же есть. Помни, что рабочий насос не должен постоянно находиться в работе, но и чтобы здорово не подтопило нижний горизонт.

Виктор, слесарь, аварийщики выдюжили: рабочий насос не сгорел, через сутки заменили второй, через двое суток закончили с третьим. Можно и вздохнуть было с облегчением, пора, не помешало бы после такого дурного произвольного графика – ан нет, вот вам кукиш с маслом. Рано радуетесь, друзья! После массового взрыва на одном из нижних горизонтов произошла сильная встряска магистрального трубопровода на дне карьера – лопнула труба, и вверх взметнулся высокий упругий столб воды; да ещё, видно, нарушился взрывом баланс откачиваемых подземных вод, дно карьера начало быстро топиться, так что оттуда угнали и добычный экскаватор.

Насосы, даже два одновременно включенных, с притоком не справлялись. Задействовали третий и чаще переключались, давая хоть малость время остыть каждому из насосов

поочерёдно. Для того чтобы смонтировать новый обвод в магистрали на месте обрыва, пришлось временно отключить водоотлив. Уровень воды начал резко повышаться.

– Держаться. Так держать, – бегал и рычал Николай Иванович, который, казалось, и не уходил домой.

Так что Виктору не так скоро удалось покинуть ставший ему родным и ненавистным водоотлив.

Закончили сварку на магистрали, заработали в усиленном режиме насосы; тяжело уходила вода на понижение, долго пришлось ещё качать на полную катушку. Но Виктора это уже мало интересовало, так как он вновь вернулся на родной экскаватор, где, наконец, почувствовал себя на месте и полноценным человеком.

А в последнюю неделю августа Виктор стал горным мастером. «Я за начальника побуду, – пояснил Николай Иванович, – так надо. А ты за меня».

Ох, как досталось и доставалось Виктору в эти дни от неугомонного Николая Ивановича.

– Ты на мелочи не разменивайся, ты мастером работай, а не кабель таскай на перегоне экскаватора как какой-то занюханый помощник машиниста. За грузопотоком смотри и распределением машин по экскаваторам – тут тебе диспетчер в помощники, заскочи пару раз за смену на водоотлив да долго там без дела не сиди. А то ишь... – Николай Иванович прыгал около меня в приличном гражданском костюме и помогал тащить кабель на новую перецепку.

И ругался. Страшно ругался. Без мата и без злобы. Душу отводил? Кого уж он там крыл без разбора – трудно понять, а Виктор просто попадал ему под раздачу, под горячую руку.

– Почему стоим? Что случилось? Сколько руды на-гора ушло? Что там ремонтники затихли?

Вряд ли Виктор мог ответить на все вопросы и сразу. Но что-то получалось: добыча шла в графике, карьер не топило, шли плановые ремонты. Матерел Виктор, пошумливать стал в работе. А что – и мы не лыком шить! Когда Николай Иванович был в настроении, он добродушно посматривал на своего нового мастера.

Однако кроме работы, забот и сна есть ещё не работа, молодость и нерастроченная энергия. И вот тогда начинается маета и выдвигание новых идей препровождения свободного времени. Представляете молодых неженатых парней, нечасто собирающиеся в одну целеустремлённую кучку.

- Барин, в кино пойдём? Американский боевик идёт. Алик, ты как?

- Ну, Победа, беда просто с тобой. Можешь и в одиночку сгонять в кинотеатр, сильно не утруждаясь долгими сборами.

- И куда тогда? - уныло вопрошал Барин.

- Куда-куда, на кудыкину гору, - уточнял неожиданно озлобившийся Виктор - Беда.

- О, я знаю ответ на эту загадку, - вдруг обрадованно воскликнул умный Алик. - У кого близко день рождения, есть такие? Развеемся нам надо, братья-славяне, от такой пресной жизни, расслабиться.

- Значит, идём в ресторан, - заключил спор Виктор. - Я правильно понял направление вашей мысли?

- Хорош базарить и живо катимся в кабак. Зачем толковые дела откладывать в долгий ящик, не солидно. Местных гуляк посмотрим, себя покажем, - поставил Барин точку в споре.

Хорошо посидели в тот вечер, душевно. На свою беду ещё увидали, как на соседний столик официант подает пузатую бутылку с зелёной жидкостью. Бодро заинтересовались ответом - что за пойло. Оказалось - шотландский виски и появилось оно здесь совсем недавно, в магазине его нет. Быть у колодца и не напиться - это ж самое гнусное дело; ну и что из того, что дорого; невкусная зараза, но одной для трёх богатырей мало... Так хочется попробовать, и хочется, и колется. Напробовались до зелёных чертей, брр. Больше культпоходов в ресторан не повторяли, а дни рождения перенесли на зиму - до лучших спокойных времён.

Однако скучно без женского внимания троим здоровым молодцам. Признали, что Сорск смахивает на Иваново, потому что здесь мужиков-горняков больше, чем молодых девок.

- Ну и что тогда? - уныло спросил Барин. - Как будем развеваться... развеиваться то бишь.

– Идём на местную танцплощадку, она у них недалеко и в красивом месте, деревца и горки вокруг, – двинул очередную версию Алик.

– То есть идём в народ, – утвердил Победа.

Сходили раз, два, неплохо, понравилось, но скучновато. Вроде как для отчёта, для галочки посещаешь такое значное место, но отголоска в душе нет. Пустая трата времени, одним словом. «Не найдём мы здесь личного счастья, – с пафосом заметил Алик. – Скучное место». Местными такое заключение было услышано, не понравилось, и Победа с Бариним еле отняли Алика у аборигенов Соры.

Ещё одной местной достопримечательностью был пивной павильон с открытой площадкой. Здесь, к удивлению, не дрались, били только воблой об стол, лакали разбавленное жигулёвское пиво и смолили «Беломор». Гул был непрерывный, неумолчный и накрывал террасу сверху будто серой и хмурой пеленой тумана. Так что пивнушка – заведение общественное, несуетное, интересное, не скучное, да пропади она пропадом!

До библиотеки они так и не удосужились дойти. «Успеется ещё», – порешили.

Вот и практика подошла к концу, закончился отведенный для неё двухмесячный срок. И лето тоже закончилось, не баловавшее жителей Сорска особенным теплом, и становилось уже здорово прохладно, хотя удерживалась сухая ясная погода. Виктор, закинув руки за голову, лежал на своей железной, а точнее – казённой панцирной кровати и рассуждал молча «про жизнь». Нравилось иногда ему такое состояние. Хорошие и правильные мысли толпились в его голове, насколько они могут быть такие в его «бестолковке» студента-инженера без диплома.

«Панцир – немецкое слово, русского, что ли, не нашлось? Вот живёт человек и бездумно потребляет воздух и воду. Вода ведь есть главный минерал на нашей грешной земле и мало кто задумывается над этим; она из таких немногих химических соединений, что может пребывать в трёх состояниях – твёрдом как лёд, жидком и газообразном как пар. Вода принята в нашем мире как главный эталон, точкой первоначального

отсчёта в последующем сравнении с остальными элементами и соединениями природы, её плотность так и обозначена – один грамм на кубический сантиметр, тогда как лёд оценивается в 0,92 (интересно ведь и любопытно). Вода в 800 раз плотнее воздуха и практически не поддаётся сжатию. Хотя тресни, но факты – вещь упрямая, против лома нет приёма, как говорится в народе».

Так что вода одно из главных достояний и богатств, что оценил древний человек и его последующие поколения. Но кроме дерева, льда и зверей пришлось познакомиться ему с камнем. Это сейчас мы знаем 2,5 тысячи минералов, биолиты (органические минералы), породы и поделочные камни, самоцветы, но вначале человеческого пути в цивилизацию роль сыграли руды, шпаты, слюды, кварцы. Всё добытое в мире золото составит куб со стороной 19 метров, тогда как медь, олово, железо – догадались о таких объёмах?! Основная руда на олово – касситерит и станнит; бронза – это сплав меди с оловом. Медь начали обрабатывать около 5 тысяч лет до нашей эры, железо научились добывать из руды на стыке 2-го и 1-го тысячелетий до н.э. У древних золото символизирует Солнце (блеск), медь – Венеру (не отсюда ли выражение «медные трубы», хотя его трактуют и как «испытание слабой»), железо – Марс (бог войны), олово – Юпитер. Понятие возраста для сравнения – доказывается, что возраст египетских пирамид и гибель Атлантиды 12 тысяч лет; разбирайтесь. Вопросов много; к примеру, почему был ледниковый период, а в пустыне Махаби (Северная Америка) отмечена самая максимальная температура на Земле в плюс 88 градусов по Цельсию. В Индии стоит железная колонна, выполненная в IV веке, диаметром 0,5 метра и высотой 7 метров с содержанием железа 99,72%, почти без примесей и без следов коррозии. В Мачу-Пикту (в горах инков в Ю. Америке) обнаружен высокогорный город – космический причал с возрастом 12 тысяч лет. (??) В общем, в летоисчислении научном для человеческого общества выделены каменный и медный века (4500 – 2100 г.г. до н.э.), бронзовый век (2100-1200 до н.э.), железный век (1500-50 до н.э.); напомним, что эпоха Римской

империи 50 до н.э. – 500 г.г. н.э.), а XX век нашей эры нарекли как Атомный век.

...Виктор потянулся, сел на кровати. Эх, сейчас бы съесть любимой еды, что так ценится у горняков-студентов при их безденежье – плавленый сырок, пирожки с картошкой или ливером, кильку в томате, болгарскую фасоль. Размечтался, держи карман шире, точнее – рот широко не разевай, а иди в столовую и там нормально поешь перед работой, и деньги для этого у тебя нормальные есть, а то как в той присказке – «последний итог борьбы в жизни у геолога – эх, уехать бы в тайгу, всю жизнь мечтал»...

«Вот раньше жили же люди, да ещё в такое интересное лихое время, богатыри – не вы. Не мы? Пифагор в своих Сиракузах как здорово организовал оборону своего города – поперёк залива цепь, настроил катапульта метательных, забросал атакующий флот горящими нефтяными снарядами и пожёг его зеркалами, потом залез в бочку – укрытие для доказательства своей лояльности к неоспоримым математическим и природным фактам... – ничего не забыл про Архимеда, всё упомянул иль что упустил и перепутал, а может и выдумал??» – посмеялся беззвучно над собою Виктор.

Не возлюбите глупость, но уважьте мудрость. Ого! Кто и где такое сказал? «Если не успокоюсь сейчас, не уравновешусь, то пойду морально в разнос».

Понесло Виктора. Нападало на него иногда такое. Вот и сейчас. Мозги рубили и дробили мысли, выдавая на-гора винегрет из случаев, жизненных деталей, справок, сведений и данных; становилось нескучно, и вот что слышали бы остальные и случайные «прохожие»... Этакое ассорти.

...В детстве мать всегда выигрывала у него в шашки и радовалась победам как малое дитё; когда её сын подрос, стал старше и уже неплохо играл в шахматы, ни единого шанса на успех он ей не оставил; она сердилась и обижалась, но в шахматы так и не захотела играть с ним – и он уже играл с отцом.

... Понятие, сущность и значение ВРЕМЕНИ человек осознает к девяти годам своей жизни, начиная в полной мере знать такое как «вчера, сегодня, завтра», «вечером, утром», «в прошлом году, через десять лет», «бабушка и мама...» Но после-

военные дети, кажется, опережают этот срок почти в два раза.

... Трудно быть оптимистом на 102% (процента). Ох уж эти пресловутые два процента перевыполнения. Скорее, будьте реалистом на 98%, ведь даже золота нет высшей стопроцентной пробы, а потеря в 2-3% присутствует всегда и везде.

... Всё-таки предпочтительнее по старинке – письма, но вынуждены мириться с телефоном, ибо мир разбросан по городам и весям.

... «Смотрите на жизнь десятками глаз... используйте факты из своего запаса и из запаса своих товарищей», – Владимир Обручев, советский геолог и географ.

... Нет в реальном мире параллельных миров, не существует затягиваний в «чёрные дыры» и нет симметричных и невидимых друг другу на одной орбите двух планет. Рассказни фантастов, досужие теории астрономов. Ну а вдруг? Но не верится.

... Не отгадывайте свою судьбу у цыганок и не имейте дела с цыганами, они – космополиты и потому выше ваших забот и мелких заявок; не верьте им и не доверяйтесь – их табор всегда уйдёт и, что странно, возможно унесёт вашу душу. И тогда она обречена на скитания, горький дух полыни и седой степной ковыль (красиво звучит, хорошо сказано?), что волнами идёт в безбрежность.

... В начале 1915 года в Польше 112-ый Уральский полк, находясь в тяжелейшем положении и не обеспеченный подвозом боеприпасов и продуктов, зарыв полковое знамя, пошёл на прорыв и пробился к основным силам. Среди раненых и выживших был один из будущих дедов Виктора по матери – Егор Бачков.

... Что такое биолиты? Это минералы органического происхождения, не являющиеся частью литосферы. К ним относятся жемчуг (продукт моллюска перламутровой раковины), янтарь (древняя окаменевшая смола, может быть даже с включениями), коралл (продукт жизнедеятельности морских микроорганизмов), кость и клыки (моржей, мамонтов, древних и современных водных обитателей), гагат (окаменелое дерево), окаменелости древних моллюсков (белемнит – чёртов палец, трилобиты).

Откуда такие знания? Слышал, видел, читал, интересуюсь, что-то знаю сам. Интересно многое знать, запас карман не тянет.

... Не пора ли приготовить для широкого круга этакий прикладной справочник наук, познания которых наиболее затребованы, своего рода домашнюю энциклопедию, где расскажут обо всём и сразу, коротко и ясно, кучно и толково, глубоко не вдаваясь в дебри каждой отдельно взятой науки и проблемы. Там напомнят закон Ома, формулу объёма цилиндра, покажут плоские фигуры и объёмные тела, поведают о драгоценных камнях и металлах, о старинных и современных мерах длины и объёма, загадочных чудесах в мире и семи Чудесах Света, расскажут увлекательно о Древней истории и Средневековье, об известных первопроходцах и учёных, исследователях, про живые и мёртвые Империи, про народы и острова, о полководцах и завоевателях. Надо что-то вдруг узнать – окунулся в такой толкователь и ты уже на коне: знаешь про церковь, историю и географию, физику и химию, про астрономию и планеты; разобрался в чинах и званиях, в представителях флоры и фауны, ихтиологии и орнитологии, побывал в террариуме, был лесоводом и ботаником, оружейных дел мастером, разобрался в цветах, конном деле, индейцах, морской терминологии. В общем, много чего хочется знать, но не так занудно, долго и скучно. Дилетант, скажете?...

Прошло лето. Над Сорском полил нудный нескончаемый дождь, резко похолодало. Виктор робко постучал утром в дверь кабинета начальника цеха.

– А, Виктор. Заходи-заходи. С каких это пор ты стал таким стеснительным? – Николай Иванович ходил по кабинету, меля его в длину крупными шагами.

– А где... э-э-э...

– Начальник цеха? Так ты правильно пришёл. И как всегда вовремя. Утренние сменные наряды проведены, планёрка закончилась, так что пока у меня «окно», так кажется называется у студентов пустота между лекциями. Зачем пришёл, Виктор?

– Насчёт заявления об увольнении. Уточнить с какого числа писать.

– Торопись удрать домой? Вот сейчас и поговорим с

тобой. Да ты не крути головой, сядь, настройся на деловой разговор. Твои ребята уже подписали заявления, радовались, что закончили работу. Вот, наверное, перед отъездом повеселились, отметили такое событие, да? Да ты не бледней и не оправдывайся, сам таким был по молодости. Отпустил начальник цеха твоих товарищей, понял их души и порывы, не уговаривал. Где они сейчас-то?

- Уже уехали. И что торопятся?

- Во-во, и я о том же. Нет, Виктор, уже прежнего начальника, я за него теперь. Старика моего «наверх» забрали, с повышением пошёл в управление комбината. Да и пора уже старичью место «хлебное» занимать здесь, беспокойная работа тут у нас - вырастил себе достойную замену и освободи дорогу молодым. Я уж тут в карьере с десятков лет работаю, света белого не вижу, да и тем более сам из местных - здесь родился, вырос и учился в школе, так что получается из аборигенов, с перерывом на горную учёбу. Да ты и сам поди догадался, что бывший начальник горного цеха - мой отец. Как он достал меня своими советами и выговорами, кто бы знал.

И Виктор зачем-то вспомнил, как он сам подвергнулся нападкам Николая Ивановича за эту неделю, что отработал горным мастером. Всплыли в памяти подковырки и ехидство Алика с Бариним насчёт его командирства мастером, благо они попали в ту злосчастную неделю в одну дневную смену с Виктором и наглядно видели его первоначальную обречённость и позор, не ведая при том всю подоплёку большого «механизма» работы карьера.

- Так ты не торопишься? Домой. Что ты там забыл... Девушку, родителей? Негоже в твои годы так делать - удирать с родного производства. Подождут пока дома. Твои друзья маху дали, не дождавшись окончания месяца - они получают по тарифу и повременные, а не по сдельщине и кубам, да вдобавок останутся без премии. Тебе деньги нужны? Не помешают, говоришь. Так вот, Виктор, предлагаю тебе по старой памяти - ты выручал нас на водоотливе, неплохо отмастерил неделю - следующее...

Выходило для Виктора так, исходя из планов Николая Ивановича - две-три смены ещё отработать помощником маши-

ниста экскаватора, в ночную смену («ставлю тебя туда, Виктор, где тяжело будет – для тебя и для цеха»).

– Потом закрываем на тебя сдельные наряды на добыче руды, имеющуюся у тебя повременку по водоотливу и ремонтам проводим по тарифам пом-маша, недостающую смену-две за август – за твои заслуги и помощь – дорисую, выпи-сываю тебе дополнительную премию за август, – перечислял уверенно, как будто это было само собой, Николай Иванович.

– Но в таком случае окончательный расчёт будет не ранее конца первой декады сентября и выдадут его тогда всем рабочим с зарплатой. Наряды и табеля на тебя закрою сам и своевременно, а Марь-Ивановну предупрежу, чтобы она выдала тебе «расчётные» чуть пораньше срока, не дожидаясь дня выдачи зарплаты, как только сделают на тебя окончательный расчёт. Беру огонь на себя! – И новый начальник цеха хмыкнул.

...А пока вот тебе совет, Виктор. У тебя ж каникулы начались, убирайся пока с глаз долой, съезди куда, проветришься, убей время до получки. Отдохни морально, обозри нашу Хакасию – когда ты ещё удосужишься сюда попасть, так ведь? Есть здесь что посмотреть – Абакан, Черногорск, Минусинск в глубинке нашей. Что, в Красноярск к брату рванёшь? Ну, вот и славненько... Чёрт вас обоих занёс в Сибирь. Молодцы! Такие люди нам нужны. Он кто, геолог?! Ну, ваще, везёт же некоторым людям.

– Витя, вопрос к тебе скользкий, – глаза Николая Ивановича смотрели на него жёстко и требовательно. – Скажи, а когда и где ты так неплохо научился командовать?

– Перед началом первого курса на уборке картофеля случайно назначили одним из шестерых бригадиров. В школе был капитаном спортивной команды своего класса. После первого курса на геодезической практике назначали одним из трёх бригадиров. Вот, пожалуй, и всё.

– Пока всё, – перефразировал задумчиво начальник цеха. – Вроде всё обговорили, Виктор? Свободен. Прощай. До свидания не говорю, ведь забудешь или же некогда будет зайти перед отъездом домой. Так? Проходил я эту науку.

И уже пожимая руку Виктору, Николай Иванович неожиданно

данно спросил: «Через год ты будешь дипломированный горный инженер. Сделать в твой институт запрос на тебя к нам на работу? Поедешь? Ну, думай. Думай в Красноярске, Хакасии, Свердловске... – время у тебя ещё есть. Прощай, бродяга и вечный скиталец, брат по оружию». И добродушно рассмеялся вслед уходящему, пробормотав тихо и скорее для себя: «большому кораблю – большое плавание».

...Вот и стали мы на год взрослей...

* * *

Летние каникулы для студента – четыре недели, может быть и календарный месяц. В этом году им дано было отдыхать с 27 августа (воскресенье) по 24-е сентября включительно. Официально «начались» каникулы и у студента 4-го курса Виктора, который уже никуда не торопился, как на пожар, и которого уже мало кто ждёт. Отсчёт пошёл.

– Здорово, наёмник, – приветствовал его в ночь с субботы на воскресенье 27-го августа машинист экскаватора № 3 Терехов; это была первая «дополнительная», с подачи нового начальника цеха, смена Виктора. – Ты ещё здесь? Сегодня со мной работаешь, я уже успел заглянуть в журнал нарядов; долго спишь. Ну, айда на наряд. Какие там нам сегодня приказы раздадут?

За «наёмника» Виктор на Терехова не обиделся, ему уже приходилось с ним работать, тем более на самом деле практикантов редко закрепляли на постоянно за каким-либо определённым экскаватором и машинистом, частенько перебрасывая с места на место.

– Победа, твои, слышал, уехали? – спросил Терехов, шагая рядом с Виктором. – Алик тоже уехал? Хороший был напарник, прямо таки рождён для экскаватора. – А что у него имя такое странное – Алик, как вроде детская зовутка. А он тебя частенько звал Победа. Как говоришь правильно сказать «Алик»... Ну и имя на самом деле, с размаху не выговоришь и забуксуешь на эту самую то ли «ф», то ли «в». Значит, уехали. А ты-то какого чёрта забуксовал?

В эту ночь они с Тереховым, уже под утро, потеряли зуб с

ковша экскаватора и вовремя не заметили как и куда он пропал – то ли сорвался в забое, то ли при их селективной отгрузке зуб ушёл в самосвал с породой – это лучший вариант; в другом случае если зуб отгружен с рудой и «ушёл» на обогатительную фабрику... попал в дробилку... заклинил, переломал, аварийный ремонт, простой. Виктор взмок от волнения – просмотрел ведь, а Терехов чуть ли не заикаться стал – проворонил, – когда сообщал горному мастеру о пропаже зуба и получил в ответ спокойное ЦУ (ценное указание) в виде бодрого «стоп, ребята; отгрузку руды прекращаем, гони всё в пустую породу, может проявится «болезненный»; на фабрику сообщу, чтобы были повнимательней; и посматривайте внимательно в забое; поехали, штрафники».

«Повнимательнее!» – это будет выглядеть так. Терехов грузит всё подряд и без разбора в самосвалы, ярко освещая забой и вглядываясь в массу камней, рядом сидит помощник и внимательно зырит за снующим ковшом или же наблюдает за забоем снаружи чуть в стороне за пределом радиуса действия ковша экскаватора; 80-колограммовый зуб, столько весит новенький и неизношенный, один из пяти на «челюсти» ковша, из марганцовистого рассчитанного на стирание железа, крепится загибаемым кругляком-стержнем, который также истирается – ломается – теряется (эх, Терехов); на приёмном бункере фабрики ведётся тщательное наблюдение за решеткой, дробилка под постоянным надзором машиниста, включена аварийная система металлоискателя, бегают оглашенный мастер-обогадитель... - все ждут долгожданный хруст марганцовистых плит в зеве дробилки, бывает иногда такое, если не срабатывает план перехвата; бригаду экскаватора номер три утром поволокуют на «ковер» с разборкой «ночного полёта».

«Не дрейфь, Терехов, – раздалось в рации под самый занавес смены. – Пронесло. С фабрики известий об аварии не поступало, так что иди спокойно спать, может, отмажу вас перед начальством; понедельник – день тяжёлый», – и рация с хрипом захлебнулась.

Виктор поел в столовой, поехал в общежитие и там с девяти часов утра продрых беспробудно до полпятого вечера. Продрал глаза и опять подался в столовую. Поиграл в карты

с новыми соседями по комнате и вновь подался на любимую работу искать приключений во второй своей «дополнительной» смене.

Чёрт бы побрал эту ночь и этот занудный нескончаемый дождь, казавшийся бесконечным кабель и маршрут на перегоне «одиннадцатого» экскаватора с его ершистым машинистом Тучнолобовым! Кстати, Тучнолобов обитал в их общежитии. «Ну что, Победоносцев, – кричал он Виктору сквозь порывы мокрого ветра, – прорвёмся?» Он отлично знал, что Виктор никакой там не Победоносцев, что его кликали просто Победой – вроде ни за что и почему-то в смене, – но уж если так повелось, да при задиристом ещё характере Тучнолобова, благодаря которому тот сам вечно числился на вскрыше и верхних горизонтах, которые не славились большими деньгами. Вот ить как – главное, руда, по ней и судят победителя, проигравших здесь нету – и всё же, и всё же... Есть такое у горняков – коэффициент вскрыши, это сколько приходится раскопать и вывезти вскрышных пород для изъятия из недр руды; и заметьте, что такой коэффициент идёт как кубометр вскрыши на тонну руды... не потянешь вскрышу – не получишь и руды. Конечно, при всём этом отгрузка вскрышных пород против руды – ой как в рублях отличается для машиниста такого задействованного экскаватора, то есть дёшево и сердито. Но Виктор, начавший свою работу на Соре, именно начал с Тучноголового, который чуть ли не насильно засадил его за рычаги машиниста. Два рычага – под каждую руку, две поворотные ножные педали, и ковш идёт во взорванную горную массу, загребает, поднимается, разворачивается к ожидающему тебя карьерному самосвалу, разгружается. Всё быстро и синхронно, потом идёт гудок: «один» – руда, два – вези на вскрышу. Виктор на пробе зарыл ковш в подошве уступа, аж экскаватор подпрыгнул, начал разворачиваться не в ту сторону, потом чуть не зашиб предохранительный козырёк самосвала, с грохотом вывалил породу из ковша в самосвал... из кабины показалась разъярённая рожа водителя. Лиха беда начало! Вот за это и Виктор был благодарен Тучнолобову. Мастер по рации – машинисту «одиннадцатого»: «Что вы там творите? Негабарит пошёл?» А вот сегодня, в эту поганую

ночь, перегоняли «одиннадцатый» на новый забой – дальний, но уже ставший столь потребным в ближайшем обозримом. «Одиннадцатый, как идут дела?» – вопрошала рация. «Дела, как сажа бела», – скрипел Тучнолобов. Система перегона «простенькая»: от КТП – карьерной передвижной трансформаторной подстанции, запитываемой с одной из опор воздушных карьерных ЛЭП, через соединительные ящики – лифты для обрезков кабеля с длиной от 50-60 до 100 метров, запитан экскаватор для перегона; линейные электрики поколдовали с подключением и пропали – «дальше уж сами». И вот тащишь и передвигаешь метры тяжёлого кабеля, не упускаешь из виду высунувшегося из кабины Тучнолобова и зришь, дабы кабель не попал под гусеничные траки. И так метр за метром, успевай... «сверху» подгоняют по рации горный мастер и чуть ниже машинист экскаватора; дождь и слякоть не в счёт. Бог мой горный, есть же ведь где-то на свете «перегонки» – специальные машины для перегона экскаваторов и буровых станков на больших карьерах – впереди экскаватор по спланированной дороге, а сзади «на коротком поводке перегонка». «Одиннадцатый» тонул... но и 13-му экипажу с его упрямством... под утро сгрузили и увезли излишний кабель, из тумана проявились линейные электрики.

После смены Виктор поспал, согрелся, сходил на пять часов вечера в кино, потом зашёл в столовую. Полтора часа затем играл в волейбол на спортплощадке, что недалеко от общаги. Уже к вечеру сразился в карты с жителями своей комнаты в какую-то глупую игру. «А что, имею право, «приработок» от начальника цеха закончился, долгожданные каникулы начались, сдельную зарплату получать ещё рано... так что – !» так что 28-е августа, понедельник, заканчивался.

* * *

«Если всё четко и заранее распланировать, как учил по экономике и сетевому планированию доцент кафедры с именем Евгений Клавдиевич (таких и не сразу встретишь), – то победы, правильности выбора и благоприятного исхода не миновать, быть иначе не должно», – так говаривал он частенько на своих стремительных и скучных для горняков лекциях. Но

смотри-ка ты, ан пригодилося! Виктор посчитал свои наличные, есть ещё, уточнил расписание и уже окончательно принял дальнейшее решение: «Так тому и быть!»

А вообще-то в Красноярске Виктор уже успел побывать – полгода назад на зимних каникулах с подачи родителей он побывал в гостях у брата, который определился там после своей службы на Дальнем Востоке. Год назад, в сентябре, Виктор не заторопился домой на каникулы после своей I-ой производственной практики на Балхаше – а куда торопиться, если из письма матери узнал, что любимая девушка его уже не ждёт, – и опоздал увидаться с братом. Вот такие скучные дела; родители – молодцы, попытались потом исправить огрехи его молодости и чуть ли не насильно, оплатив поездку, отправили в Красноярск.

Как добраться из Абакана мимо Сорска до Красноярска? Да просто. Садитесь на «железку» и с южного направления двигаетесь до Ачинска (не путайте с Канском, он стоит восточнее Красноярска), который и стоит на транссибирской магистрали, затем направо и вперёд на Восток. И делов-то! Кстати, ходит поезд Абакан – Красноярск; из самого Сорска-то не уехать, езжайте из него автобусом до станции Ербинская – и вот вы уже на железнодорожной ветке. Так поехали?

Полдевятого утра Виктора разбудил дождь. Ну и какого чёрта ещё откладывать Красноярск, когда брат Виктор – никогда и никого в жизни не предупреждал о своих приездах (глупо тратиться на телеграммы) – ждёт тебя. И в «четырнадцать тридцать» автобус повёз его до станции Ербинская. Нищему собраться – только подпоясаться. Уехать желающих в Красноярск было достаточно, и без Виктора хватало, тем более поезд-то проходящий. Впрочем, общий вагон всегда в почёте и продают туда, будто в безразмерность, билетов почти без ограничений. И в 16-00 часов Виктор сел в поезд Абакан – Красноярск; подумаешь – общий вагон на 16 часов пути, эка невидаль, тем более в ночь. Хотя, конечно, маотно и жестковатые сиденья; только в тамбур отойдёшь покурить, глянь – а твоё место уже забито тёткой с мешками и тебе предлагают примоститься четвёртым или даже пятым на лавке; в полночь Виктор урвал себе место на третьей (багажной) полке

в соседнем отсеке и раненько, прямой и стройный, еле сполз вниз – подъезжали к Красноярску. «Солнце красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская земля», – так впору было запеть утром 30 августа на подъезде к Красноярску в семь часов сорок минут. Бока и спина немилосердно болели, но радовало то, что с собой не было ну никакого абсолютно багажа и ничто не омрачало светлого момента новой встречи Виктора с уже знакомым Красноярском.

Красноярск. Семь сорок. Утро. Железнодорожный вокзал. Переезд до аэропорта, там где-то рядом и «контора» брата, располагающаяся в бараках. «Где найти такого-то?» И они обнялись, два братана, очень уважающие и любящие друг друга, старающиеся и ранее не забывать и помогать «идущему сзади», ибо всякое в жизни бывает. Восемь тридцать.

– Вить, придётся тебе потерпеть до вечера. Начальство меня не отпустит, завал по камералке идёт. Обрабатываем данные георазведки по одному из притоков Подкаменной Тунгуски. Читал «Угрюм-река» про Прохора Громова? Вот там я всё лето и пролазил; зачем-то материалы срочно затребовали.

– Чать новое месторождение открыли? – не удержавшись, съёрничал Виктор.

– Ну, в общем, до вечера перебьёшься? Сходи пообедай, поброди, в кинотеатр «Пилот» тут поблизости загляни – там фильм хороший идёт – «Молодые», а после обеда иль поближе к концу ко мне – авось начальство смилостивится. Договорились? Денег дать? Правда, у самого не богато.

– Не бойсь, братан, хватит у меня. На двоих. Ведь не будем же мы сиднем сидеть, ничего и никого не узрев – я ж к тебе в гости, а не проездом.

Братьям повезло. Семнадцать сорок. Не успели они далеко отойти, как увидели много народу на подъезде и подступах к зданию аэропорта. «Это что ещё такое? – недоуменно пробормотал брат Виктора. – Никогда ещё здесь такого столпотворения не видал. Что дают, что высматривают?» И они

дружно начали пробиваться вперёд, а милиция перекрыла доступ к подъездной дороге к аэропорту. Кавалькада машин с затемнёнными окнами быстро подъехала к центральному входу и свернула направо через открытые железные решётки на взлётное поле. И Виктору показалось, что он узнал кого-то в передней машине. «Давай туда, к решёткам! – скомандовал он брату. – Да не туда, где проехали, с другой стороны. Давай быстрее, пока народ не подвалил туда». Они пробились к железной стрельчатой решётке, где их уже начали трамбовать к железным пикам ограждения, – народ пришёл в память и хотел видеть, как машины подрулили к недалеко и отдельно стоящему самолёту, как из первой машины вышел человек и начал подниматься по трапу, как остановился у овала входа, повернулся лицом к народу и, не торопясь, помахал рукой. Эти мохнатые брови Виктор узнал сразу, да и брат его обладал прекрасным зрением. Это был наш второй легендарный Ильич – генеральный секретарь КПСС Леонид Ильич Брежнев. Что уж его занесло в Красноярск?

Виктор с братом потом побродили по городу, посмотрели на речной порт, на пятипролётный гигантский мост через Енисей, соединяющий левобережье и правый берег города, видели чашу спортивного стадиона. Начало смеркаться, когда они зашли в кафе, поели и выпили на двоих триста грамм вина – за встречу. А в одиннадцать вечера – отбой, Виктор улёгся спать на предоставленной ему раскладушке на веранде частного дома, которую временно снимал его брат с двумя такими же неустроенными товарищами. «Обещали скоро общагу дать или же на худой случай поселят в Есаулово, нашем базовом посёлке в сорока километрах от города. Прохладно сейчас уже конечно здесь на веранде, но ты, Вить, потерпи; на дополнительное одеяло. Не надо, что ли?»

Вот и закончился день первый у Виктора в Красноярске.

Утром Виктор вставать не торопился: хоть и раскладушка, но не деревяшка же под тобой. Все ушли на работу, его бросили. Привёл себя в порядок и побрёл, куда глаза глядят и куда ноги несут. На каникулах всё ж находится – торопиться неку-

да. На дворе 31-е августа, четверг, лету каюк, но погода здесь уютная. И куда ж с утра податься бедному студенту? Ну, конечно, в столовую – хватит пирожками с картошкой и капустой питаться, трескать тюльку и «завтрак туриста». Сосёт в желудке – значит пора в столовую и нечего из себя святошу строить, медведь вон тоже лапу сосёт, но летом же жирок нагуливает. «Вот спросят меня, – Виктор почесал свою лохматую голову, – что зимой делал? Медведем, скажу, работал. Это как? А, как и полагается медведю зимой в берлоге: спал, лапу сосал, весны ждал, ну и, конечно, свободы. Что чувствует весной медведь, каково его настроение после зимнего «мавзолея»... сами понимаете». После столовой Виктор увидел тир и не удерживал себя – так и потянуло по привычке туда; стрелял стоя, от плеча, чуть ли не навскидку и в быстром темпе; работник тира только успевал хлопать глазами, когда стрелок переламывал винтовку, в народе прозываемую «мелкашка» и садил свинцовыми пулями по самым мизерным мишеням. Получилось у Виктора с такого перепуга, да ещё всё лето не стрелял, шесть из десяти в его пользу. «Ладно, годится, – подумалось Виктору в тот момент. – А какой хороший винегрет был сегодня в столовой, не склизкий и вкусный, и чаёк хорош, и гарнир, и всё прочее дёшево и от пуза, чем не жизнь! И что на неё жаловаться, вот и кинотеатр «Совкино» и что там у нас сегодня идёт: ага, «Профессор преступного мира». Или ну его побоку, этот культ-поход вместе с его профессором. Не, не гоже так, как же без культпросвета!» После «перекрученного» фильма потянуло на волю, на простор, и Виктор оказался на Енисее. «А почему говорят: Енисей-батюшка, а про Волгу – Волга-матушка...» Могучий серо-свинцовый Енисей с проседью барашков мелких волн гордо нёс свои воды на далёкий Север, а здесь стоял на береговом приколе пароход «Святой Николай», на котором Владимир Ильич Ульянов-Ленин в 1897 году отправлялся в ссылку в село Шушенское. При В.И. Ленине Виктору не довелось жить, даже его отец и тот родился через два года после смерти вождя; но Виктор мог похвастаться, что ещё захватил второго «вождя народов» незадолго до его смерти. А каково, интересно, было Ленину в Горках под

Москвой, – вы видели эту усадьбу и слышали голос великого вождя? А картину «Ленин в Горках» знаете, где он в кресле зимой 23-го года... Свято место пусто не бывает и неизвестно что ещё лучше – шило или мыло...

Когда нет женской руки в доме, трудно сдержать мужской беспорядок... Не особо-то и уютно было здесь на «съёмной жилой площади», но да, не нам, грешным, судиться. В шесть вечера пришёл с работы брат Виктора, они сходили в столовую и «для оценки дальнейшей ситуации» побывали на автовокзале, а в восемь были уже дома. Сразились в шахматы, схватка была упорной. Чай (пустой), книга, отбой в 23-20... а что, чем не отдых, без забот и без хлопот! «Надо порешить ещё вопрос насчёт ближайших выходных брата – чем займёмся», – шевельнулась едва ли не единственная мелкая за весь день мысль в мозгу у Виктора перед его провалом в сон.

После утреннего подъёма – ни шатко ни валко и не так рано Виктор атаковал кассу Аэрофлота. «Сегодня 1-е сентября, билет беру за десять дней заранее до Свердловска, опять же с вылетом отсюда, из Красноярска; десять дней срока является гарантией на наличие авиа-места, окончательного расчёта в Сорске и времени на отъезд оттуда – правильно? Ну, вот и ладненько, значит, приобретаю сейчас авиабилет, пора задуматься и об организованном отгулении, как учил...»

«Взять власть в свои руки – наша задача!» – как учил нас великий Ленин. «Так, так, возьмём. Так чем мы займёмся с братом завтра с утра? Явно, что не чем-то простым, но просто занимательным! Начнем с ... » – Виктор всё ж придумал, как оторваться от рутины повседневной их действительности.

– Ты Красноярскую ГЭС видел? – ошарашил вечером Виктор брата прямо на пороге.

– Не довелось ещё как-то: зимой не до того было, а лето просидел в тайге.

– Во-во, москвичи, наверное, так же брешут. А она, ГЭС, где находится, далеко?

...В пополудень Виктор отдремал два с половиной часа «в горку», на семь вечера они сходили с братом на фильм «Ог-

ненные тропы» в кинотеатр «Октябрь», потом чай и отбой в 23-20... А впереди –то ли ещё будет!

Так кто не бывал в этом городе светлом? В десять-сорок утра 2-го сентября, суббота, автобус уносил их по горной удивительной дороге в Дивногорск, город строителей и работников знаменитой в СССР Красноярской гидроэлектростанции; незадолго до въезда в город дорога заделывала в своём изгибе такой «тёщин язык», что не сразу приходишь в себя. В самом городе двухэтажные деревянные дома с пристегнувшимися к ним по соседству бараками; прямые улицы, запах сосновой хвои вокруг и в наступающих горах. Виктор рта широко, конечно, не разевал – эй, раззявы, и не такое видели... или же увидим, в конце концов, но один раз всё же страшно удивился: по деревянным мосткам им навстречу беспечно катила детскую коляску очень молодая улыбающаяся женщина, будто раздающая цветы вокруг встречным жителям и гостям таёжного города. И даль эта светлая – час пути от Красноярска. Чтобы увидеть ГЭС воочию – во всей её монументальной грандиозной величественности, дуга плотины перекрывала Енисей с двух крутых и обрывистых берегов на многоэтажной высоте, – братьям после осмотров местных магазинов пришлось ещё прилично шагать по береговой дороге, где дорожных знаков и движения на дороге особенно-то не наблюдалось, и спросить не у кого было.

– Так верной дорогой идёте, товарищи? – спросил один из них нетерпеливо.

– Сюда не зарастёт народная тропа с травой по пояс.

– Однако подходим. Слышишь неумолчный нарастающий шум, будто гул идёт. Да и дорога выринула почти вплотную к реке.

И вот панорама ГЭС открылась перед ними.

– Пойдём поближе. Мечтаю пройти по верху плотины.

– Не пустят, – рассудительно сказал брат Виктора. – Не положено посторонним, да и идти уже не стоит – туда ещё далеко и это только из-за громадности плотины кажется, что до неё близко.

И они дальше не пошли... вроде как два шага не дошагали на пятикилометровой дистанции.

С обратным автобусом до Красноярска они промахнулись – да, будет, но не так скоро. Им посоветовали не унывать, вон с причала и по реке на «Ракете-62», делов-то на полчаса – и вы уже в Красноярске, в речном порту. Додумались же люди до таких «Ракет» – свои, советские спецы... Глядишь, и дальше что покруче выдумают, – да, судно на воздушной подушке, это тебе не фунт изюма и репу чесать пятернёй. Первый раз Виктор плыл на такой технике, да и брат его тоже. И наблюдать с палубы интересно, не нравится – катись в салон.

– Ну, вот и всё, что ли, на сегодня? – почему-то тоскливо спросил брат Виктора. – А время всего-то пятый час дня. Что будем иметь, Витя?

– Когда пришлые вламываются в незнакомый им город, они первым делом должны быть где?

– Ты не прикидывайся сиротой казанской, этой зимой был уже у меня в гостях в Красноярске. Так где должны быть твои пришлые?

– При захвате город отдавался на разграбление, но мы не такие кровожадные и должны быть в...

– В Краеведческом музее. Вот что должен сразу посетить приехавший в чужой неизвестный город!

...Все остальное просто, известно и доступно: в шесть часов вечера дома, чай, шахматы, в 23-00 сон...

Наступил второй полноценный выходной день. Любопытства и заинтересованности оставалось ещё много. Но для начала поздно встали, надо ж выспаться, по крайней мере – брату, он-то хоть и на камеральных, а не на полевых работах, но всё равно есть же разница между студентом и профи. Сходили днём в столовую, а ровно в 13-00 братья уже находились на ипподроме. Инициатором посещения стал Виктор: «Хотел всегда скачки посмотреть. Ты не против? Чёрт с ним, что там тотализатор водится...» Долго они взирали на сам ипподром, беговые дорожки, на жокеев и колесницы, на толпящихся людей и подозрительно неподвижных в ложах и на скамейках

рядом. Изучая программку вот уже битый час, Виктор начал ёрзать от нетерпения.

– Что, уже лошадку выбрал и забег? И руки чешутся лишнюю денюгу в кассу тотализатора отнести, да? Да вижу, вижу я твоё нетерпение. Судьбу хочешь испытать, с государством поиграть, а дело-то это дохлое и проигрышное. Хочешь – так валяй, иди, что встал! Только свои трать.

В одном из заявленных забегов лошадь Виктора пришла третья, а в другом очередном – шестая.

– Неплохо немного, – подытожил брат. – Раззадорил ты меня. Я вот о чём подумал, глядя как ты рубли просаживал... прогуляюсь-ка я туда, а ты передохни.

– Какой забег и на кого ставишь-то, скажи – болеть буду. На Алмаза и Зорьку? Так это у них только имена красивые, слышал я, что тут о них говорят, пока толкался в очередях. Ну, иди, стратег гремучий и подкованный.

Брат неторопливо ушёл, а Виктор совместно с толпой начал выкрикивать что-то, но явно не хулиганское и отвратительное, а что он знал, кроме как «судью на мыло». Брата долго не было, и Виктор отвёл душу за последующих два забега; в первом Алмаз всё-таки припёрся, хоть и со скандалом лошадиным, первым к финишу, а во втором забеге какая-то незаметка победила, на что Виктор явно не огорчился, – эта лошадка шла в конце, потом в середине, а за последний круг резво обошла двоих претендентов – жокей дело знал; ведь перед забегом они знают ставки тотализатора, или же нет...?!

Вот и братан подвалил. Идёт помятый и растрёпанный, и в руках кучка мелких помятых бумажек. Но на физиономии его расплывается довольное и долгожданное сияние.

– Вот, – коротко сказал он. – Поделим?

– Не. У меня свои ещё есть. А это – ты взял, ты и радуйся. Твоё. Забери без обиды. Сколько хоть там у тебя? Намного ограбил ишподром? Хотя местных тузов ты никак не обидишь.

Выигрыш брата тянул под мою месячную стипендию.

А в 17-00 часов они сидели на стадионе и внимательно смотрели, как идёт товарищеская встреча по футболу «Автомобилист» (Красноярск) – «Вашаш» (Венгрия). Всё ж не дворовые

команды встречаются, но у перекупщиков братья билеты покупать не стали, а достоялись в кассовой очереди. Футболисты играли не торопясь, старательно, не нарываясь на неприятности; видно было, что венгры замерзали на поле. Первый тайм отбегали впустую, а когда во втором тайме гол влетел в ворота футболистов «Вашаша», Виктор пожалел, что повторов голевой ситуации, как по телевизору, не делают, да и сидели они не очень удачно, где-то на линии венгерских ворот.

Братья друг друга уважали, разница была – но небольшая, в душу не лезли, когда надо было – помогали. Вот поэтому и подъехал Виктор в Красноярск, вот потому так неплохо и встретили его. К вечеру того дня стандарт: столовая, шахматы, чай.

– Ну что, – спросил Виктора брат, – завтра убываешь?

– Кончился праздник. Да и тебе пасти меня дальше некогда. Поезд вечером.

– Понятно. Заскочишь, когда определишься?

Это точно, что всё заканчивается. И праздники тоже, да ещё чужие. Утром, не слишком рано, Виктор встал, съездил на железнодорожный вокзал и купил билет на поезд «Красноярск-Абакан» до Сорска, в общий вагон – кто ж билет покупает в день отъезда, какова шинель – такая и утеха. Днём от скуки посмотрел сборник мультфильмов, потом «Чувак из 5-Б», сходил в столовую.

– Я тебя провожу, Виктор. Во сколько твой поезд? В 18-18. Понятно, пораньше отпирושусь, чтобы с тобой успеть к поезду. Слушай, тут сегодня двое ребят прибыли с Таймыра с образцами и кой-какими данными гео-съёмки; попутно нас угостили ряпушкой и пелядью – не хочешь белорыбицы Северной?

– И куда ж мне с ней таскаться?

* * *

Утром 5 сентября, во вторник, в 10-00 часов поезд прибыл на станцию Ербинская. Через 40 минут Виктор сел в автобус до Сорска и там был уже в 11-00 часов. Съездил на рудник,

там узнал, что новый начальник цеха Николай Иванович его не обманул, а Марья Ивановна, памятуя наказ Н.И., сказала Виктору, чтобы тот подъезжал завтра после обеда за расчётом. «Ну вот, – подумал Виктор, – расчёт вроде был правильный: отлёт в Свердловск 11-го, расчётные «копейки» дадут завтра 6-го сентября, куда деть лишнее время? Да, Марья Ивановна сказала, что получать мне – если в переводе на мою стипендию, то их четыре или пять... так что пойду-ка я сегодня в ресторан!» И в итоге он лёг спать только в три часа ночи. А под утро ему приснился пароход «Святой Николай», шедший напрямиком из Красноярска прямо на него, Виктора; «Св.Николай» громко гудел, гулко шлёпал по воде шлицами боковых гребных барабанов, летел по Енисею и, наконец, с дымом прорвался куда-то прямо через Виктора. «Куда это он? Неуж в даль светлую... Постой, а куда это Владимир Ильич направлялся тогда – куда и зачем?»

От всяких непотребных снов человеку надо обязательно избавляться. Будь то кошмары или вещей сон. Тут поможет судьба и её случаи, и старое предсказание старой гадалки или же что иное – в жизни всё пригодится.

«Стану постарше и поумнею – насобираю издания «История КПСС» за разные годы издательства, проштудирую их и сравню, как и кто понимает и командует данной историей, – так думал утром Виктор, не торопясь встать слишком рано. – Времени ожидания у меня много. На пятом курсе прочтут «Научный коммунизм», подкуют, ну а пока...»

В три часа дня он получил расчётные деньги, зашёл в столовую, «его величество организм» уже требовал подкормки. Так не поехать ли туда, что ему сейчас близко и доступно, ведь если не сотворить такое, всю жизнь потом будешь маяться!?

«А значит, остаётся одно – вперёд к Ленинским местам, попутно сгребая попавшуюся на дороге географию. Если так, то не стоит откладывать и тратить силы и время на беспутное времяпрепровождение. Итак, уточняем время и маршрут... Сегодня поздний вечер 6-го сентября, среда, и получается так...»

* * *

Ночью, в 2-15 автобус вёз его на станцию Ербинская, где уже в 3-20 он уже сел в поезд на Абакан. Другого пути в Шушенское не было, и в столице Хакасии он был в 6-45 часов. Он успел попасть, с учётом всех возможностей, на автобус до Шушенского на 9-40 часов. Езды предстояло около двух часов, по пути он увидел Минусинск – деревянный городишко на открытой местности, знаменитый по местным понятиям как «полюс холода», проехал большое Знаменское и подъехал к автовокзалу Шушенского. Прибыл, бродяга!

Шушенское представляло из себя большое село, являлось райцентром и вполне могло потянуть на п.г.т. – посёлок городского типа с его современными двухэтажными домами и новым пивзаводом с отменным качеством пива для множества приезжающих сюда туристов; для последних и жителей Шушенского было всё – школа, столовая, прекрасное оформление зданий и улиц, одним словом – не соскучишься, не то что раньше, хотя и тогда село считалось зажиточным.

Виктор не торопясь брёл по улицам посёлка, не захотев даже спрашивать верной дороги. И он его увидел: «Музей-заповедник. Мемориал В.И. Ленина».

Висел график посещения мемориала, и ближайшая экскурсия предполагалась в 14-00 часов – количество сотрудников заповедника ограничено, и они работают экскурсоводами в строго отведённое время. Вот это и узнал Виктор, конечно – короче и чётче, и то что ближайшая экскурсия состоится (после обеда) в «четырнадцать часов ноль-ноль минут», что явно не входило в планы Виктора и срывало его дальнейшее существование здесь. «Так и пролететь можно. Надо ведь вовремя успеть убраться отсюда – обратный путь далёк», – Виктор с отупением смотрел на большой плакат и не видел выхода. «Одиночек туда не пускают, надо ждать заявленных экскурсий или же сбора туристов в большую кучку».

Любопытным везёт, удача на их стороне.

Все экскурсоводы (гиды) – педанты и ни на йоту не отходят от своего образа – словесного, исторического, сценического.

Экскурсии для них – не только их хлеб и долг, но и своеобразный образ жизни, временный уход от реальности в мистический мир прошлого.

К воротам подваливала большая толпа разнокалиберных по одежде и манере поведения туристов, восторженности они и не пытались скрыть, разговаривая задиристо и открыто («хотя ведь не на концерт пришли, – мрачно подумалось Виктору, – можно бы и потише шуметь»)

«Но на каком же языке они общаются?» – наконец поразило Виктора. Он смешался с последними, успел получить ответ на ломаном языке, где разобрал слово «Прага» («ага, чехи; значит, братья-славяне; эти не продадут»), критически оценил своё одеяние – ну явно не прёт, сейчас раскусят и под смех жизнерадостных чехов, одетых явно не по местной погоде, с позором выставят вон. Вот делов-то будет, всю жизнь Виктору «мечталось» вот так блестяще закончить свое турне где-нибудь в Шушенском.

Экскурсовод начала считать прибывших по головам, сбилась в недоумении на Викторе: «Ваш?»

«Я, я, – по-немецки вдруг выдал он. – Иржи, судетский чех». – Уже по-русски, но с большим акцентом.

Сзади его подтолкнули, вливая в общий запланированный поток. Преображённая экскурсовод начала грамотно и с напором обход с попутной лекцией, за ней повалила толпа.

«В процессе реконструкции и реставрации объектов мемориала сюда, на часть нетронутой территории Шушенского, привозили и потом старые избы крестьян. Так что перед вами целый музей-заповедник, сами сейчас его увидите и удивитесь гармоничной целостности картины той дальней эпохи глухого сибирского села Шушенское, стоящего на реке Шуша при её впадении в начинающийся намного южнее Енисей», – рапортовала экскурсовод.

– Мы посетим, – вещала она как заведённая (однако её речь успевал «дублировать» для делегации их переводчик): улицы старого Шушенского; дома, где проживал Ленин; зайдём в дом обычного крестьянина; побываем в лавке – магазине; будем в

местном тюрьме-остроге; пройдемся к речке, где так любил погулять и поохотиться Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Нда, есть на что посмотреть! В лавке сгрудились чугузки и ухваты с медальными самоварами, – и как, спрашивается, все это оказывалось в такой глуши для чьей-либо необходимости; несмотря на сибирскую глубинку местный острог мог похвастаться высоким деревянным тыном при заостренных верхах и толковой дежуркой стражников; дом крестьянина невысок по холодным меркам (заходишь – нагибайся), деревянный опять же для тепла и с маленькими окошками при ставнях. А вот тут он проживал с Надеждой Константиновной Крупской на скромные «суточно-ссылные»; ловил рыбу, стрелял лису и видел такой же багряный лесок...

Вот и закончились чудеса Шушенского. А ты, Виктор, боялся, что не попадешь туда, опоздаешь или не успеешь: вот и Шушенское одолел!

Но после Шушенского для Виктора тот день ещё не подошёл к концу: около четырёх часов пополудни он уехал автобусом до Абакана, попав туда на этот раз всего за полтора часа. В Абакане – центре Хакасской АО (автономная область на юге Красноярского края) он проторчал почти до полуночи, хотелось за истекшие сутки (и даже – более) спать, но нельзя и надо «отрываться» по полной – центр, магазины, автовокзал, ж/д вокзал – в ожидании поезда своего назначения.

Под утро 8-го сентября в то глухое время, в какое напали на СССР 22 июня 1941 года, Виктор попал, наконец, в Сорск. Продрыхал, пока не разбудил голод, сходил в столовую, а потом завернул для разминки и «отходняка» на баскетбольную площадку. Вечером перекинулся в карты, услышал от своих соседей по комнате, что вот тобой, мол, интересуется комендант по общежитию, как это так – не работает, да и самого нет в наличии, а койко-место держит, нехорошо это, народто прибывает и свято место пусто не бывает. Посмеялись да в два ночи завалились спать. Ну, ничего примечательного! ... Шмотки собрал...

9 сентября, суббота, г. Сорск, столовая, баскетбол, столовая, карты. Ничего примечательного.

10 сентября, воскресенье. Встал в десять ноль-ноль. Сдал постель; посмеялся с комендантом крепости: «Вот, дождался!» «Да твои-то, мил человек, две недели уж как назад умотали домой. Половина-то твоих каникул уже, поди, прошла?» «Да», – ответил Виктор сердобольному и беспокойному старикану, горняку на пенсии, и в 14-30 часов уехал на ж/д станцию, откуда в 15-40 часов уходил его поезд на Красноярск.

* * *

А не пора ли тебе, Виктор, задуматься по жизни. Возраст-то уже приличный, третий десяток как разменял...

Эх, увидеть бы тебе, Виктор, крейсер «Аврора», Смольный, Финляндский вокзал с броневиком, Зимний, Кремль, Мавзолей, Горки...

Повидаешь, Виктор, какие твои годы; начало ведь положено от Красноярска и Шушенского, всё ж до Ленинграда и Москвы уже ближе...

...В великом СССР шёл 1972 год...

Утром в Красноярске он зашёл к брату проститься: «Бывай брат, мне пора обратно». Они крепко пожали руки, и Виктор улетел рейсом № 8320 до Свердловска, где и был через три с половиной часа. Закончилась неразбериха с московским и красноярским временем, наступила пора уральского – свердловского времени.

На птичьих правах он поселился в общежитии – временно и полунелегально перебраться несколько дней до своего отъезда домой к родителям. А получилась задержка аж до субботы 16 сентября. Искал друзей и сокурсников, приятелей и знакомых, – просто по принципу «кого поймаю – того и съем». Повидал знакомых младшекурсников, погонял с ними в футбол, поискал друга и нашёл – не обошлось при встрече без винца, походил в кино и долго отсыпался на железной сетке кровати.

Своих одноклассников особо не видал – в «разбеге» по домам и в семьях; попались несколько местных сокурсников, к одному такому зарулил на огонёк. Да и вообще – рано ещё здесь быть таким как Виктор, – отдыхают ещё дома, с женами или без – о делах рановато ведь. Вот и Виктор зарулил до знакомой подруги.

Дел, конечно, до начала нового учебного года предстоит ещё много. Сами посудите: узнать график занятий, уточниться с общежитием, подготовиться к сдаче отчёта о практике, записаться канцелярщиной, да мало ли ещё забот у будущего дипломника, которому после зимней сессии предстоит преддипломная практика, защита диплома, военные сборы, отпуск и отъезд к будущему месту работы!

«Так что пустое это время сейчас! И не пора ли на самом деле ближе к дому, где есть родные и друзья, кто хочет меня повидать», – грустно подумалось Виктору, и он «побрёл» до автобуса, «который отвезёт его на «родное пепелище» в эту долгожданную субботу. Дома он пробудет с недельку или что-то около того, а перед 25-м сентября зайвится в Свердловск несколькими днями раньше, лады?!

Любил Виктор своё уральское привольное Городище. То есть, если говорить проще, – свой родной город. И обзывал свои родные пенаты «пепелищем» – тоже любя. Любил, слов нет, вот только жить там он не станет даже при лучшем раскладе. Не будет там, ибо поманят Виктора неизвестные просторы и большие дороги.

СИБИРСКИЕ СКАЗЫ

Увлекательны «Уральские сказы» Павла Петровича Бажова, которые вводят нас в удивительный и неповторимый мир народных умельцев. Реальность там граничит с вымыслом, ярко отражая народные мысли и чаяния мастеров Урала.

В основу предлагаемых читателю «Сибирских сказов» тоже заложены события, которые могли бы быть былью, и соприкасаются с легендами. Действие происходит в настоящее время в Сибири. Автор не преследовал определённой цели при создании сказов, они родились сами.

ХОЗЯИН ВОДООТЛИВА

Сказ первый

1.

Хозяин водоотлива. Смешно звучит. Правда? Хозяин водоотлива – это я. Зря смеётесь. Вы, наверное, просто не представляете, какой это важный участок горного производства. Не будь его в карьере – и всем тем, кто мнит себя столпами горного дела (я говорю о буровиках, о горном цехе, шофёрах БелАЗов, то есть о рабочих карьера), пришлось бы плохо. И всё же отзываются о нём снисходительно.

«А, с водоотлива, – смеются они. – Ну как там? Ещё не затопило нижний горизонт? А то так, смотришь, вода до нас доберётся».

Ты лишь отмахиваешься: «Отстаньте! Жива ещё «десятка». Работай спокойно».

«Десятка» – это экскаватор под номером «десять», работает в самом низу. Вскрывает новый горизонт. Поэтому-то для них особенно важно, чтобы вода не заливала подошву уступа. Да и шофёры очень недовольны, если воды много – трудно крутить «баранку». А воды бывает иной раз много – закрывает треть колеса машины «БелАЗ-540» (машины грузоподъёмностью в двадцать семь тонн).

Я – студент. Приехал сюда на практику после четвёртого курса. Издалека, тысячи две километров отсюда до моей родины будет. Вы не подумайте, что я романтик – дескать, поэтому-то так далеко и забрался.

Один машинист экскаватора, молодой парень, меня предупредил сразу: «Не пойму, что ты сюда приехал? Хорошего здесь мало!»

Но дело совсем не в том; я хочу видеть мир наяву, а не в кино и по телевизору. Облазил Урал, побывал в Казахстане, был в Центре. А теперь куда? Конечно, в Сибирь. Вот так и оказался здесь.

Неделю я проходил стажёром. Наконец сдал экзамен и получил допуск к работе помощником машиниста экскаватора. Но не проработал я на своей «пятёрке» и двух недель, как мастер – начальник смены – предложил перейти мне на водоотлив. Сделал это он довольно-таки хитро. Под предлогом того, что там в нашу смену не было человека. Две ночные смены я «отпахал» там буквально ничего не делая, с надеждой, что всему этому скоро придёт конец. Но я просчитался. Мастер без обиняков попросил меня поработать на водоотливе «недели две-три, пока не найдут замены». Отказать было трудно, так как просьба больше походила на приказ. Что ж, моё дело маленькое: шеф приказывает – надо выполнять. Я согласился.

Лишь осведомился: «Эти две смены, что я работал там, двадцать девятого и тридцатого июня, мне зачтутся?»

«А как же. Загоним их по тарифу!»

«А в дальнейшем, – осторожно поинтересовался я, – как будет? Ведь мне надо зарабатывать на обратный билет, не считая денег для «господина живота».

«А так же – по тарифу. Плюс коэффициент с июля месяца будет тридцать процентов».

«Конечно, премии не видать, – продолжал горный мастер, – зато работа там «не бей лежачего», разве что иногда насосы переключишь. А заодно и над смыслом жизни подумай!»

Последнее мне что-то не очень понравилось – этого ещё не хватало, чтобы я ломал голову по такому вопросу. Есть

учёные мужи – им и карты в руки, пусть разбираются. В философии я слабоват, имел по ней тройки.

Так я попал на водоотлив. Водоотлив – «важный» участок горного производства (мои проклятия на его насосы) – находился на дне карьера и был представлен сараем, крепко сбитым и не пропускающим дождя, где и укрывались две пары рабочих насосов. Через две смены я неплохо освоился на новом месте – без посторонней помощи заливал насосы, включал их для работы. Старожил водоотлива, с которым мы как-то сразу подружились, несмотря на большую разницу в возрасте – ему было под шестьдесят, а мне лишь перевалило за второй десяток, – настойчиво вдавливал мне «сию науку».

«Во-первых, – говорил он, – веди учёт времени работы каждой пары насосов. Есть журнал, куда и записывай время включения и отключения насосов».

«Вот эта, – он стучал по корпусам насосов, – первая пара. Запомнить легко, они ближе к входу. Дают давление до восьми атмосфер. Однако этого мало. Потому для более интенсивной работы и «отдыха» первой пары имеется вторая пара насосов. – Старик перешёл к другой группе. – Они более мощные. Гонят воду наверх под давлением, достигающем одиннадцать атмосфер. Однако долго они работать не могут – греется привод. Ну что тебе ещё сказать?» – покосился старик на меня.

Я лишь пожал плечами.

«Насосы центробежные. Высота подъёма столба воды в карьере – 65–70 метров. Сброс воды в реку. Понял?»

Я кивнул.

«Тогда скажи, почему первая пара насосов малопроизводительна?» – задал он вопрос.

Я усмехнулся: «Да, наверное, потому, что велика высота подъёма воды!»

Теперь старик с восхищением смотрел на меня.

«Правильно, – он хлопнул меня по плечу. – Из тебя, парень, выйдет хороший машинист водоотлива. Молодец!»

То, что из меня получится хороший машинист водоотлива, я сомневался, но, чтобы не огорчать моего покровителя, согласился. Поймите меня правильно: после года мытарств по

книгам и с учебниками, да еще после бессонных ночей двух последних сессий я не слишком горел желанием снова окунуться в мир знаний и науки – хотелось отдохнуть.

Старик часто задерживался со мной. На водоотливе, считая меня, работало в тот период четыре человека. Отсюда вытекал следующий график работы – скользящий, после трех смен на выходной. Первым в списке стоял я, вторым – мой шеф, вследствие чего первые две смены из трёх сменял его я. Вот и сейчас, покряхтев, он садится рядом со мной.

Пытаюсь гнать его домой, он сердится и мне – обиженно: «Я тебе мешаю, что ли?»

«Да нет, – пытаюсь я загладить вину. – Но вы же отработали своё, пора и домой».

«А может быть, ты мне нравишься?» – спрашивает он, хитро глядя на меня.

Слабый ветерок колышет его короткую седую бороду.

«За меня не беспокойся: я здесь знаю всех шоферов, вот кто-нибудь меня и подбросит наверх на своей технике».

«БелАЗе!» – поправляю я его.

«А, – машет рукой старик, – какая разница. Главное, что доведёт до «раскомандировки».

«Конечно», – вынужден согласиться я, зная, что «десятка» даёт руду, а дорога на дробильно-обогательную фабрику идёт мимо «раскомандировки».

От старика веет стариной, чем-то необычным. Он и на самом деле необыкновенный: много колесил по стране, бывал в переделках, знает много историй. Иногда он затравит такое, что у меня, видавшего виды непробиваемых переплётов жизни студента – захватывает дух. Я оглядываюсь на насосную, чувствую, что там всё в порядке, и опускаюсь рядом со стариком.

«Скажите, пожалуйста, Петрович, – уважительно обращаюсь я к нему, – вам столько лет, а вы всё работаете. Удивляюсь, как вас ещё не списали за борт».

«За борт? – переспрашивает он. – Ты что, был моряком?»

Я объясняю, что у меня такая манера разговора.

«А тельняшка на тебе? – перебивает старик меня. – Ведь она настоящая, флотская. Откуда?»

«Мой брат, старший, служил во флоте, — терпеливо объясняю я. — Вот после дембеля, когда нам удалось увидеться, он и подарил мне её. На память».

«А-а-а, — разочарованно протягивает старик. — Вот оно что!»

И вдруг встрепенулся, будто что-то вспомнив: «Жаль, жаль, что ты не был моряком. Море — оно делает человека Человеком. Вытравливает страх, отдаёт концы слабым, помогает стать сильным и мужественным!»

Я внимательно слушаю старожилу, но всё-таки напоминаю ему свой вопрос, на который он так и не ответил: «Почему работаешь до таких лет?»

Он вздыхает, рассказывает: «Один я живу сейчас. Дети разъехались, забыли. Старуха померла. Пенсия мала, поэтому и работаю. Да и дома нечего делать, брожу без дела как окаянный. А мне людей надо видеть, говорить с ними. Вот и сижу сейчас с тобой, может и помогу тебе научиться уму-разуму. Я ведь сам рано остался без родителей. Работал. Потом попал в армию. Определили меня во флот. И нашёл я на море своё призвание, не каюсь, что избрал такую участь. С тридцать третьего года мотался по морям и океанам, воевал в Отечественную. А в сорок пятом году, тридцати одного года возраста, списали меня на берег — за борт, как ты выразился. Сошёл я на гражданку капитаном 2-го ранга с кучей орденов и медалей. Но какой прок в мирное время, да ещё на гражданке, от моего звания. Кинулся я в Сибирь. Хоть и списали меня с корабля, но здоровье у меня ещё было. Спустя несколько лет попал я сюда, в С-к. Так и осел здесь. Понравился мне карьер — я ведь на нём работаю почти со дня освоения — и стал работать экскаваторщиком. Но случилось несчастье — грохнулся на машине с уступа, — и перешёл я доживать свой век на водоотливе. Вот так!»

Старик умолк. Я молчал, потрясённый рассказом. Сколько всё-таки приходится испытать человеку, пока он властен жить. Недаром говорят, что пути людей неисповедимы.

Моё раздумье перебил Петрович.

«Слушай, студент!» — обратился он ко мне.

Я насторожился — уж больно интонация его голоса интригующая.

«Что?»

«Ты веришь в нечистую силу?»

Нечасто в жизни встречаешь такие вопросы; я был ошарашен, глаза от удивления полезли на лоб. Что это с моим стариком? Уж не спятил ли он на старость лет? Но Петрович вдруг свернул разговор на другую тему.

«Ты считаешь себя хозяином водоотлива?»

Я удивился ещё больше: «А как же иначе? Если я где работаю, то считаю себя хозяином своего рабочего места. Ведь мне доверена судьба чего-либо, доверена в мои руки. Иначе и быть не может. Так что, Петрович, я по праву считаюсь хозяином водоотлива!»

Старик в ответ расхохотался. «Ну-ну! — проговорил он, утирая слезы. — А меня ты считаешь хозяином водоотлива?»

«А как же, — ответил я, всё еще не понимая причину его смеха. — Конечно. Ты хозяин водоотлива в свою смену, я — свою».

Петрович растянул рот до ушей: «Но я-то, наверное, имею больше права называться им. Как ты думаешь?»

Я согласился с таким доводом. Но старик, посуровев, сказал, что отказывается от такого звания. Теперь я был запутан вконец и приложил все старания, чтобы выяснить суть его отказа. Старик что-то пытался мне невнятно вразумить, начал мямлить. Уже рассерженный таким исходом дела, я раздражённо прервал его и задал вопрос в упор: «Ответь — почему?»

Петрович вздрогнул, как от удара, и поднял на меня глаза. «О, ты ещё молод, чтобы понять всё, а я уже многого рассмотрел на этом свете, многое повидал. Ведь недаром тебя спрашивают, веришь ты или нет в нечистую силу».

Я чистосердечно признался, что нет.

«Да это полнейший абсурд, — вскричал я. — Парадокс времени. Это сейчас-то... и нечистая сила. Диаметральные противоположные понятия!»

Заволновавшись, я совсем не заметил, что начал говорить совсем как на семинарах философии, и оборвал себя лишь тогда, когда наткнулся на ехидный взгляд старика.

«Вот-то и оно, что вы, молодые, не верите в нечистую силу, — печально усмехнулся Петрович. — Ведь вы живёте бешенно».

ными скачками. Начитались про шпионов, индейцев, пьяные деретесь, хвастаетесь про свои любовные подвиги. Ближко смотрите...»

Старик поднялся: «Ну ладно, пойду я...»

«Куда вы?» — хотел задержать я его, так как уж очень не хотелось мне прерывать этот разговор, не узнав той тайны, которую пытался тщательно от меня скрыть старожил водоотлива Петрович. Но старик был уже далеко. Повернувшись на прощанье, он махнул рукой.

Ветер донёс до меня обрывок его фразы: «... а хозяин водоотлива здесь Водяной!»

Эхо ударило в скалы и растаяло. Потрясённый, я ещё долго стоял, открыв рот, и смотрел вслед удаляющемуся старику. Сказанное им было невероятно, но нервы в предчувствии недоброго сжались, как стальные пружины. Уже с опаской зашёл я в насосную, но там было всё по-прежнему.

Прошло ещё часа два, и я, забыв про страх, успокоился окончательно. Выключив вторую пару и подключив для работы первую пару насосов, я с удовольствием растянулся на лежанке. В мыслях было хорошо, и наблюдался полный порядок. Посмотрел на часы — шёл восьмой час вечера, через пять часов (даже меньше) меня сменят. А впереди ждёт выходной — двадцать четыре часа отдыха, после чего снова на водоотлив, который — надо сказать правду — мне уже порядочно надоел. Я прикинул в уме следующую дату моего выхода на работу. Получалось в ночь с десятого на одиннадцатое июля, до восьми утра.

«Но это всё потом, — с удовольствием подумал я. — А сейчас до конца смены можно поспать».

Глухо шумели насосы, перегоняя воду наверх, тряслось как в лихорадке всё — вплоть до стенок насосной, а я, забыв обо всём на свете, крепко спал.

Проснулся я неожиданно, от странного тревожного чувства. Нетерпеливо озираясь по сторонам, стал шарить глазами по насосной — всё было спокойно. Но как будто неведомая сила толкала меня наружу, и я, не в силах сопротивляться ей и успев лишь включить наружное освещение, шагнул за порог.

Одиннадцатый час подходил к концу, и ночь вступала в свои права. Откуда-то сверху и сбоку били прожектора, но их яркий свет, доходя до низа, рассеивался и представлял слабый голубоватый туман. Лишь прожектор, укрепленный на крыше насосной, честно делал свое дело – его свет упорно боролся с наступающей темнотой. Тёмная зеленоватая вода в его отсветах блестела стальным цветом, скрывая в себе что-то жуткое и недоступное человеческому роду. В глубине ночи рядом урчала «десятка», но от этого на душе становилось ещё страшнее. Вновь непонятная сила толкнула меня к воде. Ближе, ближе... Камень попался под мои непослушные ватные ноги, и я взвыл от боли. Ушибленная нога вернула меня к действительности. Страх сразу пропал, но настороженность ночной приглушённости по-прежнему угнетала меня. Я шагнул ближе и опёрся руками на трубу всасывающей магистрали первой пары. Вода перед глазами качнулась. Я ещё крепче прижался к трубе, чтобы не упасть вниз, в зумпф, и внимательно стал всматриваться. Вдруг впереди меня метрах в трёх дрогнула вода. Я встрепенулся, не в силах оторвать глаза от этого зрелища. Вода тем временем вспенилась, и две большие волны, необычные для тихого «зеркала» водоотлива, вздыбились в зумпфе. Пошли круги. Одним махом вода как будто раскололась надвое и, оставляя между собой мёртвое пространство воздуха, снова взлетела вверх. Теперь я дикими глазами смотрел на впадину между двумя водяными скалами, которая находилась прямо в середине зумпфа и почему-то не заливалась водой, непослушная всем законам физики. Впадина эта, словно пробитый шурф, дно которого чётко проглядывалось, держалась некоторое время, потом вода вновь вскипела, забурилась и вот вновь представляла собой гладкую поверхность. Но и это длилось всего секунду: вода взревела, бешено завертелась, образуя глубокую и мощную воронку, доходящую почти до самого дна зумпфа. Вытесненная вода рванулась через каменную перегородку.

Я не понимал, что творится с водой. То, что происходило сейчас, опрокидывало все законы науки: уж не так сильно поверхностное натяжение воды, чтобы она не могла залить

недавнюю впадину. А вот ведь что получается – не залила! Кроме того – откуда здесь появился водоворот? Почему вода кипит? Откуда волны, ведь нет даже слабого ветра?

Одно из двух: или я ничего не знаю, или ничего не понимаю. Я схватился за голову. Неожиданно воронка исчезла, вода успокоилась. Но я почувствовал, что это опять ненадолго. И верно – одним мощным гребнем по центру зумпфа, обнажая прибрежные камни, вода вознеслась на трёхметровую высоту и... застыла. У меня на голове встали дыбом волосы. Прошло секунд пять – и вновь перед моими глазами спокойная гладь «зеркала» воды. Сон это или явь? Казалось, я бредил.

«Нет, это невозможно, – решил я. – И с чего мне пригрелось?»

Я смотрел в воду, и каждая истекающая минута лишь подтверждала моё заключение о том, что я бредил. Я постоял некоторое время, привёл свои мысли в порядок и уже собрался уходить. Но... дрогнула вода, обдав меня тысячами искорок невесть откуда брызнувшего света, и вдруг из её темной и загадочной толщи вынесся трёхметровый могучий торс великана. Теперь вздрогнул я и застыл в леденящем молчании.

«Водяной? Неужто Петрович прав?»

Тёмная громадина Водяного шевелилась, вверх взлетела могучая рука. И вот над моим водоотливом пронёсся гулкий грохот. То заговорил хозяин водоотлива – Водяной!

«Ну что, студент! Теперь ты, надеюсь, понял, кто здесь является настоящим хозяином?»

И громкий хохот, от которого, казалось, даже насосы взвыли, раздался в подтверждение этих слов.

«Ты понял? Ты понял?» – быстро отдавалось у меня в мозгу. Нет, я не понимал – мысли мои были парализованы.

А над водоотливом гремело: «Я! Я хозяин здесь! Что хочешь, то и сделаю с вами. Затоплю-у-у-у!!!»

Дрогнула тишина, разваливаясь на куски, и похоже, что небо рухнуло на дно карьера... Сколько прошло так времени – не помню. Лишь в ушах, постепенно затухая, пропадал шум. И когда я очнулся из того небытия – всё было по-прежнему: голубоватый туман, зеленоватая и спокойная гладь воды, тяжёлое и натруженное гудение насосов, довольное урчание «десятки».

А утром, как обыкновенно, меня сменили. Сменили рано – за полчаса до конца смены. Ну и что же? Хорошо даже – хочешь, иди наверх пешком, а хочешь – жди машину, она придёт через полчаса, то есть в конце смены. Но это «лишнее» время сейчас мне было необходимо для другого – я побежал на «десятку» узнавать «подробности» ночи.

Машинист и его помощник тоже закончили работу и, на моё счастье (экскаваторщиков ой как трудно поймать в конце смены – они, словно муравьи, на всех подсобных и встречных средствах стремятся наверх; такая натура, что поделаешь!), шли мне навстречу.

«Макарыч! – обрадовался я. – У меня к тебе дело!»

Макарыч, этот плут, но, однако, хороший машинист, остановился.

«Что надо?»

«Слушай! Только честно! Ты сегодня ничего не слышал с водоотлива? Ну, шум или ещё что? А?»

Я шёл, разбитый и с потерянным ощущением этого мира – ответ Макарыча был отрицательный – ничего он не слышал. Машинисту можно было верить – Макарыч даже любопытствовал, мол, что было. Так что было? И всё-таки это было.

2.

Три дня подряд лил дождь. Хлестал, не переставая ни на миг, хлестал, не обращая внимания на то, день стоит или ночь. Небо затянулось серой пеленой, которая поливала людей то дождевой мелочью, то жёстким ливнем. С работы – дождь, на работе – дождь. Одно спасение – когда не работаешь – сидеть в общежитии, на работе – находиться в насосной.

И то, что должно было случиться, началось: вода начала прибывать.

Я заступил на смену в ночь с двенадцатого на тринадцатое июля, после смены должен был уйти на выходной.

«Ох, и посплю!» – с удовлетворением билась во мне мысль, когда я, подняв воротничок спецовки и задрав её на все пуговицы, шагал по дороге сквозь мглу полосок дождя.

Но сменщица разом разбила мои радужные мечты.

«Вода прибывает! — сообщила с торжеством она мне. — Так что тебе поспать не придётся! Вот видишь эту тетрадку? — И она сунула мне тетрадь в руки. — В неё ты будешь записывать уровень».

«Какой уровень?» — не понял я.

«Уровень воды! — объяснила она. — А определять его будешь по рейке; она стоит в первом зумпфе. Ясно?»

Я кивнул головой.

«А теперь, — она потянула меня за рукав, — пойдём, помотришь».

Мы вышли из насосной и сразу попали под дождь.

«Ух, — рассердилась моя сменщица, — всё дождь и дождь! Нет ему конца, проклятому!»

Я тоже понял, что дождь является и моим врагом — из-за него я вынужден буду не спать всю ночь.

«Работать только второй парой, — продолжала тем временем моя сменщица, — первая пара слишком слаба. Видишь, как вода прёт? Приток воды больше, чем могут отсосать даже насосы второй пары. Так что смотри внимательней! Если уровень воды дойдёт до «150 см» — это аварийный режим; за четыре-пять сантиметров до этой отметки сообщай наверх — мастеру, механику, дежурному слесарю или кому из начальства».

Сменщица ушла, а я в задумчивости остался у зумпфа. Наконец подошёл к рейке. Знакомая вещь! Это была геодезическая простая рейка. Я взглядом нашёл аварийный уровень, потом прикинул отметку воды. Вода закрывала рейку на двести четвёртом сантиметре (начало отсчета начиналось снизу — с места упора рейки в дно, от цифры 300 см, конец отсчёта был на уровне «зеркала» воды). Так сколько же ещё до роковой отметки? Ага, всего полста сантиметров, а потом надо будет бежать на экскаватор, вызывать мастера по рации; остальное начальство я ещё не знал. А где рация? На соседнем — «десятке» — она не работает, на вышестоящем — «семёрке» — ... Вот же чёрт! Оказывается, не знаю, работает там или нет. Впрочем, чего мучиться — когда припрёт, тогда и будет видно.

А дождь хлестал и хлестал. Но, несмотря на это тоскливое обстоятельство, я бдительно нёс службу и каждые полчаса бе-

гал смотреть уровень воды. Непокорная стихия пенилась от ударов ливня и, как потом выяснилось из моих наблюдений, ежечасно прибавлялась на 2-3, а то и на все пять сантиметров.

Утром напротив цифры 204 я вывел: «Уровень – сто восемьдесят три».

Приток воды в мою ночную смену таким образом исчислялся двадцатью одним сантиметром – рекорд за все предыдущие смены, во время которых шёл дождь. И начальство всполошилось. Вы знаете ядерную реакцию? Так вот, их приказы – я имею в виду начальство – расщеплялись так же. Вот она: директор комбината – начальник и главный инженер рудника – главный механик, главный энергетик, начальник горного цеха – четыре горных мастера. И, наконец, последнее звено и самое малочисленное – слесарь водоотлива, решительная точка в данной цепочке. Чем ниже следовал приказ, тем больше он понимался и осмысливался. Ну и как вы сами понимаете, исполнительным звеном должен был явиться слесарь.

Да, там наверху отлично понимали, на кого положиться в данном случае. И слесарь взялся за дело – ведь это его поле деятельности. Первым делом он «выбил» машину у мастера утренней смены и подвёз к водоотливу пару новых насосов.

«Зачем они?» – полюбопытствовал я, заступая после выходного в утреннюю смену.

«Пригодятся. Если вода «пойдёт», включим их для работы».

«Так для них придётся строить помещение?»

«Нет, не потребуется, – разбил мои опасения слесарь. – Они закрытые насосы, годятся для работы в тяжёлых условиях. Вот так!»

Вода прибывала; хотя приток воды и спал, но она по-прежнему продолжала подниматься. Когда зеленоватая гладь воды ударила по отметке «168 см», пришлось поднимать вводные фидера на специальные подставки. Через смену вода плескалась уже на уровне 165 см.

«Так что же? – спросил я слесаря на другую смену. – Так вода и карьер может затопить!»

«А что я могу сделать? И так бьюсь, как могу, – слесарь пожал плечами. – Новую пару нельзя никуда подключить. Что остаётся?»

Он в задумчивости посмотрел на меня: «Остаётся только заменить «всас» на второй паре насосов. Поставить резиновый, короткий!»

Он так и сделал. Отключил насосы второй пары, и длинная их всасывающая магистраль была заменена коротким резиновым патрубком-всасом. Но вода не дремала и, пока производилась замена, прибывала. В конце моей смены вода затопила всё пространство вокруг насосной и находилась от её днища в каких-то семи сантиметрах. Она хлупала везде и всюду, покрывая собой всё дно карьера.

Но дело было сделано. Взревели насосы, с огромной скоростью засасывая воду, и под давлением в одиннадцать с лишним атмосфер погнали ее по магистрали наверх, выбрасывая в слив ежечасно до четырёхсот кубометров.

Наступило равновесие: приток был лишь немногим больше отсоса. Да и кончились дожди, которые сыграли немалую роль в этом потопе. Наконец, на отметке «156 см», вода остановилась окончательно. Дело пошло на поправку!

Но в мою последнюю утреннюю смену (имеется в виду: перед выходным) вода еще пыталась рваться вверх, едва сдерживаемая работой насосов. Однако я был спокоен – вода остановлена. Теперь предстояло лишь откачивать её, откачивать до уровня 300 см. Дело, конечно, трудное, тем более в первоначальный период «зеркало» воды весьма большое, но осуществимое. А всего по данным замеров гидрогеологов предполагалось откачать до двенадцати тысяч кубометров воды (этой цифры я не знал).

Я сидел, глядя на спокойную гладь воды, и курил. Мысли мои были слишком далеки от действительности.

«Неужели это проделки Водяного? Да нет, не может быть. Дождь? Дождь – проделки природы. Но такое предсказание... Странно, весьма странно...»

И снова, как тогда, в душу мне вонзился ледяной хохот Привидения. Водяной угрожал, Водяной действовал! Но не дремали и люди! Теперь они не те, что раньше... Теперь они могут всё... Они никого не боятся. Люди – сила! Сила, не боящаяся нечистой силы. Человек – уже не забитое, тёмное су-

щество, дрожащее ранее при виде творений, которые были порождены его же собственной неграмотностью и бессилием перед могучей природой. А впрочем, может, несмотря на все наши знания и ухищрения, она, эта «нечистая сила», а точнее – незнакомая и неизвестная, есть, существует...

«Мечтаешь?» – вдруг донеслось сзади.

Я, не оборачиваясь, буркнул: «А что?»

«А работать кто будет?»

«О, это уже интересно. Кто же там?»

Я обернулся и увидел перед собой представительного человека: проседь в густых разлохмаченных волосах, чёрный галстук сбивается порывами ветра вбок, ворот белой рубашки расстёгнут, а её рукава подвернуты. «Важная птица!» Я встал, поздоровался.

«Кто работать будет, спрашиваете? – усмехнулся я. – А вы не беспокойтесь, работа идёт. Насосы-то ведь и без меня могут обойтись. Им только, по сути дела, нужен надсмотрщик... Это я и есть!»

Видно, человек этот – начальник, а создаётся такое впечатление, что ничего он не знает. Но, наверное, я всё-таки не прав, всё абсолютно человек знать не может. А надо бы!

Он покосился на меня и спросил: «Как работается?»

«Нормально!» – прозвучал мой краткий ответ.

«А видно, что вы – невежливый человек!»

Меня передёрнуло.

«Невежливый?! А что ему ещё надо? Во-первых, я его не знаю; во-вторых, ты мне, мил-человек, чем-то не нравишься; а в-третьих – ты мне не представился».

«Еще не научился!» – ответил я.

«Давно работаете?»

«Нет».

«Ну-ну, оно и видно. Так вы студент?»

Я улыбнулся – какая догадливость: «Студент».

Седой как-то странно усмехнулся, что меня особенно покорило: «Учишься где?»

Отвечать или нет? Впрочем, особого вреда не будет, если скажу. Сказал.

«А специфика какая?»

«О, это можно, здесь-то я тебя убью наповал!» — подумал я и ответил.

По выражению лица и по тому, какое впечатление произвела на собеседника минутная расшифровка моей специальности, я был удовлетворён и заключил свой монолог одной простой фразой: «А проще – горняк-открытчик. Не тот, кто открывает, а тот, кто работает на открытых горных работах, то есть в карьерах, рудниках, разрезах и приисках».

Удар, по-моему, был неотразим. Но, видно, нашла коса (это я) на камень.

«Я тоже по специальности горняк-открытчик. Только техникум окончил. Давно уж!»

Я смотрел на него и думал: «Слишком серьёзный, не улыбнётся даже. Думает, так лучше».

А он, смотря куда-то вдаль, будто даже и не мне обронил: «Ведь времени у вас много свободного?»

Я согласился – это факт.

«Вот вы и сосчитайте, за сколько смен можно откачать воду».

Я удивился: «Зачем?»

«Как это – зачем? Надо!»

Но что «надо» – я так от него и не добился.

Теперь он пошёл на меня в атаку: «Ведь вы проходили технологию и режим работы насосов?»

«Да. Но весьма короткий курс – стационарные машины и установки».

«Как так?»

«А вот так! Нам их не слишком надо, потому нас и не сильно обременяли этой областью наук!»

Он покачал в сильном неудовольствии головой: «Но знаешь?»

«Кое-что знаю».

«А какие насосы, интересно, качают?»

«Не поймаешь. — Ухмыльнулся я и ответил. – Центробежные!»

«Правильно! — он порылся в паспортах насосов (мы уже были в насосной). — А производительность какова?»

Вот этого я не знал, не интересовался. Прикинув и собравшись с духом, я бухнул: «Двести двадцать кубов в час! В паре!» Откуда взял я такую цифру — ума не приложу.

А он снова порылся и обрадовал меня: «Шестьсот с лишним. Не знаешь!»

«Ну и что? Эка невидаль», — не огорчился я.

Впоследствии я узнал, что и директор тоже был не прав; он назвал техническую производительность насосов, а эксплуатационная (рабочая) составляла четыреста двадцать кубов.

Он был доволен и предложил мне новую задачу — высчитать объём воды, которую надо откачать, чтобы осушить дно карьера. Я изумился и сказал напрямик: «Не хочу! Не могу! Нет желания!»

«Как не можешь? Это же просто — путем простой геометрии».

«Понятно и ребёнку, что здесь надо считать геометрическими формулами. Но поймите — не могу! Целый год я запоминал формулы, старался их понять, забивал и засорял ими свою голову. Я устал! И приехал сюда, чтобы здесь, работая, отдохнуть. Да, отдохнуть, а не снова ударяться в учёбу! А вы предлагаете мне снова что-то считать, предлагаете геометрию, которую я проходил давным-давно. Давным-давно, давным-давно-о-о!»

Мой гнев вдруг куда-то исчез, и уже последние слова я, лукаво усмехаясь, пропел.

Он печальными глазами посмотрел на меня и, бросив: «Жалко мне вас!», — пошёл к шикарной «Волге», ожидающей его невдалеке на дороге.

Я глядел в его широкую спину и невесело думал: «Не понял он меня! Простые люди доступны ли его пониманию?»

Всё-таки встревоженная гордость заставила меня подсчитать объём воды. Получилось две с половиной тысячи кубов (как видите, ошибка страшная). Но я не знал про свой грех и был спокоен.

3.

По моим расчётам вода должна быть откачана с учётом всех неожиданностей за пять смен, максимум за двое суток. Но я не учёл одного факта – Водяного!

Прошли двое суток, трое. Я удивлялся, почему вода ещё не откачана.

«Петрович, почему воду ещё не откачали?»

«Ишь, приткий какой! Быстро больно захотел... это двенадцать тысячч-то!»

«Как двенадцать? – вскричал я в изумлении. – Почему так много?»

«Сколько есть уж, – спокойно перебил меня старик. – Данные замеров».

Я схватился за голову. Надо же так оконфузиться! Благо, что никому ещё не показывал своих расчётов. Пришлось пересчитать. Выходило, что в среднем срок откачки – неделя. «Не-реально!» – окончательно запутался я в арифметике и бросил себя мучить.

Кризис миновал – вода падала. Иногда подключали для работы первую пару насосов, чтобы вторая – более производительная – охлаждалась (точнее, её электродвигатели).

Девятнадцатого июля я вышел в свою – после выходного – первую вечернюю смену. А под конец смены зафиксировал падение воды на 10,5 см. Во вторую смену – двадцатого числа – уже на 17 см. Когда заступил в третью смену – уровень был уже на отметке 263 см. Вот такие дела. Победа была близка! Но Водяной не дремал.

Перед началом моей смены в карьере был произведён взрыв. И надо же было такому случиться, что один из швов магистрали, совсем рядом с водоотливом, лопнул.

... И вода бешено ударила вверх...

* * *

Вода ревела, бурлила, сильным фонтаном била в отверстие, вырываясь на свободу. Дело ещё осложнялось тем, что труба была наглухо завалена породой; лишь там, где лопнул шов, вода разметала себе проход.

Сибирские сказы

Подходить было страшно. «Отключить? — подумал я. — Что толку? Вода поднимется тогда ещё выше, пусть уж лучше сбрасывается в другую, соседнюю траншею».

Подъехал мастер — неунывающий, спокойный парень: «Ну что?»

В ответ я пожал плечами: «Как видишь».

«Ага, — мастер попытался подойти поближе к «скважине», откуда, дико завывая, била вода. — Дела... А заваливать не пытался?»

О, дурень! Как же это я не догадался? И мы бодро взялись за дело. Начали с маленьких камней. Но они даже не успевали падать — рассерженная вода с грохотом выбрасывала их обратно. Один из них чуть не ударил меня в ногу. Я остановился, прекратил работу мастер.

«Видал? — ухмыльнулся он и в задумчивости поскреб себе затылок. — Как бы нам с ней справиться...»

«Да не с ней, — подумал я, — с НИМ! Это его, подлеца, работа! Мстит!»

А «скважина» продолжала реветь с бешеной силой, выбрасывая воду до десятиметровой высоты и изгибая её плавной дугой. Конец водяной струи бил в землю в 50–60 метрах от места прорыва. И, пересекая всё это дело, переливаясь разноцветьем, в брызгах воды сияла радуга. Красота! А мы от злости скрипели зубами.

Снова полетели камни — уже покрупнее, чем в первый раз. Теперь рычащая вода ошаршила нас по-другому — сил, чтобы вышвырнуть куски породы, у ней, видно, не хватало, принимать, однако, их она тоже не хотела. Так и повисли они в воздухе, поддерживаемые снизу мощными ударами водяных струй. Это явление мы прекратили лишь тогда, когда сбросили в «скважину» один за другим четыре крупных камня. Вода немного стихла. Утирая пот и собираясь перекурить, мы отошли. Но не успели достать папиросы, как вода, издав могучий рык, снова вырвалась на свободу. Из «скважины» полетели камни.

Я с тоской посмотрел на мастера: «Что скажешь?»

«Ладно. Вот тогда как сделаем: забросаем немножко «дыру» так, чтобы вода била только в траншею, а потом я съезжу за сварщиком и слесарями. Уловил?»

Я кивнул головой.

«Вот и хорошо. Ну, я полетел!»

«Слушай, а их долго ждать?»

«Вот чего-чего, а этого сказать не могу; кстати, не забывай, что сегодня аванс выдавали!» — мастер подмигнул мне и побежал к «хозяйке».

Ждал я сварщика и слесарей долго, и появились они только в десятом часу вечера. Сварщик аппетитно дыхнул на меня и популярно объяснил, что они-де приехали ремонтировать мой чёртов водоотлив; я понял обстановку — быстро отключил насосы, открыл задвижку для сброса воды в магистрали. До сих пор я отчётливо не представлял, что водоотлив всё же важный участок карьера... Откуда ни возьмись, приехал на «газике» главный инженер, за ним на «хозяйке» — мастер, потом лихо примчалась «аварийка», тащившая за собой гремящий, как пустая кастрюля, сварочный аппарат и высыпавшая передо мною толпу слесарей и сварщиков. Однако это ещё не всё — под занавес примчалась машина главного энергетика, которая притащила ещё один сварочный аппарат. И наконец, ко всей куче присоединился буровой мастер.

И вот собравшаяся толпа ударилась в дебаты — орала, шумела, кричала, доказывала истину. Правда, пока было не ясно — чью и какую. Ухмыляясь, я ждал, чем всё кончится. Особенно меня занимали в этой куче «низы» — слесари и сварщики. Они, плотно сбившись в кружок, казалось, обсуждали насущную проблему трубопровода — как заварить трубу, заваленную камнями. Но я догадывался, что проблема водоотлива сейчас их мало трогает — есть начальство, пусть оно и думает; скорее всего, они обсуждали проблему на завтра.

А мнения начальства разделились, впрочем, как и они сами, образовав две группы: в одной — главный энергетик, главный инженер и недавно появившийся главный механик (и как они здесь очутились — время близилось к полуночи), в другой — горный и буровой мастера. Но вот, кажется, главные пришли к единому решению; главный инженер подозвал к себе горного мастера и сказал, чтобы тот вызвал бульдозер.

Вскоре прибыл бульдозер, так необходимый для раскопки лопнувшего шва магистрали. Сейчас-то я наконец вздохну свободно, а то главный механик всё приставал к нам: «Ребята, пока не пришёл бульдозер, давайте вручную. А то что без дела!»

Слесари не выдержали: «Тебе бы всё работать и работать!»
«А вы как думали? Копейка трудовая!» — пытался отшутиться механик.

Но «орлы» не были настроены к работе так решительно, как их начальник. Они ограничились лишь короткими резюме: «Мы не дикари, чтобы корзинками таскать. Тем более это не земля, а камни. Да их к тому же много, а нас мало!» Из кружка кто-то гулко хохотнул: «А кадры нужно беречь!»

Взревев, как танк, бульдозер, по габаритам и мощности и на самом деле не уступавший среднему танку, перевалил по ту сторону насыпи и приступил к работе. Вспыхнули и искры сварки. Все отошли в сторонку и спокойно принялись за папиросы и сигареты. Наконец шов заварен, труба восстановлена. Можно включать насосы. Снова голос механика приобрёл стальные нотки: «Эй, ты, ты работаешь на водоотливе?»

Я спокойно кивнул головой.

«Включать насосы умеешь?»

Мне оставалось на этот вопрос лишь ухмыльнуться и специально промолчать.

«Я кого спрашиваю?»

«Не знаю!» — и в этот момент в мой глаз попала соринка.

Я старательно тёр глаза, а механик так же старательно засыпал меня вопросами, по-прежнему остающимися без ответов.

Ко мне подошёл главный инженер.

Усталым ровным голосом спросил: «Здесь работаешь? Пора включать. Сам сможешь?»

Тут уж я поднялся — если ко мне с добром, то и я готов вершить доброе дело — и пошёл в насосную.

Но водоотлив стал. Оказалось, что вода сброшена не только из магистрали, но и ушла из самих насосов — включать их было нельзя. Требовалась заливка водой.

Все, как быстро появились, так же быстро и исчезли. У «разбитого корыта» по-прежнему осталось нас двое – я и горный мастер, в подчинение которого входил водоотлив. А вскоре ушёл наверх и мой шеф – за «водовозкой».

Дело близилось к концу смены и я уже был готов «на-гора», то есть наверх, но вышла промашка – воды от первого рейса «водовозки» не хватило. И теперь я не мог уйти, хотя сменщица уже пришла; однако и оставаться здесь мне не хотелось.

Вода не дремала. Незаметно, но она буйствовала, накладывая на «зеркало» один за другим слои воды, всё более увеличивающиеся по площади. И таким образом на огромной территории дна, насчитывающей сотни квадратных метров, вода только за мою смену поднялась на целую треть метра. Тридцать три сантиметра!

Для меня это было ударом. Ведь до победы оставалось совсем немного – всего 37 сантиметров, от отметки «263» до заветной цели «300 см». Но тут... вода от «263» метнулась к линии «230». Борьба вступила в новый этап.

Я догадывался, что это последняя вспышка сил Водяного. Его последняя агония. Я поклялся, что победа будет всё-таки за мной, за нами. Она и будет за мной, ведь я работаю не один, а в коллективе, где каждый болеет за общее дело.

Дожди прошли, приток подземных вод спал. Всё предвещало ближайший конец «хозяина» водоотлива – Водяного.

А в мой выходной, 22 июля, выдали долгожданный аванс. Как не отметить такое событие? Потом я отправился на работу. Сошло всё хорошо: проскользнув мимо мастера, я сел в машину и отправился вниз.

Мутна была моя голова, но всё же первым делом я кинулся к журналу. Лихорадочно посмотрел его и уткнулся взглядом в показания трёх последних смен.

Да, я был прав, вода спадала! Теперь я «обладал» полным правом поспать пару часиков – на водоотлив редко кто заглядывал, а тем более сейчас была ночь; ночью начальство обыкновенно должно спать («Могу я с них взять пример?..»), – но не ложился. Часто выбегая из насосной, смотрел на рейку и с тайной радостью отмечал хоть полсантиметровое падение

воды, которое происходило, как показали мои дальнейшие наблюдения, в среднем за пятнадцать минут.

От томительного ожидания я схватился за карандаш и бумагу и начал производить расчёты. Получалось, что за час до передачи смены «зеркало» воды за мою смену упадёт на пятнадцать сантиметров (что и было на самом деле). Зная производительность насосов и скорость падения уровня воды, я прикинул возможную площадь «зеркала» воды. Цифра получилась внушительной и равнялась двадцати двум с половиной тысячам квадратных метров. Внушительное зрелище – водоём 150 на 150 метров, если его представить в виде квадрата.

Под утро насосы взвыли тяжело и натруженно. Я понял – им нужен хоть короткий отдых. Пришлось переключить эту пару на другую, более слабую. Сменщице я наказал, чтобы она переключила насосы примерно часа через два-три, когда те остынут.

Назревало что-то интересное, то, о чём я так долго и безрезультатно мечтал.

Вода стремительно падала вниз, к заветной отметке «300 см». Мерно гудели насосы, а я стоял на краю зумпфа и смотрел в воду.

Да, теперь Водяной не распростирали свои крылья на полторы сотни метров, а плескался лишь здесь, в этом глубоком зумпфе с зеленовато-серой водой и едва-едва видимым дном.

Так прошла моя вторая после выходного смена, и седьмая – с момента аврального прорыва.

4.

Двадцать пятого июля я вышел в последнюю ночную смену. Это была моя знаменитая, десятая по счёту смена.

Было уже светло, когда взрвали электродвигатели насосов. Что это? Тревога! Я кинулся в насосную, припал к двигателям, насосам. Вроде всё нормально, но что же в таком случае? Значит, решётка патрубка всаса забита камнями. Я пулей вылетел к зумпфу.

... Зумпфы представляли собой две ямы, соединенные между собой неглубоким перешейком, дальняя – более глубокая. И вот сейчас, когда вода резко спала, глубоководный зумпф оказался отрезан от другого, более мелкого, в котором и стояла измерительная рейка.

Но не на рейку смотрел я сейчас, а на светло-серое дно, по которому двигалась тёмная тень. Чья? Вот она метнулась к перешейку, но, видно, поздно – глубина воды в нём не достигала и дециметра. Чем ниже падала вода, тем серее и отчётливее становилось пятно. Теперь это было, я видел уже ясно, не пятно, а загадочная тень великана.

Чем дальше, тем сильнее ревели двигатели насосов, и тем сильнее метался великан в агонии. Скрестив руки на груди, я спокойно наблюдал за ним.

... Дрогнула вода, обдав меня тысячами брызг, и извергла из себя трёхметровый могучий торс великана.

Дрогнула тёмная громадина Водяного, вверх взлетели его руки, и хриплый, надтреснутый голос разорвал тишину: «Отключи насосы! Отключи насосы! Отключи-и-и-и-и-и!»

Я стоял в прежней позе, и, хотя на моей голове в ужасе зашевелились волосы, я всё же разомкнул губы и глухо сказал: «Сознайся, что ты побеждён. Сознайся!»

Брызги воды от ударов Водяного взлетели выше карьера (а карьер не мал, по замкнутому контуру глубина составляет около сотни метров); водяной вал, вырвавшийся из малого зумпфа, свалил меня на камни и прошёлся по мне ледяной поступью. И как потом будут удивлены на «десятке» этой, невесть откуда взявшейся, прикатившей к ним водой.

«Что цунами!» – пошутят они. Будут удивлены и все рабочие карьера, работавшие в эту смену – откуда этот кратковременный и непонятный дождь?

Минуты три я лежал неподвижно, потом встал и снова, скрестив руки, шагнул на каменный бортик зумпфа. Мокрый камень, не выдержав нагрузки, качнулся вместе со мной в воду. И в тот же миг могучие руки Водяного потянулись ко мне.

... Но нет, мне на роду не написано утонуть в воде – я мгновенно отскочил назад. «Сознайся, что побеждён!» «Выключи насосы! – прохрипела качнувшаяся фигура Водяного. – Выключи насосы! Если вода дойдёт до отметки «300 см» – я погиб! Выключи их, я прошу тебя!»

Давно взошедшее солнце уже начинало беспощадно палить, а в воздухе металось эхо: «Выключи-и-и! Я прошу тебя-я-я!»

Я кинул взгляд на Водяного, его серая тень в воде начала бледнеть и таять. А когда перевёл взгляд на рейку, то увидел, что вода ударила по отметке «300 см».

... И в заключение:

Люди не дремали! Ведь они не те, что раньше; теперь они могут всё! Они никого и ничего не боятся. Люди – сила!.. Я переключил насосы на более слабые. Теперь – надолго!

ПОДАРОК

Сказ второй

1.

Так уж получилось, что я дорабатывал на водоотливе последние дни. Это обрадовал меня всё тот же горный мастер, сказав, что в конце июля я снова смогу перейти на экскаватор помощником машиниста.

«Ну, а точнее? Когда это будет?» – поинтересовался я, зная и предвкушая ответ своего шефа.

Тот мялся, что-то объяснял; в дополнение я его часто перебивал и поддразнивал.

Наконец ему надоели столь длительные дебаты, и он решительно отрубил: «Уйдёшь, когда замена будет. Ясно? Скоро ли, спрашиваешь? Ну, подождёшь недельку, не больше! Ждал ведь...»

Ждать-то ждал, и хорошо, что моему ожиданию приходит конец. Надоело! Говорят, какой-то учёный подсчитал, что человек на ожидание – неважно, куда и на что идёт оно – затрачивает более одной трети своей жизни. Всё верно. На водоот-

ливе – «важном и стратегическом» пункте карьера - я просидел почти месяц, или другими словами – треть производственной практики. Чувствуете? Да нет, не то, что совпадают цифровые показатели у меня и того гения, а другое – мне надоел мерный и монотонный, разрывающий мозг и скрежещущий в душе звук тяжело работающих насосов и та вибрация, которая непрерывно сотрясает хибару хозяина водоотлива. И пусть теперь другой занимает этот номер – вакансия имеется!

Появились дублёры-стажёры. И даже не один, как я того ожидал, а два. Одна – женщина лет под тридцать, вторая – ...О, эта заслуживала внимания, ибо была молода и привлекательна. Однако мои ухаживания были тщетными, пришлось отступить. Но мысль, что скоро меня здесь не будет, успокаивала самолюбие. Скоро я буду на своём родном дребезжащем экскаваторе, который мне ближе и более понятен, чем эти центробежные насосы. А если вспомнить мой старт в области водоотлива, то жуткое состояние охватывает всё тело, и страх своей когтистой лапой залезает в душу.

... В ту смену я уже за полчаса до её начала спускался в карьер: торопился на свою вторую смену водоотливной службы. То, что существует специальная машина для доставки людей на рабочие места, я как-то упустил из вида. Да ещё в голове крутились те упрёки, которыми осыпала меня вчера моя предшественница. Конечно, я мог бы оправдаться, сказав, что меня задержал мастер. Но я смолчал, и вот сейчас тороплюсь вниз.

Весело насвистывая, я широко шагал по дороге, то и дело залезая на боковой гребень, чтобы уступить проезжую часть её владельцам – мощным «БелАЗам», возвращающимся из карьера в гараж на пересмену. С этими стальными громадинами спорить бесполезно, да и весовые категории у нас различные. Хотите пример? На одном из криворожских карьеров, где пыль висит столбом, застилая солнце, рабочий попытался перебежать дорогу. Он был смят, вбит в дорогу, и всю ночь его утюжили автосамосвалы. Лавина за лавиной колёса расплющивали тело несчастного, и к утру от него осталась лишь одна тень. Поняли? Так вот, примите к сведению, что

Здесь вам не равнина, здесь климат иной,
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревёт камнепад.
И можно свернуть, обрыв обогнуть,
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.
И можно свернуть, обрыв обогнуть,
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Вот эти две последние строчки меня и подвели... Заступать я должен был в первую смену в 24-00 (работать то есть с 0 часов. А, какая игра цифр?). Карьер был освещён скупо – впрочем, как и полагалось по нормам технического освещения, но я всё-таки решил срезать путь. Не идти по съездам, а прямо по уступу и вниз – и выигрыш в расстоянии и времени мне обеспечен. Внизу, у бровки уступа, темнота, но я отважно шагнул вниз. Мы же выбираем опасный путь! И... Темнота, уступ высотой 15 метров, угол откоса до 70–80 градусов, валуны и негабариты, бешеная скорость на спуске...

Я лежал внизу и не мог встать. О, чудо, ты, оказывается, есть ещё на свете! Не будь тебя, то в итоге – переломы костей и пролом черепа. Когда наконец я ощупал себя полностью и пришёл к выводу, что всё в порядке, то предпринял попытку занять вертикальное положение. Колено дико завьело, и я содрогнулся от боли.

Колено со временем зажило, однако синеватая широкая отметка осталась. А тогда мне пришлось ползать и «собирать» по всему откосу свои кости (Шутка. Студенты – народ веселый и неунывающий). Собрал, собрался и пошёл дальше, оставив за собой клок мяса на колене, клочья материи с брюк и багровые ручейки крови. И в такт моим шагам в сапоге хлопала всё та же кровь, медленно стекающая по ноге из рваной раны.

Тогда я успел вовремя. Но что-то не хочется мне повторять этот опасный путь, и теперь я хожу по съездам. Выигрыша здесь в расстоянии не наблюдается, зато безопасно, да и время на будущую жизнь приберегаешь. Вот так!

... Мне оставалось работать на водоотливе последние три вечерних смены.

Незаметно пролетела первая смена. Закатилось солнце, и темнота спустилась в карьер. На борту вспыхнули прожектора, и голубоватая дымка расплылась по всей огромной яме. Близился конец работы. Я взглянул на часы – в запасе ещё оставалось полчаса, – не спеша переключил насосы и двинулся по съезду вверх, туда, где сходились пути на десятый и двенадцатый экскаваторы. И всё же оказалось, что пришёл я рановато. Не оставалось ничего другого, как присесть на валун и ждать.

Немногим более полуночи. Карьер понемногу затихал, пустел, останавливались экскаваторы, тускнели их бортовые огни – впереди новая смена, которой предстоит работать до восьми часов утра.

Над головой горели звёзды, на борту карьера что-то гулко ухало. Изредка сыпанёт с уступов лавина камней – и снова тихо. Вдруг мой слух уловил какой-то шум, но это были не падающие камни и мелкие оползни – это было другое. Снова шорох, ещё. Но мне лень подниматься с камня. Для чего? Может, это идут с экскаватора, может что иное.

И вдруг невидимый удар чьего-то тяжёлого и пристального взгляда заставил меня вздрогнуть. Медленно, подчиняясь могучей силе, я начал поворачиваться. И холодок страха пробежал по всему телу.

Над валуном, лежавшим с левой стороны, возвышался столб со змеиной головой наверху.

Это был ММ-Полоз, король и хозяин медно-молибденовых руд карьера. Его длинное и мощное тело извивалось между камнями и пропадало в тени уступа; гордая голова высоко взметнулась надо мной и на меня смотрели красноватые, немигающие и страшные в своей необычности глаза. Всё тело Полоза, серо-стального цвета, проблескивало тускло-золотистым оттенком, излучающим неяркий, но странный, с неповторимыми переливами свет. И эта окраска тела, и оттенок, казалось, олицетворяли богатства Полоза, которые заключались в молибденовых и халькопиритовых рудах. Его рудах!

Да, это был Полоз, король и хозяин руд, что подтвердил его громовой и глуховатый голос: «Узнал меня? Я – ММ-Полоз. Не бойся, нас с тобой никто не слышит, хотя эхо моё отдаётся на много километров – людям не дано слышать голос недр!»

И могучее эхо ударило в скалы карьера: «Я – ММ-Полоз! Полоз! ...олоз! з-з-з!»

«Они слышат только его эхо. Эхо недр!» И снова эхо ударило по каменным массивам: «Эхо недр! Недр!.. р-р-р!»

Громовые раскаты, затихая, таяли в ночном небе, а я всё еще не мог прийти в себя. Нет, я не удивился, что голос Полоза не слышен людям – примерно с тем же я встретился много раньше, – было непонятно другое – почему он здесь?

Огнём сверкнули глаза Полоза: «Почему я здесь? Не удивляйся, что я читаю твои мысли; это гораздо легче, чем ты думаешь. Ты нужен мне, поэтому я здесь! Я помогу тебе!»

«В чём?» – наконец прошептал я.

«Я помогу найти тебе твой путь!»

«Но я сам его найду!»

«Ищи! Для этого вы и живёте. Но вы знаете слишком мало, во много раз меньше меня!»

«Нет! – вскрикнул я. – Мы знаем много, и мы покорим природу! Так будет!»

«Что вы знаете? Собираетесь покорить природу? И недра тоже?»

«Да! Когда-нибудь доберёмся вплотную и до них!»

«Когда же?»

Полоз вздыбился надо мной.

2.

И страшен был в этот миг Полоз, хозяин руды. Такое впечатление, будто над тобою нависла голова древнего дракона; казалось, ещё миг – и к тебе должны потянуться ещё несколько голов. Ведь в конце концов не бывает одноголовых драконов. Совсем как в сказке!

Но это не было сказкой, это была явь, сама действительность, в доказательство чего надо мной висели красноватые

глаза. Они были человеческие и в них, казалось, застыли те же человеческие чувства, что и у нас, людей!

«Он несчастен?» — подумал я.

Он снова отгадал, будто прочитал книгу, мои мысли и рассмеялся. В отличие от голоса, его смех был звонкий и на редкость чистый.

«Несчастен ли я, спрашиваешь?»

«Разве я спрашивал?» — я встал с камня и хотел подойти поближе.

Видно, он угадал мои намерения и глуховато повторил: «Не подходи — обожжёшься! Потом каяться будешь».

Помолчав, продолжил: «Ты верно считаешь, что я несчастен. Но с одной лишь разницей — не я несчастен, а вы. И больно мне за вас!»

Я вскинулся: «За нас? Чем же мы заслужили такое?»

«Своим отношением к богатствам природы. Халатное оно у вас слишком. Доказательств, надеюсь, не надо? Помню, в старину платину выбрасывали как ненужный элемент добычи».

Я был удивлён произношением последнего слова — как истинный горняк, ударение делает на первом слоге. А то некоторые люди своим произношением портят это прекрасное слово.

«Или выбрасываете в отвал бедные руды. А потом, обливаясь потом, вы перелопачиваете спецотвалы и берёте эти руды опять. Или ещё бестолковее — отправляете пустую породу на фабрику, а руду — в отвал? Это ли не возмутительное попустительство?! Согласись, что так бывает».

Я покраснел и в эту минуту был даже рад, что сейчас ночь. Но я опять не оценил способности Полоза.

Он усмехнулся: «Краснеешь? Думаешь, я не знаю, как вы с машинистом как-то раз так и сделали. И всё из-за того, что лень было взглянуть на указательную картонку. А водителю что? Что у вас написано, туда он и везёт».

Я не мог ничего возразить, лишь с присвистом вздохнул. «А что будет дальше? Лет через сто, двести, когда вы изроете всю земную кору?»

Теперь уже усмехнулся я: «Что же ты предлагаешь? Если изроем матушку-Землю, то полезем к ней за пазуху, в глубину. Освоим космос. Будем добывать из воды».

«Всё это не так легко».

«Не спорю, но наши потомки будут так и делать».

«Но не забывай, что одной из задач для вас есть именно забота о будущем, забота о потомках. На сколько бы вы отодвинули «каменный голод», если бы использовали полезные ископаемые в нужном направлении, для полезной цели, с лучшей его обработкой. А то уголь горит вместо того, чтобы служить в химии и металлургии; золото и редкие металлы – из-за плохих уловителей и такого же плохого обогащения тоннами вылетают в воздух! Так что?»

«Сдаюсь, – подавленным голосом возвестил я. – Но откуда у вас такие факты?»

«Я не один на этом свете, у меня есть братья по оружию!»

Мы помолчали, потом он снова ринулся в наступление: «А какова ваша разведка? Это же просто грубая работа, тонкая ниточка, которая часто рвётся, и причём во многих местах. У вас всё просто, по принципу: ага, здесь руда. Копнули – есть! И вдруг, вильнув в сторону, исчезла. Куда? И вы хватаетесь за голову».

«Но мы ещё молоды и учимся не делать ошибок», – попытался защититься я.

Но тут же был опрокинут на лопатки: «Молоды лишь отчасти. Этот карьер разрабатывается столько же лет, сколько и тебе. Не так уж много, но и не так мало, и за прошедшее время богатства месторождения можно было бы определить лучше и поточнее!»

Он много знал, этот старый, умудрённый в горном деле Полоз. И я удивлялся: «Откуда у него это? Он – что человек по характеру, но всё равно недостижим в своей высоте!»

И не знаю, почему у меня вдруг вырвался вопрос: «Полоз, сколько ж тебе лет?»

Его красноватые глаза вспыхнули, и мне показалось, что по его змеиному «лицу» казавшемуся сейчас отнюдь не противным, пробежала улыбка.

«О, мне много лет! Немногим менее, чем горному делу».

Я был озадачен таким ответом, подумав, что если горное дело появилось на Земле почти сразу же с появлением челове-

ка, то выходит, что Полозу уже несколько тысяч лет. И заинтересовался ещё больше.

Пришлось задать наводящий вопрос: «Когда же ты родился, Полоз, и от кого?»

Он понял меня и моё любопытство.

«Стар я уже, мне перевалило за два с половиной века. Много ли это? А именно столько, сколько лет назад люди возвратили меня из небытия. И рождён был я именно ими, их легендами о таинствах горного дела и их мыслями о богатствах нашей Земли. Богат Урал, но богата и Сибирь! Необъятны её кладовые и не счесть здесь угля, руд, золота. И даже алмазов! Но всё это надёжно укрыто непроходимыми завалами, глухой тайгой, болотами, дикой красотой гор. Человек, однако, пришёл и сюда. Пройдя все преграды и невзгоды, он добрался до угля, руды и золота. Взял и алмазы. И я преклоняюсь перед ним, перед тем, кем я был рождён два с половиной века назад!»

«Полоз! А где ты живёшь?» — я заглянул в его глаза.

И тут же отвёл, ибо не под силу мне, простому смертному, выдержать пристальный и тяжёлый взгляд Полоза.

«Между небом и землёй! — раздалось в ответ. — Это — шутка, но в ней есть смысл. Я живу в умах тех, кто помог мне обрести место на земле. И буду жить ещё долго. До тех пор, пока не перероют все горы и их недра. Тогда мне уже не будет работы, и я растаю от тоски. Но и потом я всё равно останусь в легендах и предстану в них сказанием древних лет. И... пережитком прошлого, потому что год от года люди становятся рациональнее и более привередливыми».

Полоз высоко вздыбился, и его гордая змеиная голова торжественно застыла надо мной.

Я напряжённо следил за ним: «Что же будет дальше?»

А дальше случилось неожиданное, впрочем, о чём я и догадывался. Потому что так и должно было случиться!

«Ты знаешь, на чём ты сидишь?» — вопрос громом обрушился на меня.

Но внутренний голос чётко подсказал мне ответ: «На руде». «Верно. Но ты не догадываешься, на какой руде».

«Самой обыкновенной. Какая она ещё может быть?»

«Обыкновенная? Может быть. Однако если войти в камень этого уступа, то можно увидеть несколько мощных и богатых жил руды. О ней не знают геологи и маркшейдеры и считают это место пустым. Его взорвут и вывезут в отвал, не подозревая, что тем самым они обделяют себя десятками и сотнями тонн руды. И виновата в этом будет разведка, которая не учла слишком сложную тектонику данного участка. Ты понял?»

Да, я понимал. Сотни тонн руды, а в итоге десятки тонн металла и килограммы редких металлов рухнут в отвал и будут завалены. Погребены надолго, если не навсегда. Но куда тогда смотрела разведка?

«Нет, я не пойду к ним. Может, они знают?»

«Нет!»

«Может, считают эти руды некондиционными?»

«Они богаты».

«А может, к ним труден доступ?»

«Они почти выходят на поверхность!»

Все мои доводы разбивались о каменную стену точных и конкретных ответов Полоза. Будто вбивая гвозди, он чеканил: «Ты сходишь и скажешь. Ты должен, обязан так сделать. Но только не говори, что видел меня. Пусть я по-прежнему останусь легендой». Я подумал про себя, что я ещё не сошёл с ума, чтобы говорить кому-нибудь об этой встрече – не поверят.

Вдали заурчал мотор пассажирской машины: ехали на смену нам. Вот блеснули фары, провалились в темноту и с новой силой вспыхнули уже на повороте.

Дрогнул Полоз, и резкий свист потряс воздух. И земля, моя родная земля, которую я, казалось, так хорошо знал и доверял ей, сбила меня с ног.

Когда я встал, то лишь золотисто-серый туман висел над тем местом, где был только что ММ-Полоз. И страшной жарой отдавало с тех камней, где покоилось его тело.

Вот таким он и остался у меня в памяти: гордый и могучий, восхищающийся нами – людьми!

3.

Но я не знал, каким образом довести до геологов ту тайну, которой одарил меня Полоз. Не знал, кому и что говорить. Да и времени у меня не было. Сами посудите: пришёл с работы в час ночи, проспал до одиннадцати утра; пока приводил себя в порядок, ходил в столовую, немного отдохнул – тут и время подошло ехать на работу. Конечно, я мог сходить к геологам и во время пересменки, раз не мог приехать к ним пораньше, но что-то мне помешало.

И я отправился на машине в карьер, совсем забыв наказ Полоза. Всё как обычно – принял смену, переключил насосы, – лишь в голове стучало: «Осталось мне на водоотливе работать всего две смены. Включая эту». Хорошо? Очень. И ещё раз повторяю: «Пусть теперь другой занимает этот номер – вакансия имеется!»

Прошёл час, второй... Всё такая же скука одолевала меня, как и раньше. Ох, как я теперь ненавижу водоотлив! Всю смену один и один, никто не заглянет в гости; правда, иногда заедет начальство, да какой с него спрос? Сами знаете, для чего оно существует, получается наоборот – спрос-то с меня, а не с них (с них – особый). А сколько я за это время перечитал книг и журналов (так сказать, повысил уровень своего развития) благодаря специфичности работы на водоотливе. Одним словом – работа «не бей лежачего». Ведь именно в лежачем положении большую часть рабочего времени ты проводишь на водоотливе: рабочее место в насосной называется топчаном, на котором-то я и валяюсь в данное время.

За анализом таких мыслей я потерял ещё три часа.

«Ну-с, – озарила меня гениальная мысль, – пора бы перекурить!»

Я нехотя отодрался от жёстких досок топчана, сел.

«Ты сходишь и скажешь это! Ты должен, обязан так сделать».

Я содрогнулся.

«Ты должен, обязан!»

Я похолодел и начал лихорадочно озираться, однако в насосной кроме меня никого не было. Кто же это? Может, в ну-

тренний голос? Ну-ка? Я прислушался к невидимым ритмам моей души. Ага, меня не обманешь – так и есть! Внутри меня что-то заурчало, зашевелилось. Это он!

Правда, урчание весьма смахивало на революционное движение в животе, который, видно, был недоволен своей пустотой. Но ничего, голубчик, ничего, потерпишь. Я терплю, а ты, господин живот, чем лучше?

Я успокоился, но в тот же момент вновь и ещё более явно раздалось в насосной: «Ты сходишь и скажешь!»

Это уже слишком.

«Нет!» – заорал я в ожесточении.

И мы крепко схватились. Теперь я понимал, что это не тренный голос, а голос Недр, глас Полоза. А с ним не шути!

И снова я упал на топчан, свернулся в клубок и заткнул уши пальцами. Не помогло: низкий, всепроникающий голос Полоза достиг меня.

И снова, как удар по нервам: «Должен!»

Что должен и кому должен – это я знал из предыдущей беседы с Полозом, но вот именно то, что я всё-таки должен сходить к геологам – это я понял только в ту минуту.

Многократным эхом отозвался приказ Полоза в моих ушах. И уже не было места от него спрятаться. Я с трудом встал и шатающейся походкой пошёл к выходу. Толкнул дверь, в изнеможении сел на камни прямо тут же, рядом с насосной.

Казалось, насосы замолкли навеки – лишь где-то далеко-далеко слышался их умирающий шум. И была бы тогда кругом тишина, если бы не эти всё усиливающиеся отзвуки того слова-приказа Полоза.

Долго я сидел так, с поникшей головой и закрытыми глазами. Правда, уже не пытался зажимать уши – было бесполезно. И лишь к концу смены я начал приходить в себя.

Всё-таки Петрович, сменивший меня, удивился: «Э-э-э, парень, ты что-то плохо выглядишь. Может, что случилось? Помогу советом или делом».

Я лишь отмахнулся.

Но старик не отставал: «Что-то сегодня неважно с тобой. Вот и физиономия бледная».

И вдруг приказал: «А ну выкладывай, чего затаился!»

Я взбеленился: «Не выложу! А если выкладывать, так это не тебе надо, а геологам. Ты всё равно ничего не поймёшь!»

Приветливое и нарочито сердитое лицо старика сразу сникло, стало серым и скучным.

Отвернувшись, он пробормотал: «Ну, как знаешь... Я хотел как лучше».

И я понял, что могу навеки потерять доверие Петровича. Хотя, впрочем, зачем оно мне, если через месяц-полтора я уезжаю домой. Но именно с такой философией жизни и нельзя мириться – ведь и после тебя остаются люди, и им не всё равно, какое ты о себе оставишь здесь мнение.

Я потянул старика за спецовку. «Не сердись, я объясню. Видишь ли, я и сам не вполне понимаю. Ну, в общем...»

И тут я окончательно запутался. А в стороне уже сигналила машина, что пора ехать наверх... В проблесках света фар отъезжающей машины я успел различить недоумённое лицо Петровича. Затем он пропал во тьме. Каким, интересно, я для него сейчас выгляжу?

А «он» всё преследовал меня – мылся ли я в душе, ехал ли в автобусе, шёл ли я с остановки.

Наконец я привычно зашёл в общежитие, взошёл на свой этаж и толкнул дверь. В комнате все спали. Не было лишь одного, который ушёл в ночную смену.

Выкурена перед сном папироса, погашен свет, приятная усталость смыкает глаза. Но и ночью меня не оставили в покое – сон напоминал, что на водоотливе мне осталось работать всего лишь одну смену; и почему-то именно не позднее этого срока я должен сообщить геологам об их ошибке на «том» горизонте...

... Может ли человек поднять тонну? Трудно сказать. А две? Вот тут-то двух ответов быть не может – нет, конечно нет. Такой физической нагрузки человек выдержать не может. Ну а если десять, двадцать... сто тонн? Геологи глядели на меня с удивлением и странным любопытством: «Доказать ты можешь, что в этом многотысячтонном массиве есть руда? Смори, брат, – это слишком тяжело. Мы, люди, которые в геологии собаку съели, потратим много времени на доразведку

этого массива – и тем более, как ты сможешь доказать свою правоту? Да ещё сейчас! Ха! Смотрите, он не доверяет геологическим картам! Молод ты ещё в этом деле, зелен. Ну, чёрт с тобой, предположим, что здесь есть руда. А оправдает ли она затраты на дополнительную геологоразведку? Не проще ли выполнять план, не вдаваясь в такие подробности? И учти, что это не единственные «а». К примеру... Мы ещё не убедили тебя? Надоел ты нам; тогда доказывай свою правоту!»

Я расхохотался дьявольским смехом и, как игрушки, начал расшвыривать метровые и двухметровые негабариты (камни, по размерам не проходящие в дробилку). Рты геологов открылись от удивления. Я метнул на них свирепый взгляд, и рты захлопнулись от страха.

«Не верите?!» – загремело и заметалось моё эхо.

Сначала в карьере, затем в сопках.

«Не верите?»

Я ударил ребром ладони по массиву, и он как по волшебному мановению раскололся. Схватив многотонную скалу, я легко выбросил её из карьера. Затем полетела туда же вторая, третья.

«Теперь видите? – пнул я ногой в разлом. – Что поведали ваши скважины? Да они же мимо прошли – и разведочные, и сухие буровые. Лишь краешек захватили!»

Я схватил глыбу и потряс ею над головой: «А руда-то вот она! Богатая, хоть и жильная. Много её, много!!!»

И многотонный камень, заблестев серо-свинцовым металлическим блеском, заплясал в моих руках...

Я дёрнулся в последний раз – сами посудите, ведь не так легко держать в руках здоровенные бульжники (даже во сне) – и проснулся.

Что за чертовщина снится?

Нашарил на столике пачку «Беломорканала» и с удовольствием закурил. С первой затяжкой пришла мысль: «Что же мне надо было сегодня сделать?»

Ответ не заставил себя долго ждать – сходить к геологам.

За окном раздался гром, и ветер ударил в стёкла; и сразу же передо мной возникли как будто висящие в пространстве красноватые немигающие глаза. Видение длилось секунды

две и затем неожиданно, впрочем, так же как и появилось, исчезло.

А из грома родилось слово: «Помни!»

В комнату вбежал мой напарник по практике.

«Вот это да! — воскликнул он, заметив, что я уже проснулся. — Иду сейчас из столовой, вдруг как грохнуло. Видно, дождь большой будет. Но что-то сомнение берёт — облаков мало, солнце светит. В общем, чёрт поймёт эту небесную канцелярию! А ты что, не пойдёшь в столовую?»

Я с удивлением воззрился на него: «Как это не пойдёшь? Что я, по-твоему, голодный должен ходить?»

«Тогда что резину тянешь? Смотри, вот нагрянут сейчас стройотрядчики и создадут в столовой перебой. Вот тогда попрыгаешь!»

«Всем хватит! — буркнул я. — Всё равно всё не съедят».

И стал не спеша одеваться. Но мой товарищ оказался прав — не знаю, что уж случилось с горе-строителями-студентами, но их в этот день на обед пришло слишком много. И вот таким образом я снова не успел к геологам.

4.

Последняя смена на водоотливе! Долго однако же я ждал этого события, почти целый месяц.

Я привычно натянул свою робу, надел сапоги и, громыхая, вышел из быткомбината. У крыльца стояла машина, которая должна была отвезти смену наверх, в «раскомандировку». А вокруг неё толпились готовые к работе буровики, экскаваторщики, подсобники. Кое-кто курил, другие говорили или молчали. В общем — самая нормальная обстановка перед сменой.

Я стоял и смотрел на своих экскаваторщиков, которые над кем-то беззлобно подшучивали. В центре, конечно, Макарыч, машинист с «десятого» экскаватора. На его лице гуляет лукавое выражение, в глазах хитринка.

Вообще-то мой график редко совпадает с работой моей бывшей смены. Сами посудите: на водоотливе выходной через три смены, у экскаваторщиков — через пять. Так что сегодняшнее совпадение для меня удача.

В кругу рядом с Макарычем стоит его помощник, которого зовут Славка. Это невысокий паренёк, лет девятнадцати, белобрыс. Славка играет в футбол. Вот здесь-то его счастье с одновременным несчастьем. Счастье – в том, что он играет за сборную города; карьер оплачивает ему «пропущенные» смены. Ну, а несчастье происходит сейчас...

«Славка, а Славка!» – невинно вопрошает Макарыч.

Помощник его наготове – сегодня он после трёхдневного перерыва вновь вышел на работу: «Ну, чего надо?»

«Как успехи-то? Опять выиграла?» – последнее звучит с издёвкой.

«А тебе-то что?» – огрызается Славка.

«Ну как что? Не видишь, что ли, – болею за вас. Да впрочем, я вижу, бесполезно – толку-то от этого? Нет, Славка, ты честно сознайся – заодно и мне напомним, – когда вы выигрывали последний раз?»

«Слушай! – не вытерпел наконец футболист. – Что пристал? Сам-то лучше играешь?»

Макарыч хмыкнул: «Причём здесь я? Я ведь не играю, меня поэтому и не взяли. Ну а ты-то почему попал в команду, а?»

«Значит за дело!»

«Это за какое же? – усмешка осветила лицо машиниста. – С такой игрой, как твоя, я бы тоже мог играть. Ты хоть пять раз за всю игру пнул мяч? Больше?! Н-да, прогресс для твоих ног, Славка. Впрочем, твои разы со стороны не очень смотрелись. Точнее говоря, ты больше мешал мячу, чем давал ему скакать по полю. А, забыл, был у тебя один хороший удар».

«Вот видишь!» – лицо футболиста угрюмо засветилось.

«Это, знаешь, когда ты бил по пустым воротам метров с семи! – Макарыч захохотал. – И как обыкновенно смазал».

Тут уж не выдержали все, и дружный многоголосый хохот заставил Славку покраснеть. Но вы плохо знаете Макарыча, если думаете, что он отказался от дальнейших попыток допечь своего помощника.

«Ну ладно, Славка, чёрт с тобой! Играл бы ты хорошо, я бы ничего не сказал. Но когда посмотришь, как вы играете, да в довершение всего взглянешь на табло, то тошно станет!»

Славка молчал («Скажи этому плуту что-либо поперёк, так он вообще не остановится или замучает тебя за смену»).

А «изверг», с любопытством взглянув на свою жертву, – не довёл еще?! – продолжал: «Так вот, придёшь после вашего футбола на смену и с тоской думаешь: «Неужто сегодня опять буду один? Опять, что ли, этому никудышному футболисту пойдёт дармовая смена? Да к чему сдался мне этот кабель? Я что, должен машины грузить или его таскать?»»

Так могло продолжаться без конца. Но видно Славка всё-таки родился под счастливой звездой, так как шофёр подавал знак к отъезду – все бросились к машине.

«А ты что, не едешь? – Крикнули мне из темноты брезентового кузова. – А, водоотлив?»

«Скажите, пешком иду!»

Раздалось чьё-то недовольное ворчание: «Сдурел, что ли, парень? И охота ему пешком ходить».

Из отходящей машины донеслось – выступили в мою защиту: «Дурак! Может, он решил так отметить свою последнюю смену на водоотливе. Ведь после выходного он пойдёт вместе с нами».

«Сам ты дурак, – раздался в ответ густой насмешливый бас. – Такое событие надо отмечать не ходьбой, а в гастрономе!»

Из удаляющейся машины раздался смех.

Я улыбнулся: «Это, конечно, опять неисправимый Макарыч».

Смена на удивление прошла быстро и незаметно. Вылетев около двенадцати часов ночи из карьера на машине, мы прыгнули с неё и забежали к мастеру – «отметиться».

Я с удовольствием потянулся – конец ещё одному рабочему дню. Теперь вниз, в душ, а там – до «хаты». И спать. Долго спать, ведь завтра у меня выходной.

Вниз – это сказано не случайно. Как вы помните, карьер расположен среди сопки; вот и «раскомандировка» (другими словами – управление карьера) расположена на одной из сопки на борту карьера. А быткомбинат, управление комбината (в комбинат входят карьер и обогатительная фабрика) располагаются внизу, у подошвы. Рабочих на смену снизу возит

машина; горные мастера, которые вынуждены приходить на работу раньше своих подчиненных, предпочитают ходить наверх пешком – по лестницам. С работы обыкновенно все ходят пешком, так быстрей.

Уже темно. Попробуй свернуть в сторону из бледных световых эллипсов – и чёрт знает, куда попадёшь! Может, в кучу железа или в камни, или ещё хуже – в воздух, то есть с кручи, а что это значит – вы уже знаете.

Я прошёл по дороге и спустился к лестницам. За месяц я уже привык к ним; хоть и странно, но когда слышишь громыхание своих сапог по стёртым и много повидавшим доскам – на душе становится легко и спокойно. И вдруг мой взгляд выхватывает в сумерках чёрное пятно. Что это? Мы сближались. Он, оказывается, тоже двигался. Казалось, темнота стала гуще, угрюмее. Да и рядом никого не было, сзади – тоже. Значит, один на один. «Он» двигался рядом с лестницей, навстречу мне. А я, как будто притягиваемый магнитом, всё шёл вперёд, навстречу чёрному загадочному пятну. Странный интерес охватил меня.

«А если он встанет?» – подумал я.

Он встал. Невидимый толчок, и я покатился по лестницам. В темноту ночи вплелись пёстрые звёздочки, засветившиеся в моих глазах. Из пятна, будто откуда-то изнутри, выплыли два жёлтых пятна и уставились на меня.

И голос: «Помни! Завтра последний срок!»

Я машинально кивнул, занятый лишь мыслью – не разбил ли я о ступеньки. А когда поднял голову, поняв смысл услышанного, ничего уже не было.

Может, показалось? Как бы не так! Сзади раздался хохот, вернувший меня к действительности.

А те двое умирали со смеху: «Гляди, как очаровательно упал! О-хо-хо! Ай, не могу! Слышал, как его кости загремели? Вот это стукоток!»

Я лишь улыбнулся, услышав заливающегося Славку, который шёл сзади меня со своим машинистом. Правда, было что-то подозрительно – Макарыч молчал. Видно, поменялись ролями.

На следующий день, хочешь – не хочешь, я пошёл к геологам. Вы помните, ведь у меня выходной.

Старший геолог выслушал меня внимательно, задумчиво кивнул головой.

«Да-да, спасибо за помощь. Но откуда ты знаешь, что там есть руда? Мы, например, догадываемся об этом, но у нас нет доказательств. Ну, а вы...» – и геолог выжидающе посмотрел на меня.

Холод, казалось, сковал мои руки, но, подчиняясь неведомой силе, они двинулись к карману и вытащили оттуда образцы руды, а из следующего кармана на стол легла бумажка с небрежно набросанными геологическими разрезами «знаменитого» горизонта.

Геолог, впрочем, как и я (!), удивлённо уставился на стол. В глазах его, поднятых на меня, блеснуло недоумение...

... Прошла неделя, вторая. Ещё одна. Химическое исследование «моей» руды показало её перспективность. Первое сухое бурение (при продувке скважин применяется сжатый воздух, без воды) доказало ориентировочную правильность разрезов. То есть руда была! И теперь она не пойдёт в отвал или в спецсклад...

Как рискнул на такой шаг геолог – я не знаю. Ведь ничего толкового и внятного я ему объяснить и не смог. Но он поверил, проверил. И доказательства стали наяву...

«Где же ты взял это?» – спросил меня тогда старший геолог.

Ответить я не смог, мне нечего было ответить – я и сам не знал. Но я твёрдо знал другое, что в карманах у меня ничего не было. Не было тогда, когда я шагнул в этот кабинет. Правда, я оставлял свой пиджак на несколько минут в коридоре. Минут на пять-десять. Так что же? Или...

Ошарашенный, я встал и медленно направился к двери. Конечно, как же я мог забыть – перед тем, как побывать у геолога, я ходил в буфет, а пиджак в это время, забытый, лежал на стуле в коридоре. Когда я вернулся, он по-прежнему висел на спинке стула. Стоп! Как это висел, если его я оставлял просто перекинутым на стуле? Да-да, перекинутым.

«Куда ты?» – остановил меня геолог.

«Я, я вернусь!» – заикаясь, ответил я и выбежал в коридор.

... После тех событий – «вскрытия» руды – геолог искал меня, ведь я к нему после нашего первого разговора так и не зашёл. Но, видно, занятые своими делами, мы так и не нашли друг друга.

... Я выбежал в коридор и ринулся к стулу. Где он? Около стула стоял знакомый машинист и курил папиросу.

Задыхаясь, я резко спросил у него: «Давно здесь?»

«Давненько», – раздалось в ответ.

«Сколько? Как давно?»

«Я не засекал!» – спокойно парировал машинист.

«Ты рылся в моём пиджаке?» – мой пристальный взгляд вцепился в его лицо.

И видно, это мне помогло: папироса в зубах моего собеседника дрогнула, он глухо бросил: «Правильно, это папироса твоя. Но я не рылся у тебя в пиджаке, не имею такой привычки».

«Но я тебе не давал ее!»

Он тупо уставился на меня и, видно, подумав, что я спрашиваю, а не утверждаю, выдал из себя: «Не давал. А что, тебе жалко?»

Я внезапно успокоился: «Кто же тебе разрешил? – разгадка была близка, где-то рядом. – Так кто же?»

«Твой друг!»

«Какой друг? – я открыл рот. – У меня не было здесь никакого друга».

«Ну-ну, заливай, – понимающе улыбнулся машинист. – Когда я подошёл, он вешал твой – если это твой – пиджак на стул. Я спросил у него закурить. Он ответил, что не курит, а потом, будто спохватившись, обрадовал меня – мол, у моего друга в пиджаке должен быть «Беломор». Ну и угостил. Я закурил, а он вышел на улицу, предупредив, что если ты спросишь его, то ищи на лавке в скверике. Ну там, знаешь...»

Я перебил его рассказ: «Что он из себя представляет?»

«А ты разве не знаешь?»

«Говори! Да побыстрей, время не терпит!»

По описанию моего знакомого он был коренастым, среднего роста, в сером костюме. Однако эти описания мне ничего не прояснили, оставались одни смутные догадки.

Я стремительно выбежал на улицу. В сквере никого не было...

* * *

С тех пор прошло больше месяца. Властной поступью в этот край вступала осень, принося с собой ещё более дождливую и прохладную погоду. В сентябрьском небе печально и красиво закурлыкали журавли.

Я долго провожал взглядом журавлиный клин. Ну что ж, пора и мне домой! Практика, продолжавшаяся для меня почти три месяца, закончилась, и теперь я стоял на остановке, дожидаясь автобуса, который увезёт меня на станцию. А оттуда поезд умчит меня за две тысячи километров, на родину!

До прихода автобуса оставалось ещё минут десять. Народу на остановке было немного – мало кому надо ехать на станцию посреди недели.

Вдруг невидимый удар чьего-то тяжёлого и пристального взгляда заставил меня дрогнуть. Стоп! Меня не проведёшь, мне это явление уже знакомо, но медленно, подчиняясь непонятной могучей силе, я начал поворачиваться.

Пристально, своими красновато-немигающими глазами на меня смотрел парень. Был он коренаст, среднего роста; на могучей шее гордо посажена голова. Ветер трепал его волосы соломенного цвета, которые вспыхивали на солнце почему-то золотистым оттенком. Серо-стальной костюм плотно облегал широкоплечую фигуру незнакомца.

«Где же я его видел?» — тупо вспоминал я, уткнувшись взглядом в асфальт.

Вдруг меня потянули за рукав.

«А?»

Мальчишка протягивал мне камешек.

«Что это?»

«Это тебе велел передать тот дядя!» — и паренёк кивнул головой в сторону.

«Кто?» — я повернулся.

«А его уже нет!» — растерянно услышал в ответ.

На остановке были все, кроме того парня с тяжёлым взглядом. Я разжал руку — серо-стальным блеском на солнце заиграл молибденит. Ведь этот камешек был рудой!

Бесшумно к остановке подкатил автобус.

Где бы я теперь ни был, повсюду я не расстаюсь с тем кусочком молибденита. Ведь его мне подарил Полоз. Разве нет? Попробуйте доказать мне обратное — у вас ничего не получится.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Галиченко. Количество качества 3

ПОЭТИЧЕСКИЙ МАРАФОН РОСА

Афанасий Фет. Поэтам	10
Николай Гумилёв. Слово	11
Максим Горький. Не браните вы музу мою	12
Марина Голосова. Медленно выдохни и досчитай до сна	13
Валентина Казанова. Град судьбы.	14
Зоя Буцаева. Я столько лет жила.....	15
Татьяна Марюха. Плач по капле.....	16
Белесый туман что-то ищет в овраге.....	17
Не грешить и не каяться.....	17
Было лето, каприз и кураж.....	17
Анатолий Овсянников. Ветер забвения	18
Путь-дорога	18
Сказ о Руси	19
Людмила Дринова-Воронина. Сентябрь, сентябрь!	20
Николай Будённый. Я слышу осени звучанье	21
Тамара Дронова. Букет для мамы.....	22
Елена Зуева. Женщина и табак	23
Евгений Кремнев. Сенокос	24
Галина Щербинина. Авторам	25
Ольга Филиппова. Сложилось лето всё оружие	26
Окрылённая	26
Вера Котенёва. Спит деревня, укрытая снегом	27
Нелли Амунова. Моей юности	28
Ольга Слободкина. Москва грустила без тебя	29
Алексей Витаков. Речушка там коленками дрожит	30
А помню, деревня была без названья	31
Глухая ночь.....	31
Был ливень впрямь	32

«ОСИЯННОЕ СЛОВО»

Алексей Авадин. Работа, дом, работа и тоска	34
Сергей Аксёнов. Космический	35
Юлия Хрисанфова. Венок.....	36

«МЦЫРИ»

Алина Серёгина. Я была бы крестьянской девкой	38
Светлана Попова. Яблоко	39

СТИХОМАРАФОН «ВКОНТАТКЕ»

Лидия Рыбакова. Где живёт счастье?	42
Что между нами?	43

Мария Урманова. Январский март.....	44
Светлана Весенина. Люди учатся жить.....	45
Наталья Дарованная. Питер.....	46

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Ирина Маркова. Стихи и топоры	48
Плоды воспитания.....	49
Друг друга нам нельзя терять.....	50
Шум сквозняка	51

Евгений Белозёров. Предаццо.....	52
Андрей Чувилин. Сказка: Машенька и брильянты	57
Владимир Чертков. Северное сияние	67

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Евгений Батурин. Чубчик	78
Владимир Калуцкий. Как я был богом.....	84
Юрий Чекусов. Каникулы бедного студента	95
Сибирские сказы	130

Литературно-художественный альманах

КЛАД Выпуск 17

Главный редактор Сергей Галиченко

Над выпуском альманаха работали Евгений Белозёров,
Ольга Филиппова, Людмила Дринова-Воронина,
Надежда Лан, Зоя Буцаева.

Корректор Нелли Кладова
Дизайн, компьютерная вёрстка – Пётр Гасев

Фото на обложке – Вероника Дынник,
победитель фотоконкурса “Муза для “Клада”

Издательство РОСА
Российское общество современных авторов
e-mail: 885533@mail.ru <http://art-rosa.ru>

Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Book Antiqua. Усл. печ. л. 9,53.

Тираж 3000 экз. 1-й завод (представительский тираж) – 100 экз.
Подписано в печать 17. 01. 2017 г. Заказ № 17
Отпечатано в типографии «Квадрат».
309504, Белгородская обл., г. Старый Оскол, пр-т Комсомольский, 73